

БЛАГОНАМЪРЕННЫЙ.

ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

А. Измайловымъ.

On fait ce qu' on peut,
Et non pas ce qu' on veut.

~~~~~  
ЧАСТЬ ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.  
~~~~~

*****
САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ МОРСКОЙ ТИПОГРАФИИ.

1823 ГОДА.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ шемъ , чшо бы по напечатаніи , до выпуска изъ типографіи , представлены были въ Цензурный Комитетъ семь экземпляровъ сей книги , для доставленія куда слѣдуетъ , на основаніи узаконеній . С. Петербургъ .
Декабря 2 дня , 1822 года .

Цензоръ Александръ Бирюковъ .

ДРУЗЬЯМЪ - СОТРУДНИКАМЪ.

БЛАГОНАМЪРЕННЫЙ.

1823. N° I.

О КАКЪ ВСЕ ПЕРЕМѢНИЛОСЬ! *)

Все проходитъ! все исчезаетъ! все перемѣняешь! И на этомъ свѣтѣ нѣтъ ничего прочнаго и посюяннаго!

Перемѣны слѣдуютъ одна за другою такъ быстро, что современные Испорки и наблюдатели нравовъ не успѣваютъ замѣчать новосней — неупоминемые издатели полишическихъ листковъ не успѣваютъ рассказывать о Вѣнѣ, Ахенѣ, Лайбахѣ, Веронѣ, и проч.

О какъ все перемѣнилось! говорю поушпру, читая газеты и журналы. Какъ все перемѣнилось! думаю я, идучи въ Клубъ. О какъ все перемѣнилось! шепчу про себя, посмапривая на того и другаго. — Боже мой! какъ все перемѣнилось!

---

*) Чтано въ собраніи Общества любителей Словесности, Науки и Художества 7 ч. Декабря 1822.

Скажущь, что слова мои — обыкновенная поговорка старика, который опжилъ свое время.—Быть можешь.— Однако я правъ...*Какъ все перемѣнилось!* Въ мое время... но что говоришь объ эпомъ золотомъ времени? Расскажу лучше со всею простосердечіемъ предковъ нашихъ, что случилось со мною — вчера.

Пройдохинъ пригласилъ меня на обѣдъ. Въ мое время обѣдывали въ 12 часовъ; но я зная, *какъ все перемѣнилось*, опсправился къ Пройдохину въ 4 часу.

Иду мимо огромныхъ домовъ... Вспарину принадлежали такіе дома знашнымъ, кореннымъ дворянамъ—шеперь?— Купцамъ, подрядчикамъ, опкупщикамъ! *Какъ все перемѣнилось!*

Карешы, коляски, дрожки мчашся по улицамъ... Вспарину можно было узнать по числу лошадей, кто сидишь въ карешѣ... шеперь?—*Какъ все перемѣнилось!*—Всѣ скачущь чешверками! Лучшіе экипажи принадлежашь — сынкамъ опкупщиковъ, игрокамъ и... *Какъ все перемѣнилось!*

Вспарину можно было опличашь

по плащю чиновника опъ купца, купца опъ ремесленника . . . . Теперь?—Всѣ состоянія имѣють—фракъ! Идешь по улицѣ—встрѣчаешь вельможу, сидѣльца изъ Англинскаго магазина — Типулярнаго Совѣтника, сапожника—всѣ одѣшы одинаково!

Прихожу къ *Пройдохину* .... обѣдь ... Хозяинъ и госпи Русскіе — а всѣ говорятъ пофранцузски! и говорятъ какъ нельзя хуже—по крайней мѣрѣ большая часть. Не поспигаю дерзоспій эспихъ говоруновъ! Они очень знаютъ, что Русской языкъ извѣспнѣ имъ всякаго иностраннаго; что они свободнѣе могутъ объясняться порусски...Нѣтъ! лепечуть пофранцузски и коверкають фразы; а что бы показаться совершенными Парижанами—каршавяють, не выговаривають R, и нескладицу свою безпрестанно приправляютъ пословицами и каланбурами!

Тотчасъ послѣ обѣда пошелъ я въ театръ — посмоирѣть *Поликсену*. Не умѣю изъяснить восторга, кошорый волноваль мою душу, смотря на игру *Семеновой*. Легче выразишь досаду на прочихъ актеровъ, особливо эмошь *Пирръ*!

Онъ шамъ ужасно горло дралъ,
Онъ сильно шакъ махалъ руками ...

А ему аплодируюшь! Его вызываюшь!—*Какъ все переиѣнилось!*

Изъ театра ѣду на вечеръ къ *Промотаеву*. На что ни взгляну, все не по старому, *все переиѣнилось!* Съ такими печальными мыслями сажусь за виспъ. Проигрываю — ужинаю и въ три часа пополночи возвращаюсь домой...

Какъ все переиѣнилось! Въ передней никого—каршины исчезли изъ залы—въ гостиной оспалась одна мебель — въ кабинетѣ пустые шкафы, бюро мое разломано ... меня обокрали!

Въ изумленіи осматриваюсь кругомъ...мертвое молчаніе и поразительная пустоша! На письменномъ столѣ лежишь листъ бумаги...Упрямъ разсматривая журналы, невольно я написалъ: *Боже мой! какъ все переиѣнилось!*—Подъ словами незнакомою рукою подписано: *Точно такъ: прежде старики или сидѣли дома, или возвращались домой прежде полночи—отъ того все наквартирѣ ихъ бывало цѣло!*

Какъ все переиѣнилось! Въ мое время—воровали просто....теперь и воруютъ и проповѣдуютъ! Боже мой, какъ все переиѣнилось!

й. оы.

~~~~~

ЧУДАКЪ *).

Портретъ съ подлинника, весьма рѣдко встрѣчаемаго.

Онъ молчитъ въ большемъ обществѣ и говоритъ только въ самомъ маломъ кругу людей знакомыхъ; не плѣняется вальсомъ, въ которомъ кружится модная красавица, предметъ вздоховъ и приношеній легкомысленной толпы; не восхищается пѣніемъ поддѣльной Капалани, кошорая думаетъ пискливыми своими руладами заглушить оркестръ и запѣмить славу испинной Капалани; не смѣется зашарѣлымъ шупкамъ и зашверженнымъ каламбу-

---

*) Чисано въ О. Л. С. Н. и Х. 7 ч. Декабря 1822.

рамъ моднаго Графа, котораго всѣ сговорились называть *мильми*, *неподражаемьми* *остракоми*. . . . Онъ чудакъ!

Когда надменная ничтожность сидишь передъ нимъ выказывать свое богатство, родъ и блестящую свою степень въ обществѣ — онъ смотритъ ей въ глаза съ холодностію, съ убійственной холодностію; которая, такъ близка къ презрительному сожалѣнію. . . . Точно, онъ чудакъ!

Идучи по улицѣ, онъ часто не примѣчаетъ встрѣчающейся знаши, сулившей ему предшательство и покровительство; и если случайно сполкнется съ вельможею, то кланяется ему съ обыкновенною, равнодушною учтивостию, не разспилаясь въ поклонахъ и не рассыпаясь въ льстивыхъ привѣтствіяхъ. . . . Право, онъ чудакъ!

Въ спорѣ сильнаго съ безсильнымъ, если первый пошребуетъ его мнѣнія, тогда онъ спокойно разспрашиваетъ, въ чемъ состояло дѣло, и охотно держитъ спорону послѣдняго, если истина на его сторонѣ. . . . Прямой чудакъ!

Если онъ самъ бываетъ завлеченъ

въ подобный споръ, по смѣло и неуступчиво утверждаетъ свое мнѣніе, не смотря ни на какія поспороннія уваженія, лишь бы мнѣніе сіе было справедливо. Не заботишься о томъ, что навлечешь на себя злобу сильнаго, не печалишься о томъ, что окружающіе пожимаютъ плечами и *шепчутъ въ полголоса*: “Какой чудакъ!,,

Наконецъ, если самолюбіе, спараясь выманишь себѣ отъ него незаслуженныя похвалы, ищешь пробудить его собственное самолюбіе похвалами — онъ слушаетъ недоувѣрчиво и опвѣчаетъ одною улыбкою; которая довольно ясно высказываетъ его чувствованія; иногда бываетъ даже споль дерзокъ, что оборачиваешься спиною къ своему панегиристу . . . . Чудакъ! большой чудакъ! не правдали, Милосшивые Государи?

Орестъ Соловѣ.

ЖУРАВЛЬ и ЛЯГУШКА.

Басня.

“Смошри, бѣдыбѣ не наворчашь !
 “Журавль подходишь близко!,, —
 — Ахъ, свашьюшка! мнѣ низко
 Съ моими чувстввами молчашь!
 Нѣшь, нѣшь! не только что ворчашь,
 Хочу кричашь, кричашь. . . . .

Уже ли машь — Природа

Нашь въ пищу создала для журавлина рода?

На чтожь намъ разумъ данъ?

Пора намъ разсуждашь пофилософски, здраво,
 Что право сильного — не право! . . . .

—“Ну, свашьюшка! ужь великанъ

“Носище направляетъ. ,,

—А это болѣе мнѣ жару прибавляетъ! —

—“Просшижь. ,, — Куда? — “Подалѣе скакну,

“А шамъ и въ глубину. ,,

—Трусиха! — “Дерзкая! шебя я долго слу-
 шалъ,

Сказалъ Журавль: въ болошьль разсуж-
 дашь

Опомъ, кому и что хошьль Юпиперь дашь?

Ты скоро замолчишь!,, сказалъ — схватилъ —
 и скушалъ.

*

Эй, полно, господа! изъ мрачныхъ вашихъ
 норъ

Повсюду распускать свой либеральный вздоръ
И восплавать прошиву проновъ!
Не Журавлей вы бойщесь, а законовъ.

Н. Остлѣвъ.

~~~~~

Замѣчанія на спашью: о торговлѣ
древнихъ и новыхъ народовъ, напе-
чатавшую въ 52 книжкѣ Сына Оте-
чества 1821 года *).

Авторъ, говоря объ увеличеніи ко-
личества драгоценныхъ металловъ, про-
изведенномъ открытіемъ Америки, на-
ходитъ, что чрезъ это распространи-
лась роскошь. Доселѣ слово: роскошь,
принималось въ проякомъ смыслѣ: во-
первыхъ означали симъ словомъ на-
клонность людей дѣлать издержки, не-
соразмѣрныя съ ихъ доходами; во вто-
рыхъ предпочтеніе, оказываемое произ-
веденіямъ рѣдкимъ и изъ отдаленныхъ
спранъ привозимымъ, или наконецъ
впретъихъ излишнее усюненіе въ на-

---

*). Смюпри XLIX N° Благонамѣреннаго 1822.

слажденіяхъ и въ удовольствованіи нуждъ своихъ. Во всѣхъ сихъ случаяхъ роскошь вредна какъ для богатства народнаго, такъ и для нравовъ, и Авторъ, вооружаясь противъ нее, весьма хорошо дѣлаетъ. Но изъ этого ни мало не слѣдуетъ еще, что бы большое количество золота и серебра, вывезенное изъ Америки, много способствовало къ ея распространенію. Были побочныя причины, которыя произвели это дѣйствіе. Авторъ не замѣнилъ ихъ. Вошь онъ: Вопервыхъ Гиспанія, позволивъ своимъ подданнымъ грабить безъ жалости жителей новаго свѣта, доставила всѣмъ бездѣльникамъ легкій способъ нѣсколькими пушечными выстрѣлами добывать несмѣшныя сокровища. Толпы бродягъ, обогащаясь легко и при томъ незаконно, привыкали расточать приобретенное въ наслажденіяхъ роскоши. Вовторыхъ алчность къ сокровищамъ новаго міра ввела въ употребленіе торгъ Неграми-невольниками, который будучи производимъ съ чрезмѣрною жестокостію и будучи самъ по себѣ несправедливъ, долженствовалъ поколебать

нравственности во всѣхъ мѣхъ, копорые въ ономъ участвовали, и обогативъ ихъ чрезмѣрно, прилѣпишь къ наслажденіямъ чувственнымъ и къ роскоши.

Далѣ Авшоръ утверждаетъ, что Европа, основывая колоніи ко вреду своего земледѣлія, лишилась великаго числа жишелей. Это несправедливо. Испанія есть одна изъ мѣхъ странъ, копорая болѣе прочихъ способствовала къ населенію Америки Европейцами; несмотря на сіе спашисики замѣчаютъ, что мѣ Испанскія области населеніе и богатѣе прочихъ, изъ коихъ отправляется много людей въ Америку. Многимъ это покажется невѣроятнымъ; но если вникнуть глубже въ причины, увеличивающія народонаселеніе, феномень сей объяснится. Надобно замѣнить, что большая часть переселенцовъ всегда почти состоятъ изъ бѣдныхъ ремесленниковъ, поденщиковъ — земледѣльцовъ *), коихъ

---

*) Люди достачные рѣдко бываютъ наклонны мѣнять выгоды вѣрныя на опдаленныя и ненадежныя. *Рец.*

нужда заставляешь покидать родину. Если сіи люди въ большемъ числѣ оставяшь ее, то безъ сомнѣнія въ первые годы она опустѣешь: но это ненадолго: совмѣстничество оставшихся рукъ само по себѣ уменьшился; работники станушь получають большую плату, поправяшь свое состояніе, будушь вступать въ супружество, не опасаясь болѣе лишиться средствъ къ пропитанію своего семейства; такимъ образомъ ущербъ въ народонаселеніи скоро вознаградится *). Исторія представляешь намъ частые сему примѣры. Мудрое провидѣніе такъ устроило міръ, что нерѣдко даже среди самыхъ бѣдствій находится источникъ будущаго благоденствія. Ложно предположеніе, что съ открытіемъ Америки развратились нравы; споишь только развернуть исторію вѣковъ среднихъ, дабы убѣдиться

---

*) Заразительныя болѣзни, свирѣпствовавшія назадъ тому нѣсколько столѣтій, въ нѣкопрыхъ частяхъ Германіи, произвели подобное же дѣйствіе. *Рец.*

въ прошивномъ. Современники крестовыхъ походовъ и Папскаго единогодержавія не уступали въ нравственной порчѣ соучникамъ Пизарра, Корсеца и войнамъ Карла V. Несправедливо также, чтобы постыдная болѣзнь, которая заражаетъ въ чловѣкѣ самые источники жизни, привезена была изъ Америки. Нѣсколько мѣсяцевъ еще до возвращенія Колумба изъ перваго своего путешествія, свирѣпствовала она уже во Франціи, въ Испаніи и въ Германіи.

Съ открытіемъ Америки *цѣны на вещи возвысились до трезвѣрности.* (спр. 259.)

Странно, что Авторъ, говоря о такомъ важномъ явленіи въ Исторіи, споль мало заботится о точномъ опредѣленіи словъ. Что называетъ онъ цѣною вещи? Доселѣ всѣ писатели о Государственномъ Хозяйствѣ разумѣли подъ этимъ отношеніемъ цѣнности одной вещи къ цѣнности ходячей монеты, называя цѣнностію по качеству предмета, чрезъ которое онъ дѣлается способнымъ удовлетворять нашимъ нуждамъ. Такимъ образомъ говоря, что одна чешверть ржи стоитъ на рынкѣ два

серебряныхъ рубли, мы понимаемъ подъ эшимъ, что въ глазахъ городскихъ жителей одна четверть ржи равную имѣешь цѣну съ двумя серебряными рублями—или какъ говорится обыкновенно: цѣна одной четверти ржи равна двумъ серебрянымъ рублямъ. *) Положимъ, что въ самое время шорга количество продажнаго хлѣба уменьшился; тогда конечно уже одна четверть ржи будетъ стоить нѣсколько болѣе двухъ серебряныхъ рублей. Подобное же случится, если число рублей серебряныхъ увеличилось въ городѣ. Ипакъ цѣна на вещи увеличивается двоякимъ образомъ: либо чрезъ уменьшеніе количества вещей, либо чрезъ увеличеніе числа ходячей монеты. Доказавъ это, постараемся опредѣлить опъ чего возвысились цѣны на всѣ вещи, когда рудники новаго свѣша наводнили Европу несмѣшнымъ количествомъ золота и серебра. Вникнувъ

---

*) Рублемъ называю я пошъ кусокъ чеканеннаго мешалла, на коемъ подпись свидѣтельницаешь, что онъ содержитъ въ себѣ 4 золотника и 21 долю чистаго серебра.

поближе въ тогдашнее состояніе Европы, легко замѣшимъ, что въ началѣ XVI столѣтія промышленность начала процвѣтать съ особенною силою, чему много способствовали разныя открытія по Естественной Исторіи. Простыя издѣлія начали обрабатывать либо съ большимъ вкусомъ, либо въ большемъ количествѣ, и нѣкоторое довольство, дополь неизвѣстное, посѣлило всѣ почти классы народа. Таковыя обстоятельства должны были уменьшитъ цѣну самыхъ дорогихъ произведеній; совсемъ шемъ мы встрѣчаемъ прошивное, и это произошло отъ слѣдующаго: приобращеніе золота, и серебра въ новооткрытыхъ странахъ въ первые годы XVI столѣтія было сопряжено со столь малымъ трудомъ, что въ первые годы вывезли онаго въ Европу несмѣнное количество; чрезъ это увеличилось число ходячей монеты, а цѣна на произведенія должна была сама по себѣ увеличиться, и конечно бы она увеличилась еще болѣе, если бы возраждающаяся въ XVI вѣкѣ промышленность не открыла людямъ средства обрабатывать грубыя

произведенія съ меньшими издержками *)).

На стран. 262 Авторъ говоритъ, что Англія при Карлѣ II платила дань Французскій промышленности, и Франція ежегодно получала отъ нее 8 миліоновъ ливровъ выгоды.

Если бы Авторъ прежде, чѣмъ писать о торговлѣ, и ш. п. занялся нѣсколько времени Политической Экономіею, то конечно не сказалъ бы подобной несообразности. Въ торговлѣ двухъ сосѣдственныхъ государствъ, лежащихъ, шакъ сказать, въ центрѣ Европейской промышленности, никакъ не можешь. Если бы Англичане нашли,

---

*) Въ опредѣленіи словъ я старался болѣе сообразоваться съ Г. Сеелъ (J. B. Say), ибо мнѣ кажется, что изъ всѣхъ новѣйшихъ писателей по Политической Экономіи никто прочнѣе его не писалъ объ этой наукѣ. Сей глубокомысленный человекъ изложилъ основанія Государственнаго Хозяйства съ особенною ясностію, и книга его весьма легко можешь быть понимаема начинающими. Жаль, что доселѣ никто не предпринялъ полезнаго труда перевести на Русской языкъ его *Traité d'Économie politique*.

что Французы ихъ обманываютъ; по безъ сомнѣнія произведенія, дошолъ изъ Франціи получаемыя, спали бы вывозить изъ другихъ странъ. Впрочемъ можно ли повѣрить, что бы цѣлая нація могла брать лишніе барыши съ другой? Для сего всѣмъ купцамъ ея должно бы условиться въ цѣнѣ; но это само по себѣ не возможно: ибо если купцы съ одной стороны находятъ выгоду продать дорого свои товары, то съ другой имъ также прибыльно скоро сбывать ихъ съ рукъ. Да и самыя обшпельства, не позволяя нѣкоторымъ держасть долго товары въ лавкѣ и ждашь удобнаго времени, заставляють другихъ скорѣе продавать купленное. Такимъ образомъ заговоръ купческаго сословія одной націи противъ другой, не можешь имѣть никакого успѣха.

Правда Французскіе Короли, сдѣлавъ изъ торговли съ Англією родъ монополіи, могли бы нѣкоторымъ своимъ купцамъ доставить выгоды излишнія; но Исторія нимало не свидѣтельствуетъ намъ, что бы Короли Французскіе имѣли когда либо такое намѣреніе. Впро-

чемъ если бы они что нибудь подобное успановили, то ихъ сшараніе обогатишь нѣсколько человекъ въ своемъ государствѣ осшалось бы щещнымъ: скоро бы мануфакшурисшы другихъ земель, да и самой Англїи, нашли выгоды обратишь часть своихъ капиталовъ на произведеніе вещей, продаваемыхъ Французами за шполь высокую цѣну. Первые ихъ опышы вѣрояшно были бы неудачны; но чего нельзя достигнуть съ перпніемъ? Я догадываюсь, что ввело Авшора въ заблужденіе. Онъ конечно разсмашриваль шаблицы шорговаго баланса и по нимъ заключиль, что Французы въ шорговлѣ съ Англїею выигрывали онъ сей послѣдней 8 милїон. ливр. Опяшь повторяю: если бы Авшоръ прежде, чемъ писать, занялся Государственымъ Хозяйшвомъ, то конечно бы не впаль въ подобное заблужденіе: онъ увидѣль бы, что шаблицамъ шорговаго баланса вѣришь никакъ нельзя; что если бы и случилось, что одно государство нашло выгоды вымѣнивать шовары другаго не на шовары, а на деньги, то изъ эшого чувшвишельной выгоды ни для

одной изъ торгующихъ сторонъ произойти не могло: развѣ произведенія мануфактуръ не имѣють равной цѣнности со звонкою монетою, и развѣ я перяю, когда за нѣсколько кусковъ иностраннаго сукна плачу деньгами, а не поварами. Не должно опасаться, что бы чрезъ мѣну на драгоцѣнные мешаллы оными государствомъ могло истощиться: деньги вообще имѣють одинакое свойство съ прочими вещами; опъ чрезмѣрнаго ихъ вывоза изъ какой либо страны онѣ возвышаются въ цѣнѣ, по есть, другими словами: если прежде за три серебряные рубля можно было купить чешверть ржи, то чрезъ особенный вывозъ серебряныхъ рублей чешверть ржи стоила бы уже два рубля съ половиной, или около того. Такое вздорожаніе звонкой монеты не можетъ долго продолжиться: ибо если въ одномъ государствѣ на серебряный рубль можно болѣе купить вещей, чемъ въ другомъ, то естественно, что многіе капиталисты сего послѣдняго государства найдуть выгоду посылать деньги въ первое, и чрезъ это курсъ драгоцѣнныхъ мешалловъ понизится.

Далѣ Авторъ утверждаетъ , что Великобританія поддерживаетъ свой кредитъ трезвѣрными долгами. Не понимаю, что онъ намѣренъ сказать. Ссылаюсь на судъ всей просвѣщенной Публики, всѣхъ мыслящихъ людей: пусть они рѣшатъ, можно ли поддерживать кредитъ долгами? Мнѣ же кажется, что основанія частнаго и государственнаго кредита одинаковы: во всякомъ быту кто много долженъ, тотъ съ трудомъ находитъ вѣришелей. Тоже бываетъ и съ правительствомъ. Если и видимъ примѣры противнаго, то они происходятъ отъ причинъ побочныхъ. Такимъ образомъ Англія, будучи должна около 20.000 милліоновъ нашихъ рублей ассигнаціями, пользуется довѣренностію капиталистовъ не отъ того , что она обременена такимъ долгомъ, но потому, что во первыхъ ея богатство многимъ превосходитъ долгъ; во вторыхъ Парламентъ ея, составленъ будучи по большей части изъ людей отличныхъ какъ по способностямъ ума, такъ и по качествамъ сердца, обеспечиваетъ кредиторовъ; въ прешнихъ Англинское

Правительство, будучи по большей части должно своимъ подданнымъ, удерживается опъ банкротства страхомъ подвергнуть все государство ужасному внутреннему перевороту.

Авшоръ, говоря о конспиненпальной системѣ, къ удивленію всѣхъ просвѣщенныхъ читателей, опзывается объ ней съ похвалою. Онъ приписываетъ вліянію эпои системы какое-то оживленіе промышленности, никому неизвѣстное, никемъ невиданное, даже и пѣми, копорые имѣли счастье находиться во Франціи и въ Германіи въ то время, когда декреты Берлинскій и Миланскій возымѣли полное дѣйствіе. Наполеонъ, говоря цѣии народамъ Европы, увѣрялъ ихъ, что весьма выгодно не торговать съ Англіею и распашься съ морскою торговлею. — Чрезъ это одно, говорилъ онъ: процвѣшетъ внутренняя промышленность и государство не будетъ терять ни крохи звонкой монеты, будно бы вывозимой допощъ въ большомъ количествѣ за границу. Многие ему повѣрили; другіе же покорились по необходимости. — Что же? —

Пышныя надежды оспались надеждами; колониальные повары вздорожали, морской торговли не спало: ибо флоты Англии, видя вездѣ развѣвающееся знамя своей соперницы заперли всѣ гавани. Оставалось перевозить произведенія сухимъ путемъ. Для этого новый Тамерланъ, располагая несмѣшными сокровищами, велѣлъ проложить дороги чрезъ непроходимыя цѣпи горъ, рыть каналы, строить мосты; но щещно! Правильныя опеческимъ его скипетромъ сдѣланы бѣднѣли часъ опъ часу: въ одномъ мѣстѣ мануфактуры пустили поному, что хозяева оныхъ, не имѣя способовъ получать грубыя произведенія за сходную цѣну, старались какъ можно скорѣе сбыть съ рукъ: въ другомъ мануфактуристы начали запирашь свои фабрики, ибо не находили сбыту издѣліямъ. Прежде они продавались въ странахъ отдаленныхъ; когда же декреты Миланскій и Берлинскій уничтожили морское сообщеніе, должно было перевозить все сухимъ путемъ; а это, не смотря на прекрасныя дороги, твердые мосты и вновь проведенные каналы,

чрезмѣрно возвышало цѣну на товары и уменьшало число покупателей; Европа бѣднѣла болѣе и болѣе, пока наконецъ спраждущіе народы, воспламенясь справедливою местию, свергнули съ себя постыдное иго хищника *)

Ложно, чшобы конпиненшальная система оживила торговлю Антверпена. Сей городъ, по учрежденіи свободнаго судоходства на рѣкѣ Шельдѣ, началъ снова процвѣшанъ, и несмотря на запрешельные декреты Наполеона уже въ 1807 году приходило въ Антверпень 1342 купеческихъ корабля; когда же ору-

---

*) Въ Нидерландахъ въ то время, когда конпиненшальная система была въ силѣ, только 30 кораблей отправлялось на киповую ловлю. Въ первомъ году, по изгнаніи Французовъ, отправилось оныхъ около 100, въ 1813 году 137.

Въ Лионѣ въ 1788 году было 9335 ткацкихъ становъ, въ 1803 же году только 1500. Прежде на шляпной фабрикѣ ежедневно работало 8000 ремесленниковъ; теперь же находится на оной только 1500.

жіе союзниковъ освободило его ошь ига Французскаго—шо, пользуясь всѣми выгодами шорговли свободной, приходило въ его порпъ до 4000 кораблей.

Не понимаю, почему Авшоръ находитъ, что Англія держитъся шолько чрезъ припѣсненіе другихъ державъ и чрезъ размноженіе колоній. Если бы онъ прѣжде, чемъ писашъ о предметѣ, вовсе ему неизвѣспномъ, прочель либо Сея *), либо Шшорха **), либо превосходный *Опытъ теоріи налоговъ* Г. Тургенева, шо убѣдился бы вопервыхъ, что Англія, потерявъ большую часть своихъ колоній въ Америкѣ, не шолько чрезъ шо не обѣднѣла, но даже обогатилась; вовпорыхъ, что Англичанамъ выгоднѣе совершенно опказашъся ошь владычества надъ Индією (такъ называемымъ испочникомъ ея богашства), чемъ кровію своихъ воиновъ поддерживашъ оное; вшрешьихъ, что Англія сильна цвѣшущимъ своимъ земледѣлемъ, мануфакпу-

*) *J. B. Say, Traité d' Economie politique.*

**) *H. Storch, Cours d' Economie politique.*

рами и торговлею, копорья нимало не нуждающся въ припѣсненіи другихъ державъ.

Авшоръ въ заключеніи своемъ предсказываетъ будущее и припомъ близкое паденіе Англіи.— *Народы*, говоритъ онъ: *соединившись противъ нее, потребуютъ отъта въ несправедливо—присвоенныхъ ею правахъ и заставятъ уважать права народовъ.* — Въ этомъ я сомнѣваюсь. Испорія всѣхъ временъ, особенно же XIX столѣсія, доказываетъ намъ, что таковой общій союзъ народовъ противъ Англіи съ прудомъ можетъ соспоянъся. Любопышно знашь: въ чемъ соспоянъ присвоенныя Англіею права, о коихъ говоритъ Авшоръ? — дѣйспвишельно ли не совмѣспны они съ безопасностію и благоденспвіемъ прочихъ государствъ? — Постараемся рѣшишь это. Во всѣхъ войнахъ, на суши производимыхъ образованными народами, принято за правило щадить часпную собспвенностъ: ибо испребленіе, или завладѣніе оною, часто бываетъ излишне и даже опасно. Покоряя обласпъ, держава уже сама по себѣ лишаетъ неприя-

шеля способоу располагашь средствами, пою обласію представляемыми. Такимъ образомъ всѣ усилія воюющихъ споронъ направлены на испребленіе однихъ военныхъ снарядовъ и вообще всего того, что находясь уже въ рукахъ у правительсва, служилъ способомъ вести войну. Таковый обычай, сколько онъ ни ушъщипелень для друзей челоуѣчесва — къ несчастію — не всегда можешь бышь наблюдаемъ. Бываюшъ случаи, въ которыхъ однимъ испребленіемъ частныхъ имущесствъ можно только нанесшь чувсшвишельный вредъ прошивникамъ. Послѣдняя война Англій съ Франціею представляла частые тому примѣры: когда флоты сей послѣдней были разсѣяны и уничтожены; когда всѣ почши ея колоніи пали въ руки побѣдителей—Англія, не въ силахъ будучи дѣлать высадки, никакого дальнѣйшаго вреда не могла наносить своей соперницѣ—освавалось ей или совсемъ прекрашшь войну, или спарашься испребляшь морскую Французскую торговлю и засшавишь шемъ чешполубиваго Наполеона отказатьсь ошъ

его замысловъ. На эпошъ конецъ покрыла она моря сильными флошами, заперла Французскія гавани, объявляла цѣлыя прибрѣжныя обласши находящимися въ блокадѣ и всячески спаралась спѣснить морскую шорговлю неупральныхъ государствъ съ Франціею либо спрогимъ осмопромъ шоваровъ на корабляхъ, либо распроспраненіемъ поняшія о конпробандныхъ вещахъ. Таковыя мѣры, по большей часпи вынужденныя самою необходимоспію, навлекли Англии со спороны правительствъ швердой земли упрекъ въ насиліи и оскорбленіи неупральныхъ флаговъ. Англинское Правительство опвѣчало, что находясь въ войнѣ съ Франціею, не можетъ оно невозбранно позволишъ неупральнымъ купеческимъ кораблямъ посѣщать Французскія гавани; что конпробандной шорговли нельзя предупредишъ иначе, какъ осмопромъ шоваровъ, на корабляхъ находящихся; что въ прошивномъ случаѣ неприятели ихъ легко могутъ получашъ опъ неупральныхъ народовъ вмѣстѣ съ шовароми и военные снаряды и посреди войны, кошорая споль дорого споишъ Ан-

глии, пользовалась всеми выгодами заграничной торговли. — Не берусь оправдывать совершенно Англию; но мнѣ кажется, что присвоенныя ею права не столь важны, какъ полагаешь Авторъ.

П. Черевинъ.

ВСТРѢЧА ДВУХЪ ПОДРУГЪ.

Сказка.

Двѣ дамы встрѣшились въ рядахъ:—
“Ахъ!

Прасковья Марковна! Быль это?,,
—Я Анна Дмитриевна, вошь нынѣшнее лѣшо
Изъ Твери приплыла.—“Ахъ, Боже мой! лѣшь
пяшь

Мы съ вами не видались!

Привель же Богъ увидѣшься опяшь.,,
(Тупъ шри раза они поцѣловались.)

“Какъ рада я!.. но какъ перемѣнились вы!

Ужасно похудѣли!,,

—И вы не очень подобрѣли!—

“Конечно за мужемъ?,, — Увы!

Чешвертый годъ....—,А кто супругъ вашъ?,,

—Крючокшворецъ,

Совѣшникъ Праволовъ; богашъ, но спрахъ
какъ скупъ!

Ревнивъ!.. — “А у меня и шаръ и глушь
И къ этому же стихотворецъ!..”

— Я въ заперши живу, не вижу и людей;
Взглянулъ въ окно — и онъ шумишь, кри-
чишь, ругаешь!.. —

“А у меня шакой злодѣй:

И день и ночь все мнѣ снихи свои чи-
таешь!..”

— Скажу вамъ: мужъ мой вѣдь вдо-
вецъ;

Онъ былъ женашъ, не знаешель? на Ленской
И уморилъ ее! — “А мой — по молодець

Двухъ женъ отправилъ ужъ къ Смо-
ленской.

Предсхавше: первая сошла совсемъ съ ума;

Въ чахопку онъ вогналъ вшорую;

Не знаю право и сама,

Опъ виршей чувствую поску шакую!..”

— Смощрише! вслѣдъ за мной ревнивецъ мой
бѣжишь;

Не дасшь поговоришь мнѣ съ вами! —

“И мой вонъ пащися!.. Душа пакъ и
дрожишь!..”

Ахъ, Боже мой! и со стихами!..”

Ревнивецъ прибѣжалъ. — “Парашинька, другъ
мой!

Какъ ты замѣшкалась! Пора, пора домой!

Чтожь спала?.. — Не бранише:

Я вспрѣшилась вонъ здѣсь съ подругою моею;

Пяць лѣшъ мы не видались съ ней,
А вмѣстѣ, выросли . . . — “Какъ радъ я! . . .

Извинише . . .

Рекомендуюсь вамъ . . . . имѣю честь . . .

Однако же часовъ ужъ шесть . . . ,

— А у меня посланье естъ!

(Вскричалъ къ нимъ подошедши

Рлемачъ сѣдый и сумасшедшій)

Анюша! знаешь ли? тебѣ я написалъ

Прелестный мадригалъ!

Послушай . . . — “Башюшка! да поспыдишь
народу

И дай съ знакомыми ты мнѣ поговорить . . . ,

— А смѣю васъ, сударь, спросить

Чищали ли вы оду?

На погребеніе Вавилина Купца?

У Холмогорскаго Пѣнца.

Ей Богу нѣшъ такой! Войдемъ-ше въ вашу
лавку:

Я оду вамъ прочту, да припчей пяшь въ
прибавку. —

Сказалъ и за ворошъ Совѣтника схватилъ,
А шопъ хопъ изумился,

Но за руку жену съ собою пошацилъ.

Народъ предъ лавкою столпился

И по гостинному двору прохода нѣшъ.

Безсовѣстный Поэщъ

Что силы естъ спихи чищашъ,

Жена напрасно унимашъ,

Купецъ изъ лавки выгоняешъ.

Сидѣлецъ головой качаешъ —
 Онь ничего не примѣчаешъ,
 А все чишаешъ, да чишаешъ
 И ошь себя ревнивца не пускаешъ.

Тошь все молчалъ, молчалъ;
 Но напоследокъ закричалъ:
 Ой караулъ! — и побѣжалъ.

Риемачъ за нимъ—кричишь: *держи! держите!*

Я пришчей не чишалъ еще, а вы бѣжише.

И оба скрылися изъ глазъ.

«Ну, машушка, шакихъ проказъ
 (Прасковья Марковна сказала)

Признашся, я не ожидала.

Мой Пешръ Кондрапьевичъ ревнивъ,
 Взыскашелень, сварливъ;

Но все сносиѣй, чемъ вашъ мучишель.,,

Я самъ, къ несчастью, сочинишель;

Писашъ стихи люблю.

И ужь никакъ не ушерплю,

Чшобъ не чишашъ *друзьялб* свои стихопво-
 ренья;

А бѣдная моя жена —

Пошли ей, Господи! терпѣнья—

Хошя не хочешъ, но должна

Сидѣшь и слушаешъ, какъ чишаю Васни,
 Сказки —

Молчишь голубушка и шолько щуришь глаз-
 ки.

Ахъ! знаю по себѣ, что всякой мешпромагъ
Жены своей ширанъ.

И.

~~~~~

ПЛАТА ТОЮ ЖЕ МОНЕТОЮ.

Бѣлб.

Помѣщикъ N. N. человекъ умный и очень богатый; имѣеть одну шолько дочь—и она прелесна, какъ Ангель; а говорятъ люди опытные, что чемъ прекраснѣ женщина, темъ хитрѣе. Грѣхъ эшопъ водился и за Александриной: она шакъ лукаво обращается съ мужчинами, что всякой гошовъ явно бранитъ ее и всякой за величайшее счастье поста вишь всшуниться за нее, когда кто нибудь другой осмѣлился сказать объ ней хотя одно невыгодное слово. Образъ обхожденія ея съ мужчинами, не мѣшаетъ ей, впрочемъ, помыслишь иногда и о шомъ, что рано, или поздно — а надобно выдши за мужъ; но за кого?.. Выборъ палъ на шоварища моего N. — Эшопъ молодой человекъ воспитанъ какъ нельзя лучше, знаетъ совершенно

всѣ тонкости свѣтскаго прилитія, очень недурень собою и привсемъ помъ скромень, какъ овечка. Мудрено ли, что Александрина спала къ нему неравнодушна? Я полагаю, что прияшель мой замѣшилъ это; но ему нѣкогда и подумать о женишбѣ; у него въ головѣ колонны, деплояды, конспр-марши — на службѣ основываетъ онъ свое счастье и къ ней одной только привержень; что же касается до женщинъ, то онъ ко всѣмъ къ нимъ вѣжливъ, всѣмъ услужливъ и ни къ одной не чувствуетъ особенной привязанности. Скоро примѣшила это Александрина — оскорбленное самолюбіе пробудилось и мщеніе, ужаснѣйшее мщеніе наполнило всю ея душу!

Въ день именинъ своихъ *N. N.* дѣлаетъ балъ: госпей обоого пола съѣхалось множество — приѣхалъ и поварищъ мой. Начинаюцца танцы. Прелестная Александрина летаетъ, какъ Діана — всегда въ первой парѣ — всегда съ лучшимъ кавалеромъ; а скромный *N.* танцуетъ съ шюю изъ дамъ, копорая оспашается неопозванною. Послѣ нѣсколь-

кихъ быспрыхъ шанцовъ, хозяину вздумалось начашь снова *Польской* — и надобно сказашь, что вспомнивъ спарину разохотился онъ шакъ, что пропанцоваль его два часа бипыхъ. Въ эпошъ разъ шоварищу моему пришлось шанцовашь съ Александриной. Должно разговаривашь: *N*, какъ водипся, начинаешъ хвалишь парке — ему ошвѣчаюшъ *сухо*: да! Восхищается прекраснымъ освѣщеніемъ залы — ему ошвѣчаюшъ *холодно*: да! Хочешъ поговоришь что нибудь о музыкѣ — его перерываюшъ и ошвѣчаюшъ *презрительно*: да! *N*. смѣкнулъ дѣломъ и замолчалъ. Не знаю, ошъ чиспосердечнаго раскаянія, или ошъ желанія еще болѣе уязвить моего приятеля, Александрина сама ошносится къ нему: “Скажете, не скучно ли вамъ здѣсь?,, — Развѣ въ раю можешъ бышь скучно? — “Я васъ не понимаю!,, — Подъ словомъ: *рай*, я разумѣю шо мѣсно, гдѣ находяпся сущесва, вамъ подобныя., Красавица *отворотилась*—и захохотала *во все горло*. *N*. догадался, что надъ нимъ шупяшъ; но не смѣшавшись ни мало, онъ продолжаешъ: “Вы всегда

смѣшесь, сударыня, когда говорятъ вамъ ошъ сердца! — (молтаніе) — хладнокровіе ваше обезоруживаетъ каждаго! — (внимательный. взглядъ) — и признаюсь, что образъ обхожденія вашего, съ нѣкотораго времени, со мною, разрушаетъ всѣ мои надежды! . . . ,, — Сердце забилося у бѣдной Александрины; холодный потъ выспунилъ на челѣ ея. Едва, когда она вымолвишь: “что хопите вы сказать? ,, — Ахъ! если бы я смѣль . . . . Но нѣшь, не возможно надѣяшься, что бы . . . . — “Говорите, ошкройшесь смѣло! ,, — *N.* отворотилъ и захохоталъ во все горло. “Что это значить? ,, — Я не люблю, сударыня, ни у кого оспаваться въ долгу, а пошому и посшавилъ обязанношю моею поквшивашься съ вами! ,, *Польской* окончидся и они раксданялись.

Ө . . К — цѣ.

ТЕАТРЪ.

Сидъ, Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ, и *Уединенный домъ*, Опера въ двухъ дѣйствіяхъ, представленные на Большомъ Театрѣ 14 ч. Декабря въ пользу *Каратыгина* б.

Корнель, образователь Французскаго Театра около 200 лѣтъ назадъ написалъ *Сиду* въ подражаніе двумъ Испанскимъ Трагедіямъ: *el Honrador de su padre* и *el Sid*. Французы не имѣли еще въ то время ничего подобнаго на своей сценѣ, а потому піеса и была принята Публикою съ восхищеніемъ. Мы знаемъ однакожь и по какихъ непріятностей сподобило потомъ Автору ея появленіе: Скудери и прочіе извѣстные и неизвѣстные завистники славы Корнеля, покровительствуемые Кардиналомъ Ришелье, испощались въ ругательствахъ. Весьма любопытно превосходное о семъ предметѣ мнѣніе Французской Академіи: какое благоразуміе и какую оспорожность надлежало употребить ей, что бы угождая Кардиналу, не оскорбишь

знаменишаго Авшора и отдашь ему должную справедливость?—Вольперъ въ своихъ *Commentaires sur Corneille* весьма хорошо разобралъ *Сиду*. Главнѣйшій недосмашокъ пьесы полагаешь онъ въ расположеніи: дѣйствіе часпо прерывается и сцена оспаешся пустою; сверхъ того и самое содержаніе болѣе комическое: пощечина, которую даетъ Графъ Гормасъ Діегу, совсемъ неприлична въ Трагедіи. Впрочемъ сіи и другія погрѣшности замѣнены прекрасными стихами, составляющими опличительное достоинство *Сиды*.

П. А. Катенинъ перевелъ сію Трагедію на Русской языкъ. — Не принимая, на себя обязанности крипика, и не зная, заслуживаешь ли еще подобный переводъ полнаго, основательнаго разбора и сличенія съ подлинникомъ *)—намѣрень

---

*) Г. Катенинъ сдѣлалъ нѣкоторыя опущенія отъ подлинника. Онъ выключилъ совершенно ненужное лице: *Инфанту*; но съ пемъ вмѣстѣ испорчилъ роль *Хилены*, начавъ Трагедію съ 6 го Явленія. Зришель не видалъ еще *Хилены*, ему неизвѣстна любовь.

я только познакомить Публику съ Русскимъ Сидомъ, и для того выпишу нѣкошорыя мѣспа.

Донъ Родригъ.

(продолжая разсказывать Королю о побѣдѣ, одержанной имъ надъ Маврами. Дѣйств. IV. Явл. 1.)

Моимъ вельніямъ послушный,
 Ко брегѹ двинулся сей полкъ великодушный.
 Пять сотъ насъ было, но споль малое число
 Въ три тысячи, дойдя до пристани, возросло,
 Столь видя духъ, съ какимъ мы къ бишвѣ
 поспѣшали,
 Граждане робкіе душею оживали.
 Двѣ шреши я сокрылъ лишь только мы
 пришли
 Въ мной найденные шамъ пуспыя корабли;
 Другіежь (съ каждымъ полкъ нашъ множил-
 ся мгновенемъ)

ея къ Родригу, и попому онъ не принимаешъ
 большаго учасія въ ссорѣ ихъ опцевъ. Хи-
 мена являешся на сцену уже во 2 мѣ дѣй-
 ствіи, шребуя у Короля казни Родрига за
 смерть своего опца: эшо весьма нашурально;
 но мы поражены быми бы симъ явленіемъ,
 еслибъ знали напередъ шрасшь ея.

. . . . .
 . . . . .
 . . . . .
 Повсюду бѣгалъ я, духъ рашныхъ ободряя,
 Тѣхъ двигая впередъ, другихъ же подкрѣпляя,
 Вновь приходящихъ къ намъ на помощь имъ
 гоня, и проч.

Какая передвигательная картина въ
 послѣднихъ шрехъ стихахъ!

Хилена.

(узнавъ, что Родригъ не убитъ въ сраженіи;
 Д. IV. Я. 4.)

Смершь славную его почла бы я обидной;
 Я шребую ее, не хвальной, не завидной,
 Не чесши на полъ опъ Маврова меча,
 На плахъжъ казненной сѣкирой палата. *)
 За моего опца ему да будетъ горе,
 И память бы его осталася въ позорѣ!
 Чшо за опчизну смершь?—не бѣдспвіе, но
 честь **)

---

*) Смершь!

**) Хорошій стихъ. Рец.

Тамъ *знатитѣ* умереть безсмертныя приобрести.
 Я *слибу* рада быть, что шамъ не палъ онъ
 мершвой.

. . . . . , . .
 . . . . .

И (въ похвальбу сіе да слово не приттется.)

(Химена, же когда Родригъ объявляетъ ей, что
 не будетъ защищаться въ поединкѣ съ Д.
 Феликсомъ. Д. V. Яв. 1.)

Любезный Родригъ, *ахъ!* хоть за любовь мою
 Опъ Довъ Феликса шы спаси меня въ бою,
 Чтобъ не стужалъ меня своей побѣды въ
 цѣну

Опъ брака зацпи пропивнаго Химену.

Сказашъ ли болъ мнѣ? *) *Воздвигни въ бит-*
въ мечь

. . . . .
 . . . . .

Воспоржешвуй въ бою, въ копоромъ я на-
 градой.

Ахъ! что я молвила! гдѣ скрою мой позоръ?
(уббгаетъ!)

Насилу призналась, что не кспа-
 ши молвила.

---

*) Намѣстѣ Родрига я покачалъ бы го-
 ловой въ знакъ отрицанія. *Рец.*

Король.

(Д. Арію о Гормасъ. Дѣйств. II. Явл. 3.)

И здѣсь въ дворцѣ моемъ китится предо мной!
Пусть воинъ храбрый онъ и пусть онъ вождь
примѣрный,
Но долгъ мой укрощишь сей нравъ высоко-
мѣрный:
Графъ Гормасъ долженъ знашь, будь онъ само
браней богѣ,
Что Царь къ смиреннымъ благъ, но къ дерз-
вевнымъ спрогъ *).

Я, какъ вина его мой гнѣвъ ни возжигала,
Насилья не хотѣлъ употребить съ начала;
Но если такъ, иди со спражею моею,
И коль добромъ нельзя, иль силой овладѣй. **)

(или въ помъ же дѣйснвій—Явленіе 5.)

Зашемъ въ Севиллу я, на нашихъ спранъ
границу,
Пренесъ ужъ десяшь лѣшь Каспилиі спо-
лицу,
Чтобъ ближе видѣшь ихъ ***) и шемъ ско-
рѣ самъ
Во всѣхъ ихъ замыслахъ прошивишься вра-
гамъ.

*) Хорошій стихъ. Рец.

**) Не лучше ли шавъ:

«И коль добрымъ нельзя, иль силой овла-
дѣй., Рец.

***) Мавров Рец:

Безсмыслица. ... извинительная, по-
тому что Фердинандъ первый, Король
Каспильскій, вѣроятно не зналъ Руской
Граμμαшики.

Д. Діегъ.

(нашедь Родрига послѣ поединка *Д. III. Явл. 6.*)

Заступникъ мой и свѣтъ! прими же *мзду*
труда:
Коснись волосъ сѣдыхъ, спасенныхъ опъ
спыда,
И на лицѣ моемъ *облобызай устали* *)
Ударъ твоими мнѣ изглаженный руками.

(или въ помѣ же Явленіи, когда Родригъ
проситъ опца *повѣдать* ему, какой судьбой
видитъ его въ домѣ Химены.)

Внушило сердце мнѣ *идти* въ сей грустный
домъ,
Не зналъ какъ мнѣ *войти;* но просьбой и *тру-*
дою
И *золопомъ* нашель я *наконецъ* дорогу.
Бдва достало *силъ;* но здѣсь ты, *слава* Богу!

---

*) Говорятъ ли у насъ: *поцѣлуй* меня
губами?...Мудрено шакже и *облобызашъ* ударъ
и *пришомъ* еще *изглаженный.*

Теперь не время, сынъ, намъ плакаться судьбѣ;
Опчизна и Король *нуждаются* въ тебѣ.

Подобные списки *нуждаются* во многомъ.

Вошь нѣкошорые образчики перевода—
такъ переведена и вся Трагедія. Есшь
списки посредспвенные, мелькающъ и-
ногда нечаянно и хорошіе; но какъ рѣд-
ко! ... и какъ часто за то *вспрѣчаются*
такія красоты, какихъ *не пылкому уму*
не выдумать и въ вѣкѣ. Начнемъ при-
мѣры съ перваго Явленія.

Диегъ.

И разомъ чпобъ прервашь всѣ лишнія слова,
Ты нынѣ почно по, чемъ я бывалъ сперва.

Позволишелень ли шакой языкъ въ
Трагедіи?

Гормасъ.

За оскорбленье,
Спарикъ безумный, вошь тебѣ и награж-
денье.

(*даетъ ему пощечину.*)

Сшопшь пощечины!—Далѣе—Дѣй. II.

Родригъ.

Взгляни же,

Взгляни, я говорю, въ глаза мнѣ прямо,
ближе.

Ты видишь ли, что кровь сверкаетъ въ
ихъ огнѣ?

Чья кровь, ты знаешь ли?

У Корнеля.

Cette ardeur que dans les yeux je porte,
Scais tu que c'est son sang? Le sais tu?

Есть ли путь: *смотри въ глаза прямо и ближе?* Не лишнимъ также нахожу замѣнить, что можно *подойти ближе, перевести ближе, а смотрѣть ближе ...* не порусски.

Честь! ты ушѣхой будь моей,
Когда ушрашишься Химена. (спран. 10.)

И это говоритъ Родригъ, влюбленный въ Химену! ... Невыгодное же объ ней имѣешь онъ мнѣніе.

Коль *угодилъ* тебѣ мой первый шагъ ко сла-
вѣ (спр. 41.)

Туда она, встрѣчу ей вась *кличетъ* славы
зовѣ. (42)

Шагъ не угождаетъ, зовѣ не кличешъ.

Я *двухъ* соперниковъ въоружила длань (60)

У *двухъ* рыцарей *одна* длань! Какъ меш-
кошень долженъ бытъ ихъ поединокъ!

Нѣтъ, споль великаго Хименѣ славу дѣла,
Нельспись, чшобъ раздѣлишь она съ побой
хошѣла (36).

Химена весела—она опдѣльвается опъ
Родрига *каламбурами*. За то и ей пла-
шишь шою же монешою Д. Феликсъ,
напримѣръ:

Дозволь любви моей идши на подвигъ лестной,
Наградужъ за него я мню шебѣ *извѣстной*.

Прогитаешь—да пождешь—
—А иначе не поймешь.

Крикъ страшный подняли бѣгущи сопоспашы
Скочили въ корабли.

И я *скогилъ* съ кресель, когда услы-
шаль въ театрѣ эпошь стихъ.

Ельвира, гдѣ же я! шо въ явѣ иль во снѣ?
(с. 32.)

Перль, выпавшій, кажешся, изъ Дра-
мы Ганина: *Ельвира, или Роза*.

И я пропивникъ, врагъ, но не убійца твой.
(36)

Подумаешь, что это говоришь мужчина—вмѣсто того Химена.

Сразиться съ тѣмъ, кто ихъ гдѣ встрѣтилъ,
побѣдилъ. (19)
Химена Родриголь намъ, правда врагъ по-
пранъ. (49)

Прекрасныя...скороговорки!

Будь такъ; но одному сто являясь на смѣну,
Прельсаясь надеждою въ бою добышь Хи-
мену,
Всѣ рыцари . . . (52)

Бѣдная Химена! Сто рыцарей спа-
нушь добывать тебя!

Еще дымящаясь безцѣпною мнѣ кровью.
(61)

Это говорится о Родригѣ. Забавная картина! Рыцарь, у котораго избъ всѣхъ мѣстъ выходитъ дыль!

Опецъ пвой моего рѣшилъ обезславить,
Почтенный старецъ въ гробъ понесъ бы
вѣчный срамъ,

Съ нимъ *вкупѣ* весь нашъ родъ и я обиженъ
самъ

Что дѣлать? драшься. (34)

Покуда дерется Родригъ — я спрошу у
чищателя, не наскучилъ ли уже выши-
сками? Если нѣтъ, то вошь ему *зал-*
помѣ нѣсколько стиховъ - оппечашковъ
высокаго, испинно трагическаго:

Сынъ храбрѣ ты или трусѣ?

Мой выборъ *осрамитъ* естъ явная крамола.
Я *правѣ* ли, Государь? Любимъ ли Родригъ
мой?

Пришлось ли наконецъ признаться ей самой?
Кто съ ней *мнѣ* явился, *воленѣ* съ сего же
дня.

Не дай Богъ, *чтобѣ* твоя *услышалась* молишва.
Давно ли ты *шакѣ* слабъ, *давнолѣ* онъ *шакѣ*
силенѣ?

Ты *взялѣ* не мужествомъ—измѣною одной.
Собратся съ *духоломѣ* дай, *хочу* хвалишь тебѣ.
Изъ нашихъ *прадѣдовѣ* *слылѣ* каждый за
бойца.

Я радъ, что рыцарь мной *вѣ* зятѣя избран-
ный *преждѣ.*
Донъ Родригъ *всѣ* твои *слова* и *мысли* *тестны.*

Или, съ украшеніями другаго рода:

Какіе на себя даешь ей *ковы плести?*

Чтобъ были всѣ моей *свидѣтелями* печали.

А въ полночь къ *стѣнамъ* ихъ приспанушь
корабли.

И наконецъ:

Одинъ вломлюся въ спань, сражуся *съ ратью*
цѣлой.

Н. В. Что еслибъ вздумалось какому нибудь Французу перевести для забавы *Сиды* съ Русскаго на свой языкъ со всемъ запасомъ этихъ литературныхъ рѣдкостей... Узнали ли бы его соотечественники *великаго* своего Корнеля въ такомъ *костюмѣ*? Не имѣли ли бы они права вступиться за *оскорбленную гостью* своего языка.. и посмѣяться надъ образованіемъ и вкусомъ нашимъ въ исходѣ минувшаго 1822 года?

Будемъ продолжать далѣе. По приведеннымъ мною примѣрамъ чинашель не можешь еще судить какъ должно о переводѣ Г. Кашенина. Онъ не видалъ еще *сердца обнаженнаго и убитаго на смерть* (спран. 29), *растущей воды* (46), *задушенной страсти* (49); онъ не слыхалъ еще *вопля крови* (31); не знаешь, можно ли *избавить гостью* (35) *тянуть жизнь* (24) *свѣтъ кинуть*; и проч. и проч.

Ужи ... не послѣднее также занимающъ здѣсь мѣсто, и какъ видно, пользуясь особенною благосклонностію Переводчика, получили отъ него позволеніе ползати, гдѣ имъ заблагоразсудится — потому что куда не взглянешь....*ужб*, какъ тушь:

И послѣ *ужб* рѣшишь . . .

И если *ужб* съ главою пришло разстаться
мнѣ.

Но если выберешь пусть—*ужб* Родригъ побѣдитъ.

Ты долженъ самъ теперь заняться *ужб* не
шемъ.

Чтобъ Гормасъ днемъ однимъ съ шобой *ужб*
не былъ равенъ, и т. д.

И мѣстоименія имѣющъ шу же привилегію съ тою только разницею, что имъ позволено гулять *компаніями*:

Съ отцемъ *моимъ* во *мнѣ*, онъ . . . .

Любовью сей свое ты . . . .

Вся честь твоя меня твоей . . . .

Они при *мнѣ* тебя *ихъ* . . . .

Но довольно!... Скажу теперь нѣсколько словъ о самомъ представленіи. Есть

Русская пословица: *гдѣ тонко, тутъ и рвется*; такъ и случилось: по переводу были и актеры. — Г.г. *Толгеновъ*, *Борецкій*, *Радинъ*, *Носовъ* и *Максинъ*, извѣстные уже Публикѣ своими шалансами; занимали роли: *Короля*, *Д. Диега*, *Д. Арія* *Д*; *Алонза* и *Графа Гормаса*. — Гжа *Яблогкина* играла *Ельвиру*, воспитательницу *Химены*. Какъ *гордо* и какъ *нѣжно* отвѣчала она *Родригу*:

*Химена во дворцѣ, мы ждемъ ее оттолѣ,
А рыцари ее проводятъ по неволѣ.*

Особенно прекрасный послѣдній стихъ произнесла съ большимъ чувствомъ. — Г. *Каратыгинъ* м. (*Д. Феликсъ*) понималъ стихи, но читалъ ихъ дурно. Стараясь дасть вѣсь каждому слову, онъ останавливался на каждомъ словѣ и горячился... со знаками препинанія. Въ жествахъ копѣлъ онъ подражать Г. *Каратыгину* б.; но очень часто забывалъ, что подражаетъ, и оставался *Каратыгинымъ* меньшею. Онъ чрезвычайно молодъ еще; въ Трагедіи игралъ кажется въ первый разъ... и уже ли не въ послѣдній?

Гжа Валберхоса (Хиена) была такова же, какою бываетъ во всѣхъ Трагедіяхъ. Она хорошо обдумываетъ роли, хорошо читаетъ стихи, старается играть... но голосъ препяшпствуеетъ ей бытъ трагическою Актрисою.

Одинъ только Г. Каратыгинъ б. *) выдержалъ роль (Д. Родрига) такъ, какъ должно. Онъ не могъ скрасить дурныхъ стиховъ; за то ловилъ посредственное и дѣлалъ изъ него хорошее. Съ удовольствіемъ замѣчаю, что съ нѣкотораго времени начинаетъ онъ опскаивать опъ прежняго своего крика и спановишся бережливѣе на грозныя жесты.

Опера, и къ сожалѣнію, большая Опера: *Уединенный доли*, или *Разбойники въ Вожскихъ горахъ*, есть одна изъ пѣхъ піесъ, во время представленія которыхъ разъ пять улыбнешся и сто.. поднесешь ко рпу руку. —

— 6 — 6.

~~~~~

---

*) Жаль, что онъ взялъ себѣ въ бенефисъ *Сидя*; театръ почти былъ пустъ. Рец.

ПЕРЕПИСКА съ ДАМАМИ о ТЕАТРѢ.

Выписка изъ писма къ Я. П.

Сей часъ получила я L N^o *Благональ-*
реннаго и прочтя его, спѣшу препроводить
къ вамъ. Взгляните на первую спашью, проч-
тите ее и посмѣйтесь со мною ошъ чи-
стаго сердца ужасному ожесточенію беспри-
спрасныхъ рецензентовъ и судей шеап-
ральныхъ. Уже не одна сочинительница кри-
пическаго разбора Трагедіи: *Магометъ*, и
Комедіи: *Островъ Нѣмыхъ* нападаешъ на ме-
ня; не только оспроумный Каламбуриспъ,
поднявъ перчатку, грозитъ однимъ ударомъ
меха своего раздробить меня—но даже—(горе
мнѣ!) самъ почтеннѣйшій Издашель *Благона-*
льреннаго, позабывъ всѣ правила строгаго
своего бесприспрасія и благоприспойно-
спи, *понятной всякому образованному ребен-*
ку (виновата! это не мои слова, а грозной
сочинительницы первой рецензіи) вдругъ
безъ всякаго суда и доказательства всту-
пился за нихъ обоихъ и назвалъ меня *пло-*
химъ писцомъ! Чшо мнѣ теперь дѣлать?
Какъ сражашься противъ троихъ!—Особли-
во какъ и чѣмъ защитишься ошъ замысло-
ватыхъ и ѣдкихъ *примѣтаній* самаго Изда-
шеля *Благональреннаго?* — Рѣзкая двусмыс-
ленность названія *плохаго писца* совершенно

меня убила! ... Такъ и бышь! прошивъ вкуса и сужденій такого знаменитаго Авшора и Липшерашора спорить нельзя! Кто споль прелесшно изобразилъ безсмершнаго *Пьяншюкина*, кто въ сильномъ порывѣ стихотворческаго генія написалъ: *каналью у польныи*, кто наконецъ еще недавно испоргалъ у насъ слезы умиленія прогашельною Элегією о *доброль конѣ своѣль*, шопъ конечно имѣешь безспорное право называть всякаго: *плохиль писцоль*! — Вступитесь, однако, М. Г., хопъ вы за меня; но не для шого, чшобъ защищать мои сужденія прошивъ огорченной пишательницы — не для шого, чшобъ прискорбныя истины, подобныя шѣмъ, кой я къ несчастію написала, *стекали сб пера вашего* (проспите мнѣ эшопъ галлицизмъ: онъ, ей Богу, не мой!)—Ахъ, нѣшь! я сама жестоко поражена убійспвеннымъ *подвиголь* ея рыцаря — и опъ искренняго сердца прошу у почпеннѣйшей моей сошпечеспвенницы прощенія — если ей показались обидными мои сужденія и предположенія: въ чемъ, по моему мнѣнію, должны сосшояшь обязанности женскаго пола и чшо служить украшеніемъ онаго.—А шакъ какъ больше всего показалось ей, кажешся, колво шо, чшо будшо бы я сказала: чшо брань безъ доказательствъ едва ли можешъ бышь позволительна и *паквилянту*, не только чшо дамѣ—шо признаюсь

что при чтеніи въ XLVII N^o *Благоналюбреннаго* собственнѣйшей спашьей моею, я удивилась сама, найдя это выраженіе, котораго у меня ни на умѣ, ни на письмѣ не было. У меня и теперь хранился черновая спашья, и я могу удостовѣриться почтеннѣйшую Сочинительницу, что тамъ сказано: “едва ли можешь быть извинена и какому нибудь *Журналисту*, не только что дамъ., Поняшь не могу, почему Издашеля *Благоналюбреннаго* взялъ на себя трудъ перемѣнить какъ это слово, такъ и въкопория другія. Развѣ онъ счелъ что *Пасквилантъ* и *Журналистъ*, синонимы? Это дѣло другое—но тогда ужасное огорченіе Сочинительницы должно пасть на Издашеля; а не на меня невинную.— Но вопъ правосудіе писашелей! Въсшо тогда, чтобы Гну Издашелю оправдашь меня—онъ же на меня нападаешь, и бранишь меня тогда, какъ я дѣйствительнѣйше всегда уважала и личные его достоинства и творенія и *Журналъ*.

Предоставляю вамъ, М. Г., сказать о прочемъ на возраженіе моей соперницы, копорой даже не угодно вѣришь, что я женщина. Это въ ея волѣ! — Думаю однако, что покуда она не подпишетъ своего имени въ спашьяхъ, за копорыя такъ умильно благодарить Издашеля *Благоналюбреннаго*, до пѣхъ поръ позволено будетъ и мнѣ сохранить инкогнито. Правда, что никто не скроешь

опъ проицашельнаго лорнепа Г. Каламбу-
рисша — и надобно опдашь справедливосшь,
что его оспроумныя догадки на мой счешъ
сшоль же справедливы, сколько шонки пре-
лесшныя его шушки, вѣрны, его умозаклю-
ченія и чисшь его слогъ.

. . . . а.

~~~~~

Выписка изъ Отвѣта Я. П.

Я чипаль по приказанію вашему же-
спокою спашью и съ *примѣтаніями*. Не уже
ли вы въ самомъ дѣлѣ хошите опвѣчашь
имъ? Помилуйте! Пусшь новый герой Ламанх-
скій съ *гордостію выступаетъ* на достой-
ное его поприще! Пусшь совершаетъ *важ-
ный свой подвигъ!*—Повѣрьте, что никто не
захочешъ заглянушь за *забрало шлема его.*—
И что мнѣ опвѣчашь шакому замыслованому
Каламбурисшу?—Онъ скажешъ экспромпшъ—
никто его не поймешъ — и мы же должны
будемъ съ нимъ вмѣстѣ смѣяться шому,
что вздумали разбирашь его сужденіе. Не
уже ли сказашь ему, что въ спашь его
много ошибокъ прошивъ Граммашики и сло-
восочиненія; что наримѣръ *должно заклю-
чить* изъ чего *нибудъ, а не почему нибудъ;*
что говоряшь: “скажу шеперь мнѣніе свое
о гелѣ нибудъ, а *ненатто* нибудъ,—что вмѣ-
сто слѣдующаго полу-періода: “а пошому не

только негодовать, но напропивъ радоваться долженъ всякій любитель шеатра, появляющимся у насъ замѣчаніямъ на игру Актеровъ, — правила *Русскаго* словосочиненія требовали бы: *а потому всякій любитель театра, не только негодовать, но напротивъ радоваться долженъ появляющимся у насъ, и проч.*— Да и шутъ бѣда! Все еще не поймешь Авшора! Смысль его рѣчи выходишь, что любитель долженъ негодовать, а напропивъ радоваться—а онъ вѣрно хотѣлъ выразить другое! (Охъ, ужъ эта намъ Грамматица!)— Не уже ли оспоривать рѣзкое его выраженіе, *то знаніе цѣны благороднаго своего искусства и честолюбіе едва ли не вовсе тужды нашимъ Русскимъ Артистамъ*—а принадлежатъ только иностранцамъ? Не уже ли вступаться за Актеровъ, которыхъ онъ бранилъ? (Ужъ развѣ не за тѣхъ ли, которыхъ онъ хвалилъ! Иная похвала хуже брани.) Певѣрьше, Милоспивая Государыня, что трудъ эшопъ будешь напрасень. Вѣрно никакія въ свѣтѣ доказательствъ не убѣдятъ его и не исправятъ. Миѣ только очень жаль, что Г. Издамель *Благонравнаго* такъ... (у Сочинительницы поже почки) въ своихъ примѣчаніяхъ. Человѣкъ, который приобрѣлъ себѣ извѣстность какъ личными своими достоинствами, такъ и заслугами въ Липшерашурѣ, долженъ бы имѣть побольше скром-

ности въ своихъ сужденіяхъ. Извините меня, Милостивая Государыня, что я не буду распространяться о Гжѣ Дюровой и Азаревичевой м. — мы всѣ болѣе, или менѣе присраспшны—но первымъ закономъ Кришкики должно быть то, что бы никогда не превозноситъ паланпа одного аршиспа на счетъ другаго.—Въ вашей Анпикришкикѣ старались вы, кажется, доказать это первой Сочинительницѣ рецензіи — отдавая всю должную похвалу и справедливость отличнымъ дарованіямъ Гжи Дюровой, и защищая вмѣстѣ съ тѣмъ приятный паланпъ Гжи Азаревичевой м. отъ несправедливыхъ ея сужденій. Чпожъ дѣлашь, если она непременно хочеть выдавать свои мнѣнія за неоспоримыя изрѣченія Оракула?

Вошь все, что считаль я нужнымъ сказать, и проч.

Я. П.

т т т т т

МЫСЛИ И ЗАМѢЧАНІЯ.

Не могу безъ отвращенія видѣть и слышать спараго вольнодумца и молодого лицемера.

Жалуются, что *мало* истинныхъ друзей; но *многіе* ли заслуживають имѣть ихъ?

Истинный мой другъ есть пощъ, который любитъ меня за одни мои достоинства—который, для моей пользы, говоритъ мнѣ всегда правду, даже неприятную, и самъ охотно ее отъ меня слушаетъ *).

Любовь безъ дружбы есть самая унижительная—а вмѣстѣ съ дружбою—самая благородная.

Для счастья супружеской жизни необходимо, что бы жена по крайней мѣрѣ уважала своего мужа, если не можешь любить его.

---

*) Жуковский, по мнѣнію моему, лучше еще Лафонтена (Qu' un ami véritable est une douce chose! etc) сдѣлалъ опредѣленіе истиннаго друга:

Блаженъ кому Создатель далъ
Уладу жизни — друга :
 Съ нимъ счастье вдвое—въ скорбный часъ
 Онъ сердцу утѣшенье ;
 Онъ наша совесть, онъ для насъ
 Второе Провидѣнье.

Прекраснѣйшія мысли въ прекраснѣйшихъ выраженіяхъ!

Всѣ кокешки чрезвычайно самолюбивы; но спихопворцы, особенно риемачи, самолюбивѣе всѣхъ кокешокъ.

Тщеславіе есть слабость, а гордость порокъ.

Тщеславіе вредишь много мужчинамъ, но еще болѣе женщинамъ.

Никто не спыдишся признашся, что не знаешь полку въ винахъ, въ лошадахъ и п. п.; а почти всякой судишь рѣшишельно о игрѣ виртуозовъ, о пѣніи, а всего болѣе о спихахъ, хотя вовсе не занимался ни музыкою, ни Липшерапурою. Не уже ли легче приобрѣспи вкусъ въ Словесноспи, въ Музыкѣ и въ прочихъ изящныхъ художеспвахъ, нежели въ винахъ?

Липшерапоръ и всякій арписпъ съ испиннымъ паланпомъ не долженъ принадлежать ни къ какой парши.

Расположеніе словъ въ Русскомъ языкѣ есть шайна извѣстная однимъ только искуснымъ и опытнымъ писателямъ. У насъ не совершенно еще утверждёнъ законъ, въ какомъ почто порядкѣ должно располагать слова; но въ ожиданіи сего нельзя, кажется, не принять къ непремѣнному исполненію слѣдующихъ правилъ—по крайней мѣрѣ — для прозы: 1) не отдѣлять мѣстоименій отъ глаголовъ и именъ *); 2) причастій и прилагательныхъ отъ существительныхъ; 3) нарѣчій отъ глаголовъ; 4) ставить каждое слово подлѣ того, къ которому оно ближе всѣхъ относится.

Удивительно какъ получили право гражданства въ области нашей Поэзіи слѣдующія два слова: *сулить* и *хата*.

---

*) Впрочемъ нѣтъ правила безъ исключенія: иногда для поясненія и для связи нужно дѣлать вставки между личнымъ мѣстоименіемъ и глаголомъ, напримѣръ: а я, напротивъ того, совѣшую, и ш. п.

Первое слово есть простонародное и не употребляется даже въ обыкновенномъ разговорѣ людьми хорошаго тона; второе же *областное* и вѣроятно принято въ языкъ боговъ для удобности приемы.

Какъ часто всрѣчаются у насъ не только въ стихахъ, но и въ прозѣ: *чувства*, вмѣсто *чувствованій*, и *святый*, вмѣсто *священный* (напримѣръ: *материнскія чувства*, *святая родина*). Желательно, что бы хоть въ прозѣ писали всегда слова сіи въ настоящемъ ихъ значеніи, ш. е. *чувствованія* (sentiments) и *священный* (sacré).—*Чувства* (sens) и *святый* (saint) значашъ совсемъ другое.

Многіе запрещаютъ молодымъ людямъ брать въ руки романы; а я, напрошивъ того, совѣтую читать ихъ не только благовоспитаннымъ юношамъ, но даже и дѣвицамъ—однако не романы *рыцарскіе*, прошивъ кошорыхъ такъ много вооружались Сервантъ и Буало—не *ужасно-нелѣпые*, пугающіе воображе-

ніе наше разбойниками, мершведами и привидѣніями — не *сентиментальныя* и *сладогострастныя* *), приводящіе въ изнеможеніе душу, или возбуждающіе чувствѣнность — не шакъ называемыя *философическіе*, вводящіе въ заблужденіе незрѣлый умъ и испребляющіе основанія нравственности — но романы *характерныя* и *нравоучительныя*, изъ копорыхъ шакже, какъ изъ лучшихъ драматическихъ сочиненій, можно узнавать людей, добродѣтели ихъ, пороки, спрашп, нравы, слабости, спранности, свѣтскія обыкновенія, и ш. п. Таковы, напрімѣръ, романы: *Донъ Кишотъ*, *Жил-блазъ*, *Вакефильдскій Священникъ*, лучшіе романы Ричардсона, Фильдинга, Миссъ Бюрней, Гжи Копень, и пр. и пр. — шакже небольшія нравоучительныя повѣсти новѣйшихъ писателей и писательницъ, какъ по: Гжи Жанлисъ, Авг. Лафоншена, Булльи, и ш. п.

И.

~~~~~

*) Сколько молодыхъ людей заспѣлилось опъ *Новой Элоизы* и *Вертера*! Сколько изъ нихъ распроило свое здоровье и погнбло опъ *Фобласа* и прочихъ соблазнительныхъ Французскихъ романовъ!

САТИРИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА.

Н . . . . 2 Ноября 1822.

Съ нѣкошораго времени въ нашемъ маленькомъ городѣ, особенно же въ уѣздѣ, вошелъ въ большую моду Французскій языкъ. Молодые наши дворяне и дворянки, незнающія еще сего прелестнаго языка, обучающіяся оному съ величайшимъ прилежаніемъ. Въ прошедшемъ мѣсяцѣ выписано нашими дворянами изъ Москвы и изъ Пепербурга *Французскихъ Азбукъ, Разговоровъ, Самоучителей Французскаго языка*, и п. п. на 280 р. Старшая дочь помѣщика *Н.*, дѣвица весьма умная и образованная, переводитъ съ Россійскаго на Французскій языкъ *Приключенія Мирамонда*, а брашъ ея, оцспавный Прапорщикъ, другой романъ: *Евгеній, или пагубныя слѣдствія дурнаго воспитанія и сообщества, сочъ А. Измайлова* *). Уѣздный нашъ Предводитель нанялъ за 500 р. въ годъ для дѣшей своихъ Француза-учителя, Monsieur La Terreur, который пять лѣтъ служилъ въ арміи Наполеона уншеръ-офицеромъ и въ послѣднюю войну взялъ въ плѣнъ при Березинѣ. Гжа Предводительша говоритъ шеперь своимъ сосѣдкамъ: nous avons un maitre Francais Mr la

---

*) Негодный романъ! Прил. Изд. Благ.

Terreur qui montre sa langue à mes enfans.—
 28 ч. минувшаго мѣсяца, въ день именинъ
 супруги нашего Засѣдателя, были у нихъ
 госпи. Мужъ игралъ съ приятелими въ
 боспонъ, а именинница, какъ говорится
 пофранцузски, *faisait la ménagère*. Вдругъ вбѣ-
 гаешъ она въ гостиную и обращается къ
 своему супругу съ радостнымъ восклицані-
 емъ: “*mon cher, mon cher, le cochon . . .*,” —
Quoi, ma chere?—“*Le cochon a cochonné . . .*,” —
Quoi, ma chere?—*Dix petits cochonneaux.*.,

Б . . . 3 Ноябра.

Почтенный (и весьма богатый) помѣ-
 щикъ нашъ, отставный Коллежскій Ассес-
 соръ, или, какъ называетъ онъ самъ себя,
Статскій Майоръ, Егоръ Трифоновичъ Шу-
 шихинъ, въ день рожденія своего давалъ
 большой балъ. Ужинало болѣе ста человекъ
 и одинъ споль, по собственному его выра-
 женію, былъ ровно въ 7, а другой въ 5
 съ половиною сажень. Приглашены были изъ
 города полковые музыканты. Сначала заигра-
 ли они Марсельскій маршъ. Егоръ Трифо-
 новичъ большой любитель музыки, только не
 знашокъ. — “Что играютъ, *Ванитка?*,” спро-
 силъ онъ наслѣдника своего, штридцатиш-
 пильшня недоросля., Кажется изъ Кали-
 фа Багда . . . , (такъ называетъ онъ Оперу:

Калифъ Багдадскій.) — Нѣшь, папинька, изъ Лодоиски. — «Спросимъ-ка лучше сеспру. Сашка! что играютъ: изъ Калифа Багда, или изъ Лодоиски?», — Нѣшь-сь, папинька, изъ увертюры. — «Э! брашь! сказала Егоръ Трифоновичъ, обращаясь къ своему сыну: оба мы съ шобою не угадали.», — Александра Егорова шеспой уже годъ учишся играть на форшо-піано.

К . . . 4 Декабря.

У насъ новый Губернашоръ, человекъ весьма хорошій и вѣжливый. По приѣздъ его сюда, всѣ губернскіе чиновники, а также многіе изъ дворянъ явились къ нему и были обворожены его обхожденіемъ. Вчера приѣхаль къ нему изъ... уѣзда опшавный изъ Лейбъ-Гвардіи Капраловъ Прапорщикъ Дубининъ. — «Какъ ваша фамилія?», спросилъ его Г. Губернашоръ. — У меня нѣтъ фамиліи, Ваше Превосходительство! опвѣчалъ Его Благородіе. — «Нѣшь фамиліи?», — Точно такъ, Ваше Превосходительство, сконгадась восемь лѣтъ шому назадъ — «Какъ имя ваше? Какъ зовушь васъ?», — Сидоръ Сидоровичъ!

Изъявленіе благодарности.

Два года сшрадалъ я мучишельною бессонницею; принималъ по предписанію искус-

нѣйшихъ врачей сонныя капли и другія лѣкарства; читала по совѣшу ихъ Оды *N.* и *Пришпи N. N.* — ничто не помогало. Наконецъ случайно попалась мнѣ рукопись (безъ начала и безъ конца) о *Трансцендентальной Философiи*, гдѣ говорятся о *Платонизмѣ*, *Скептицизмѣ*, *Эмпиризмѣ*, *Синтетизмѣ*, *Схоластицизмѣ*, *Догматизмѣ*, *Формализмѣ*, *Критицизмѣ*, *Паралогизмѣ* и кажется о *Материализмѣ* также о *абсолютныхъ* и *аподиктическихъ* идеяхъ. Едва прочела я двѣ страницы сего превосходнаго сочиненiя, какъ и почувствовала благотворное дѣйствiе сна. Съ тѣхъ поръ ежедневно, ложась спать, читаю по десяти строкъ изъ сего сочиненiя и сплю весьма крѣпко по семи и осми часовъ въ сутки. Приятнѣйшимъ для себя долгомъ пославляю принесши за сiе порожественно мою благодарность неизвѣстному сочинителю, или переводчику.

С. П. бурге.

Фадей Безсоновъ.

Отдача въ заемъ капиталовъ.

Желающiе отдашь за указныя проценты на годъ десять тысячъ рублей ассигнаціями подъ залогъ рукописной Поэмы, состоящей болѣе, нежели изъ 20.000 шестистишныхъ стиховъ, благоволяшь опіенесшисъ въ книж-

ный магазинъ И. В. Слѣнипа, что въ домѣ Кусовникова у Казанскаго моста.

Подряды.

Желающіе взять на себя поставку для сочиненія Драмъ разныхъ выписокъ изъ старинныхъ Русскихъ романовъ за каждую печатную страницу ниже испрашиваемой цѣны $5\frac{1}{2}$ копѣекъ могутъ явиться въ мѣщанину Егору Заворуеву. Спросить о немъ въ торговыхъ баняхъ *N. N.*

Приглашеніе.

Потребенъ для одного извѣстнаго Русскаго Линшператора и Кришика человекъ, разумѣющій правописаніе и начальныя основанія Риторики. Адресоваться къ Издашелю *Благонаимѣннаго.*

О новой книгѣ.

Избранныя лирическія творенія N. N. Россійскими стихами, изданіе пятое, сокращенное вновь умноженное, въ 25 томахъ, въ большую осьмушку, съ портретомъ автора и съ эпиграфомъ: стихи, по тесту! хороши— продаются во всѣхъ шабачныхъ лавочкахъ за сходную цѣну.

И.

Къ нарваннымъ и брошеннымъ
цвѣткамъ.

За нѣсколько минушъ вы на кустѣ цвѣли,
И сада красота, взоръ пурпуромъ плѣняли;
Зефиры пихіе съ васъ аромашъ свѣвали —
Теперь вы сорваны и брошены въ пыли. —
Ахъ! и не съ вами такъ бываетъ на земли!

Б. Овдоровъ.

~~~~~

Н. Н., при посылкѣ ей *Тассовыхъ*
метаній (Le veglio di Tasso.).

Вотъ вамъ обѣщанный мной *Тассъ*!

Его шаланша не имѣю;

Но споль же пламенно, какъ онъ, люблю
умѣю...

Люблю ... люблю ... кого? — Не Леонору ... васъ.

Б.

~~~~~

Эпиграмма.

‘Поэшы всѣ глупцы!’, вричалъ франтъ раз-
одѣшый.

— А вы не стихопворъ? — спросилъ его Фи-
лешъ.

‘Нѣшъ, право нѣшъ!’,

— Ишакъ не всѣжъ глупцы поэшы. —

М—лѣ Н—вѣ.

~~~~~

БЛАГОНАМЪРЕННЫЙ.

1823. № II.

О ЖЕНЩИНАХЪ *).

О вы, копорыя разсыпали цвѣшпы и пернїя на жизнь мою! Вы, для копорыхъ я жилъ только, какъ мнѣ казалось, и безъ копорыхъ и шеперь отка- зался бы опъ самой жизни! Вы, испочникъ моихъ пороковъ и добродѣшелей!— Вы, копорымъ жерпвоваль я моимъ счастиемъ, покоемъ, добрымъ именемъ, и что всего хуже, мою должностїю!

Прелесшныя женщины, суешныя женщины! предметы и любезныя и опасныя! Осмѣлюсь ли описашъ васъ шаки- ми, каковы дѣйствительнo вы? Въ со- споянїи ли буду сказашъ вамъ истину, когда сполько разъ обманываль васъ прежде? Дорого будемъ споить это мо- ему сердцу; но я жерпвую имъ истинѣ.

---

*) Изъ Principes philosophiques de Weiss.

Юноша, вступаая въ свѣпшь, не можепъ хорошо оцѣнить женщинъ; онѣ для него — подводные камни. Излишнее вниманіе къ нимъ и угожденіе сдѣлаепъ его самага женщиною, неспособною ни дѣйствовать, ни мыслить.—Между обоими полами, со стороны нравственной болѣе еще разности, нежели со споронь физической. Однакожъ наружность въ нѣкоторомъ отношеніи можепъ почитатьея оппечаткомъ внутренности. Тѣло ихъ меньше нашего и душа также; красота нравственная не продолжительнѣе красоты физической. Женщина не можепъ имѣть столько силы душевной, столько пылкости въ желаніяхъ, столько постоянства, какъ мужчина; но за то она разборчивѣе его, живѣе, привлекательнѣе: я говорю вообще—много бы можно было сдѣлать здѣсь исключеній. Ипакъ шѣ, которыя отличаются отъ обыкновенныхъ женщинъ, да не оскорбляясь моими мыслями и да не обижаются, что я кришикую ихъ полъ: споль же мало былъ я снисходителенъ прежде и къ мужчинамъ.

Обращеніе съ женщинами, освящен-

ное числою любовію, самымъ лучшимъ образомъ научаешь насъ въжливости, наслажденію удовольствіями и даже направляешь чувствованія: оно умягчаетъ суровость нрава, даетъ пищу чувствительности, развиваетъ умъ и дѣлаетъ его разборчивымъ. Но сіе самое обращеніе дѣлаетъ же насъ и слабыми, легкомысленными, въпренными, малодушными, рабами мнѣній и моды. Кпо спарается угождать однѣмъ только женщинамъ, пошъ спановится наконецъ человѣкомъ почши ничтожнымъ, неспособнымъ ни къ какому важному и полезному дѣлу. Такой человѣкъ дѣлаетъ все изъ тщеславія, и говоритъ съ припшностію величайшія нелѣпости. Придешъ время, когда почувствуешь онъ свое слабодушіе; но уже будешъ поздно и онъ по необходимости проведешъ остатокъ дней своихъ въ презрѣніи опъ шѣхъ самыхъ женщинъ, копорымъ сполько угождашь, будучи въ шягосщъ самому себѣ и бесполезнымъ для другихъ.

Сообщество мужчинъ, несмотря на многія сходства съ сообществомъ женщинъ, имѣетъ большое предъ онымъ

преимущество по своей независимости отъ пустыхъ обычаевъ и многихъ излишнихъ такъ называемыхъ *прилигій*. Тутъ свободно можно говорить о различныхъ предметахъ, въ которыхъ женщины не принимаютъ никакого участія, какъ по своему вкусу, такъ и по положенію, равно и о тѣхъ, о которыхъ запрещаютъ имъ говорить стыдливосшь и скромность. Съ ними обыкновенно бываешь, такъ сказать, между припворствомъ, принужденіемъ и невѣжествомъ; въ сообществѣ ихъ предразсудки, искусство и природа находятся въ беспрестанной между собою борьбѣ. Онѣ сами чувствуютъ сію разность и мало умныхъ женщинъ, которыя, забывъ совершенно различіе пола, не предпочли бы сообщество наше своему собственному. Человѣкъ разсудительный долженъ, по мнѣнію моему, считать ихъ любезными дѣшками, съ которыми надобно шушиться, смѣяться, говорить, играть и отдыхать послѣ важныхъ занятій. Даже у ногъ милой ему женщины долженъ онъ сохранить свое достоинство и въ совершенной покорности показы-

ваше свое превосходство. Но если не долженъ онъ избиратьъ ихъ для себя путешественниками, то почему же не оказывать имъ уваженія и снисходительности, почему не быть съ ними учтивымъ, не дѣлать имъ различныхъ угожденій и не обращать вниманія на ихъ счастье, которое доставляетъ имъ мы обязаны? Таковъ долженъ быть характеръ человека благовоспитаннаго.

Женщины имѣютъ болѣе прищности, нежели добродѣтели, болѣе ума, нежели разсудка, болѣе слабости, нежели пороковъ, и самыя ихъ пороки похожи болѣе на погрѣшности.

Между ними вспрѣлмше вы сіи ничтожныя ссоры, сіе ничтожное соревнованіе, сіи безконечныя суешныя замыслы, различныя прихоти безъ всякой причины, сіе любопытство, невѣрность въ разсказахъ, мѣлочи, копорыя сполько занимають ихъ, и что всего любопытнѣе, ихъ сужденія и пересуды, копорыя всѣ относятся болѣе къ наружному, нежели къ внутреннему, болѣе къ прищному, нежели къ полезному, болѣе къ слабостямъ, нежели къ пре-

ступленіямъ, и болѣе къ словамъ, нежели къ предметамъ. Всего обыкновеннѣе видѣшь ихъ въ противорѣчіи съ самими собою. Онѣ скупы безъ экономіи, спыдливы безъ непорочности, набожны безъ благошворительности, благочестивы безъ размышленія. Будучи опдалены, опъ важныхъ дѣлъ, онѣ, кажешся, пренебрегающъ ими, и какая нибудь бездѣлка занимаешъ ихъ гораздо болѣе.

Начнише говорить о шляпкѣ — онѣ оживяшся; о благоденствіи государства — и какая помношъ явится на лицѣ ихъ! Обращише взоры ваши на ихъ уша — и онѣ улыбнушся; на грудь ихъ — и она подымешся; на ихъ ноги — онѣ выпрямяшся, и въ походкѣ сдѣлаешся замѣтно искусство, потому что желаніе нравишся естъ главнѣйшая спрасъ ихъ. Сіе легкомысліе и сію суешность, имъ свойственныя, должно считаешъ благодѣштельнымъ даромъ природы: онѣ соспавляющъ у нихъ родъ Философіи, ибо дѣлающъ ихъ несчастія не шоль продолжштельными; удовольствія ихъ, напрошивъ шого, весьма скоро могушъ бышъ снискиваемы — и, къ счастью,

женщины совсемъ не беспокояща о зависимости своей отъ существа, столь несовершеннаго, каковъ мужчина. Самая ихъ горестъ опличается отъ нашей. У нихъ происпекаетъ она отъ чувствительности — у насъ отъ негодованія; робостъ ихъ покаряется несчастіямъ, но гордостъ съ ними борется: онѣ утѣшаютъ себя жалобами, и между темъ какъ въ насъ горестъ снѣдаетъ сердце, онѣ облегчаютъ себя, изливая ее въ слезахъ.

Есть испины извѣстнаго рода, для кошорыхъ, кажется, женщины совершенно лишены нравственнаго чувства. Онѣ довольствуются одними дѣйствіями и рѣдко заботятся о причинахъ. Между такимъ множествомъ щеголихъ, кошорыя не перестаютъ смотрѣться въ зеркало, не найдется, думаю, ни одной, въ кошорой бы родилась мысль объ удивительномъ явленіи въ немъ происходящемъ; ни одна, думаю, не обратила вниманія на то, какъ можно видѣть въ стеклѣ, чего тамъ нѣтъ, и какъ отражается въ ономъ нашъ образъ.

Замѣтимъ, что въ числѣ сполькихъ

произведеній Липперашуры нѣшь ни одного, исполненнаго глубокихъ мыслей и написаннаго женщиною, между темъ какъ мы опличились во всякомъ почпи родѣ сочиненій, свойспвенныхъ женщинамъ. Важнѣйшее произведеніе женщины безъ сомнѣнія есть сочиненіе Гжи Деламбертъ; но ее любилъ Фоншенель и на каждой страницѣ видны слѣды пера его. Онѣ сдѣлали нѣсколько опытовъ въ Нравоученіи, легкой Словесности, въ опытной Физикѣ и чиспой Машематикѣ: это однако не пребуешь еще большаго глубокомыслія, большаго вниманія; а мы не знаемъ, что бы копорая нибудь изъ нихъ осмѣлилась испытать силы свои въ Мешафизикѣ и Полишикѣ.

Можно сказать въ извиненіе ихъ, что онѣ не принимающъ никакого участвія въ правленіи; но лучшіе писатели въ семъ родѣ столько же принимали въ ономъ участвія, сколько и онѣ. Можно иногда возвыситься имъ обыкновенными мнѣніями и пустыми предметами; но онѣ не могутъ выводить слѣдствій, извлекаемыхъ изъ положеній

споль многихъ и споль опдаленныхъ; онѣ перяюшъ изъ вида связь причинъ, не въ еостояніи соображающъ ихъ, и пошому снова погружающся въ бездну свойспвенныхъ имъ предразсудковъ. Чемъ болѣе разсмаприваемъ природу, темъ болѣе удивляемся ея мудроспи: женщины сущъ шо, чемъ должны непременно бытъ по отношенію между собою двухъ половъ; съ болѣею разсудительностію, съ меньшимъ легкомысліемъ, не могли бы онѣ бытъ способны къ предназна- ченнымъ для нихъ занятіямъ. Едва ли не было бы опасно, если бы онѣ болѣе размышляли.

Однако же опдадимъ справедливостъ превосходству ихъ передъ нами въ дру- гихъ опношеніяхъ. Подивимся сей раз- борчивоспи, шонкости вкуса, сей пла- менной чувспвительностіи, пріяшной веселоспи, привлекашельному просто- сердечію, удивительному перпѣнію, нѣж- ной заботливоспи, и склонности ко всѣмъ общеспвеннымъ качеспвамъ, въ коихъ онѣ далеко насъ превосходящъ: любезностъ—это ихъ собспвенностъ, а наша—умъ, кошорый хопя и не всегда

бываетъ полезенъ для насъ, но, еще меньше для нихъ: ибо, кромѣ знаній, пребываетъ онъ швердоспи характера и запаса опышности, чего онѣ почти вовсе не имѣють, и чего не могутъ замѣнить никакія способности ума и сердца. Главныя ихъ качества заключаются въ доброшъ, благоприсойности, крошоспи и любви къ порядку: назначеніе ихъ не позволяеть, кажется, имъ имѣть обширныхъ видовъ, сильныхъ чувспвованій; но за то получаютъ они себѣ въ награду мирныя домашнія добродѣтели. Сколько уже разъ говорили и никогда не перешануть говорить въ похвалу о женщинахъ: *добрая дочь, добрая сущруга, добрая мать!*—Это ихъ почешныя названія.

Средство, кошорое употребляютъ женщины, чшобъ заставитъ уважать себя, напрошивъ того еще болѣе ихъ унижаетъ. Онѣ почишаютъ рѣдкостію предметы и способности самыя обыкновенныя. Если женщина знаетъ сколько нибудь полапини, погречески, что нибудь изъ Алгебры, или сочинитъ какіе нибудь плохіе сшихи: то начинаютъ

ей удивляясь, превозносите ее, не подумавъ, что сіи достоинства очень обыкновенны, и что всякій почти ученикъ въ этомъ ее превосходитъ. Когда какая нибудь милая плутовка приметъ участіе въ дѣлахъ политическихъ, или какая нибудь Профессорша займетъ кафедру Машемашики въ Булонскомъ Институтѣ—вся Европа удивляется, всѣ кричатъ: *туда!* А въ то же самое время сотни людей государственныхъ, или людей съ необыкновенными дарованіями и гениемъ дѣлаютъ важнѣйшія открытія и удивительныя улучшенія — но Публика не хочетъ обратитъ на нихъ своего вниманія. Профессоршу, съ самыми обыкновенными познаніями, прославляютъ, между темъ, какъ сотни отличныхъ Профессоровъ оспаются въ совершенной почти неизвѣстности. Особенная черта характера женщинъ есть та, что несмотря на всегдашнее между собою несогласіе соединяются онѣ и защищаются общими силами противъ того, кто на нихъ нападаетъ.

Скажите, что нибудь дурное обѣ ихъ полѣ — и онѣ всѣ противъ васъ

вооружатся; поносите нашъ полъ — и не многіе изъ мужчинъ эшимъ обидяшся. Можешъ бышь есть на шо причины: лвы живушь порознь, а овцы спадами. Но для чего, скажущъ, нападашь съ шакою жестокосшію на ихъ пороки? — Безъ сомнѣнія, не для того, чшобъ имъ по-
 нравиться, а для того, чшобъ назначить имъ наспоящее ихъ ~~ш~~всшо, предохра-
 нишь юношу опъ легкомыслія, заспа-
 вишь супруга бышь снисходительнымъ,
 женцінъ кропкими и послушными, чшо
 можешъ послужить къ собшвенному
 ихъ благополучію. Если скромность
 для насъ украшеніе, шо для нихъ она
 добродѣшель, и почное поңяшіе ъ жен-
 щинаѣ сохраняетъ спокойствіе между
 супругами: кто слишкомъ много ожида-
 юшь, шопъ слишкомъ много и шребуешъ.

Повшоряю, все сказанное мною мо-
 жешъ имѣть множесшво исключеній:
 нерѣдко въ общесшвахъ находимъ жен-
 щинъ, совсемъ несходныхъ съ моею ко-
 піею. Но законодатели и философы не
 должны смотрѣть съ этой шочки зрѣ-
 нія на сію половину рода человѣческаго.
 Не въ высшемъ сословіи народа, не въ

образованномъ свѣтѣ надобно наблюдать женщинъ вообще: мнимое дарованіе кокетки и чрезмѣрная скромность дѣвицы *хорошо воспитанной* столь же далеки отъ истины какъ румяна отъ румянца и шалія искусственная отъ шали натуральной. Въ нравахъ сельскихъ и даже дикихъ, или въ нравахъ низшаго класса людей надобно наблюдать простоту и сравнивать. Дочь крестьянина и жена ремесленника — вотъ образцы, которые могутъ дать лучшее понятіе о ихъ полѣ, нежели Весталка и Герцогиня.

Сомнительно, чтобы общество, въ кошоромъ женщины имѣли бы верхъ, могло долго существовать: онѣ сами непосредственно въ томъ сознаются, ибо не одна Королева не дѣлала Министровъ изъ своего пола. Иногда оплечались онѣ на протѣ попому, что искусство царствовать, не столько состоитъ въ искусствѣ дѣйствовать, сколько въ искусствѣ заставлятъ дѣйствовать: въ семъ отношеніи онѣ имѣютъ преимущество предъ Монархами; онѣ очень хорошо знаютъ людей. Онѣ пред-

почишають Адониса для удовольствія—глупца, что бы надъ нимъ позабавишься—щеголя изъ суешности; но понадобится человекъ съ талантами и онѣ его опыщуть. Даже въ самой любви человекъ съ истинными достоинствами всегда почти одерживаетъ верхъ надъ шемъ, копорый ихъ не имѣетъ. Глупость увѣнчивается иногда успѣхомъ; но однѣ шолько настоящія достоинства совершенно покаряють женщинъ: собственная слабость заставляеть ихъ чувствовашь нужду въ подпорѣ; припомъ же имъ весьма легко плѣнять сердца героевъ. Хотите ли сдѣлаться для нихъ опаснымъ? — Оставьте сіи употребительныя въ обществахъ ужимки, сей прищворный языкъ, ложныя увѣренія, будьте просты въ обращеніи, говорите и поступайте съ мужествомъ и швердоспію, заставляете ихъ уважать себя взаимнымъ къ нимъ почтеніемъ, и обратите на себя ихъ вниманіе умомъ своимъ. Приобрѣщите знанія и великость духа, не лишите себя крепости и качества любезнаго человека. Сія принужденность, копорая почишается въж-

ливоспію, не должна не только льстишь ихъ самолюбію, но еще оскорбляшь оное. Какъ можно думаешь, чпобъ такія глупости, увѣренія несправедливыя, обманны очевидныя могли бышь средствами нравишься существамъ разумнымъ, которыя могутъ легко видѣшь, что уваженіе, оказываемое имъ, имѣешь основаніемъ самыя ничпожныя предметы. Когда говоримъ съ дѣшми, то чпобъ усмиришь ихъ, или сдѣлашь для нихъ понятнѣе разговоръ, 'измѣняемъ свой голосъ и слова; не уже ли съ шемъ же намѣреніемъ измѣняемъ свои чувствованія и поступки въ отношеніи къ женщинамъ? Мы принимаемъ ихъ болѣе за куколь, нежели за существъ разумныхъ, и чемъ болѣ усиливаетъ наше дѣшское къ нимъ вниманіе, шемъ болѣе должны онѣ оскорбляшь нашу дерзоспію.

Одна почтенная Англичанка разговаривая въ первый разъ съ иностранцемъ, обращалась съ нимъ очень дружески, чпо его удивило. "Я не вижу сказала она ему: какое отношеніе имѣешь наша бесѣда къ различію пола: она занимаешь меня; я не думаю о шомъ, чпо

вы мужчина, а я женщина., Въ самомъ дѣлѣ ничего нѣтъ несноснѣе въ женщинѣ, какъ эпо жеманство. Женщина извѣстныхъ лѣтъ должна положить границы своему чрезмѣрному эпикету, и обращаться съ мужчинами, какъ бы она сама была мужчиною, и тогда она сдѣлается совершенно любезною. Но какое же будешь она имѣть право на наше вниманіе? Не уже ли по своей слабости? Красота не болѣе имѣетъ права на уваженіе наше, и ничто такъ не смѣшно, какъ эпошъ надменный, спротивъ и, такъ сказать, *покровительствующій* видъ, который принимаетъ на себя прекрасная женщина въ обхожденіи съ людьми, ничего отъ нее непребующими, и копорые, можешь бышь, по благоразумію своему, или по честности, отвергли бы и самыя лесныя ея милосши. Соединяйше въ себѣ всѣ прелесши — какое намъ дѣло, если не можемъ мы владѣть ими, или если они представляють образъ счастья, кошораго никогда мы имѣть не будемъ? Обращеніе съ некрасавицами гораздо свободнѣе, вѣрнѣе и даже пріятнѣе: онѣ чувствуютъ необ-

ходимость замѣняясь недостаткомъ пѣлесныхъ качествъ, качествами душевными, и съ ними бываешь всегда покойнѣе, веселѣе и словоохотнѣе.

Вообще женщины были бы не столько суешны, если бы сдѣлали онѣ это размышленіе, сколько простое, сколько полезное и справедливое, хотя не много и неприятное, для ихъ самолюбія. Первый блескъ юности, убранство самое богатое, правильныя черты лица, тонкая кожа, бѣлая грудь, маленькая ножка, все это могутъ имѣть иногда женщины всякаго званія, даже самыя служанки и . . . Можно ли же гордиться сколько ничтожными достоинствами? “Но—спросяшь, можешь быть, меня не-копорыя милыя женщины, немного оскорбленныя симъ сравненіемъ—не уже ли не имѣемъ мы ничего, что бы могло возвысить насъ надъ сею презрѣнною частію нашего пола? Простота, крепость, невинность, доброта, дарованія, образованность, умъ, разборчивость, вѣрность, все это развѣ не составляетъ настоящихъ нашихъ прелестей? . . . ,

Такъ, шакъ, милья женщины! Эпо
наспоящія, это самыя лучшія ваши пре-
лести!—Спарайшесь опличашься сими
прелесшями — ими шолько можеше вы
всегда нравшся и привязыващъ къ се-
бѣ людей, достойныхъ вашего и всеоб-
щаго уваженія.

А—В—тѣ.

~~~~~

ПОСЛАНИЕ КЪ Н. И. Б.

Приди, любезный другъ, въ мое уединенье,
Оспавъ исполненный коварства, злобы
свѣшъ.
Ничпоженъ славы блескъ; брось къ поче-
сшямъ сшремленье:
Въ убогомъ шалашѣ спокойствіе живешь.
Наперсникъ Счастія, осыпанный дарами,
Богинею своей навѣкъ его лишень;
Убожество съ клюкой, у врагъ гремишь цѣ-
пями,
И изъ груди влечешь счастливица ши-
хій спонь.
Надменный Сибаришъ въ черпогахъ позла-
щенныхъ
Спокойствія душѣ своей нигдѣ не зришь;
Среди самихъ забавъ, льстецами уполчен-
ныхъ,
Зовешъ къ себѣ покой—но онъ его бѣ-
жишь.

Ахъ, другъ мой! всѣ дары Форшуну въро-
 ломной
 Исчезнушь какъ шумань, какъ легкій въ
 вихрѣ прахъ.
 Подъ лезвѣемъ косы Судьбины непреклонной
 Падешь и гордый дубъ, какъ быліе въ
 лугахъ.
 Сегодня грозный Царь сидитъ на мрачномъ
 тронѣ,
 Вселенную громишь могучею рукой;
 А завтра шрупъ его, при погребальномъ звонѣ,
 Несушь подъ хладною, тяжелою доской.
 Приди, любезный другъ, въ черпогъ свяшой
 Природы:
 Спокойствіе собой зашишь мой бѣд-
 ный кровь;
 Въ родномъ кругу друзей, въ объятіяхъ Сво-
 боды,
 Я славлю жребій мой за чашею опцовъ.
 Давно оставилъ я храмъ суешной Форшуну;
 Давно, давно презрѣлъ кимвальный Сла-
 вы звукъ;
 Заржавѣли моей цѣвницы помной сшруны,
 И выпаль рѣзвый плекшръ изъ слабыхъ
 спарца рукъ.
 Умолкли навсегда голодные Зоилы;
 Спокойствіемъ души я Зависть побѣ-
 дилъ;
 Я въ присшани шеперь; беспсрашно жду мо-
 гилы

О еслибъ ты мой кровь смиренный по-
 сѣпиль!
 Довольно швой челнокъ о камни разбивался
 Въ пучинѣ яростной стихіи жизни сей.
 Ахъ! часно Злобою ты въ бездну увлекался!
 Приди, о другъ! возлечь подь ивоюю моею.
 Въ убогомъ шалашѣ, подь кровлей изъ соломы,
 Гдѣ ушварь праощовъ сіяетъ проспотой,
 Забудешь навсегда Судьбы жестокой грома,
 Надъ идоломъ смѣясь, Форшуную слѣпой.
 Бесѣдуя въ шѣни дубравной съ Аполлономъ,
 Гдѣ въ сумракѣ вѣшьвей синѣетъ неба
 сводъ,
 Ты горешъ усыпишь шупливой лиры звономъ,
 И Нимфы вокругъ тебя сберушся въ хо-
 роводъ.
 На гласъ швой прилепишь Циперы богъ
 крылатой,
 И эхо разнесетъ зевонъ лиры по доламъ;
 Съ свирѣлью прибѣжишь къ тебѣ Сатиръ
 рогатой,
 И шигры — спрахъ лѣсовъ—падупи къ
 швоимъ спопамъ.
 Твой дряхлый Агащонъ, плѣняясь пѣснопѣньемъ,
 Сплешетъ Пѣвцу вѣнокъ изъ скромныхъ
 васильковъ;
 Припавъ къ груди швоею съ сердечнымъ вос-
 хищеньемъ,
 Забудешь, что согбенъ подь тяжесью
 годовъ.

Пл. Абодовскій.

АЛИ - ПАША.

(Переводъ съ Гретескаго простонароднаго языка.)

Али-Паша, Деспотъ Яннины,

Однажды, кровью жершвъ насыпшась, опды-
халь,

И шакъ наединѣ шепшаль:

Дай средство, Магомешъ, ошкрышь мнѣ шѣ
причины,

Ошъ коихъ людямъ всѣмъ я ненависнешъ
спаль!

Ужь я ли не казню пороки, преспушенья!

Ужь не спараюсь ли, чшобъ лучшимъ видѣшь
свѣшь,

Ошибки самыя карашъ бдзь снисхожденья—

А все кажусь неправъ! Ошкрой же, Магомешъ!

Чемъ я могу къ себѣ привлечь любовь, у-
сердье?—

“Будь строгъ какъ Ищина, и добръ какъ
Милосердые!,”

(Вдругъ голосъ раздался)—“Подвласшныхъ
будь опецъ,

И преданность шогда увидишь ты сердцецъ!

Но ты — безъ милосши, лишь кровь — швоя
ошрада:

За шо—прокляшье одна шобѣ награда.,—

—Кшо ты? вскричаль Паша.—“Твой мспи-
пель Магомешъ!,”

Сказаль смѣльчакъ Дервишь, сидѣвшій за
спѣною.

И смушень сталъ тирань! Пророческій отв-
вѣтъ
Злодѣйскою потрясь душою!
Съ шѣхъ поръ сей страшный власте-
линь
Боялся бытъ одинъ.

Такое дѣйствіе чипапелю понятно:
Уединеніе! ты добрымъ лишь приапно!

— но —

~~~~~

Одувантикъ.

Окинушій пушкомъ гостъ поля молодой,
Въ нарядной пышности въ сосѣдствѣ ве-
личался,
Спѣсиво выспаваясь надъ бархатной правой;
Но вѣтеръ вдругъ подулъ—и спебель лишь
остался!

*

Любимецъ случая на насъ едва глядишь —
Измѣниръ счастье, и чванство облепишь!

Б. Федоровъ.

~~~~~

ВСЯКАЯ ЛОЖЬ ОПАСНА .

(Истинное происшествіе.)

Я былъ въ Б*** и однажды упромъ пошелъ, съ моимъ прияшедемъ, прогуливаясь въ памошній звѣринець. Проходя мимо одной бесѣдки, увидѣли мы въ ней двухъ молодыхъ, прекрасныхъ дамъ. Одна изъ нихъ, держа плашокъ передъ глазами, погружена была въ глубокую задумчивость; другая же, въ легкомъ упреннемъ плащѣ, писала пророчкою на песокъ буквы. — Ни ша, ни другая не замѣтили насъ.

“Знаешь ли ты этихъ дамъ?”, спросилъ я своего прияшеда.

— Знаю, опвѣчалъ онъ мнѣ. Та, которая такъ печальна—Полковница А**;
а другая — Графиня С. Съ самаго дѣтства были онѣ между собою друзьями, а теперь несчастіе сблизило ихъ еще болѣе прежняго.—

Я полюбопытспвовалъ узнать ихъ испорію; мы сѣли на первую лавочку, и онъ рассказаль мнѣ слѣдующее.

Эмилія и Лаура были воспитаны вмѣстѣ; были равныхъ лѣтъ, равнаго происхожденія и равно любезны. Въ одномъ только находили между ими большую разность: Эмилія была богаша, а Лаура бѣдна. Впрочемъ ни Лаура, ни Эмилія не имѣли недостатка какъ въ привлекабельныхъ качествахъ ума и сердца, такъ и въ обожашельяхъ.

Полковникъ А**, въ числѣ многихъ молодыхъ людей, былъ принятъ въ домъ ихъ родителей. Предупредительная наружность, услужливость и скромность отличали его отъ прочихъ. Но богатства, одного только богатства у него не было. Долгое время сердце его колебалось между Эмилією и Лаурою и наконецъ избрало первую. Можетъ быть не могъ онъ и самъ себя дать вѣрнаго отвѣта въ такомъ предпочтеніи; но кто зналъ его, тотъ увѣренъ, что не корыслолюбіе рѣшило его выборъ.

Полковникъ былъ непрошивень Эмиліи, и она не въ богатствѣ полагала супружеское счастье. Но отецъ ея подозрѣвая, что сдѣланное имъ предложеніе основано на одной лишь корысти, на-

говоришь Эмилии шакъ много о должномъ повиновеніи къ волѣ родительской, что она принуждена была дать слово испребишь родившуюся въ сердцѣ ея склонность къ Полковнику; а что бы вѣрнѣе могла она исполнить свое обѣщаніе, то отецъ отправилъ ее въ одну изъ дальнихъ своихъ деревень, гдѣ бѣдная Эмилиа цѣлый почти годъ провела въ совершенномъ уединеніи и скукѣ. Нѣсколько горшковъ съ цвѣтами, голуби и переписка съ Лаурою были единственною опрадою въ ея започеніи. Отецъ не посылалъ къ ней никакихъ романовъ, и весьма хорошо дѣлалъ, потому что съ ними трудно бы ей было забыть Полковника. Ни Эмилиа къ Лаурѣ, ни Лаура къ Эмилии не упоминали въ письмахъ своихъ его имени; онѣ знали, что письма ихъ распечатываются въ карантинѣ, учрежденномъ для предохраненія отъ заразы любви.

Хотя и не было Эмилии въ городѣ, но приданое ея все еще тамъ оставалось, и потому число обожателей ея нисколько не уменьшилось. Многие желали видѣть эту прелестную и богашую

невѣсту, даже и тѣ, копорые не знали ее прежде; однако строгій отецъ ея не скоро удовлетворилъ ихъ желаніямъ.

Наконецъ явился молодой С., владѣтельный Графъ, и что еще болѣе, Графъ богашый и кавалеръ военнаго ордена. Онъ много путешествовалъ, видѣлъ въ Лондонѣ великаго Пипа, и находясь на пловучей бапареѣ предъ Гибралтаромъ, лешалъ на воздухъ. Не ошъ этого ли полно и сдѣлался онъ такъ вѣпрень? Впрочемъ былъ онъ человекъ дюжинный, копорый искренно любилъ свою лягавую собаку и давалъ изъ великодушія маленькій пенсіонъ заслуженному своему Гофмейстеру. Иногда занимался онъ ошъ скѹки чтеніемъ книгъ и всегда походилъ на послѣднюю, только что имъ прочитанную. Если романъ былъ рыцарскій, то ломалъ онъ кошья; если же чувствительный, нѣжный, то глядѣлъ на луну.

Отецъ Эмилии, не въ силахъ будучи прощившьяся споль опличнымъ его достоинствамъ и богашству, дозволилъ ему увидѣшьяся съ Эмилиєю. Въ самое то время, какъ прелесная Эмилиа кор-

мила голубей своихъ, въѣхала на дворъ богашая карета; изъ нее вышелъ милый видный мужчина, который наговорилъ ей много приятнаго. Отецъ далъ ей замѣтить, что незнакомый рыцарь можешь освободить изъ очарованнаго замка заключенную Принцессу. Молодой дѣвушкѣ хотя и приятно въ уединеніи кормить голубей; но несравненно приятнѣе бытъ на свободѣ и жить въ большомъ свѣтѣ. Кто изрѣдка видитъ восхожденіе солнца, тотъ удивляется ему величественному зрѣлищу; кто же видитъ его часто, смотритъ на него равнодушно. Цвѣты, какъ бы хороши и благоуханны ни были, завянутъ и потеряютъ свой запахъ, если рука любви не будетъ радѣть объ нихъ. И я ни мало не удивляюсь тому, что приятная наружность Графа и желаніе получить свободу заставили Эмилию тотчасъ рѣшиться за него выдти. Словоохотный Паспоръ, по окончаніи бракосочетанія, сказалъ предлинную рѣчь; органистъ игралъ свадебную пѣсню изъ новой Берлинской пѣсенной книжки; а двѣнадцать молодыхъ, прекрасныхъ сельскихъ

дѣвушекъ, въ бѣломъ плащѣ, успидали цвѣтами пущь новобрачнымъ.

Прадѣды наши считали годы своего супружества, дѣды—мѣсяцы, опцы—недѣли, а намъ осталось считать только дни. Молодой Графъ, въ первые дни своей женишбы, соскучился въ деревнѣ; а Графиня давно уже въ ней скучала. Пригоповили дорожные экипажи и съ радостію опправились въ городъ.

Лаура сердечно была рада увидѣшь снова свою подругу; Полковникъ же все былъ шому не радъ. Лишь только успѣлъ онъ изгладить изъ сердца своего образъ прелестной Эмили, какъ вдругъ появилась она въ городъ, украшенная новыми прелестями. Въ одномъ обществѣ вспрѣшилъ онъ Эмилию. Онъ поклонился ей вѣжливо и поблѣднѣлъ. Эмилиа также поклонилась ему и покраснѣла. Полковникъ пожелалъ ей всякаго благополучія; а Эмилиа поблагодарила его такъ, что никто не слыхалъ ихъ разговора.

“Что изъ этого выдешь?,—думалъ Полковникъ, возвращаясь домой.—“Къ чему напрасно терзашь себя? Не уже ли

рѣшусь я обольстивъ ее? — Нѣтъ! Лучше изберу себѣ въ подруги дѣвушку добрую, милую, которая могла бы доставить мнѣ жизнь приятную и покойную. Сладкіе плоды Гименея зрѣютъ не въ одной лишь пеплицѣ любви; они распухъ также и подъ сѣнію разсудка. Не для чего мнѣ искашь далеко счастья — счастье ближе къ намъ, нежели мы думаемъ. Лаура шика, скромна, добродѣтельна — женюсь на ней.,,

Съ эпимъ намѣреніемъ легъ онъ спать; съ эпимъ же намѣреніемъ и проснулся. — “Я сердечно люблю васъ, сказалъ онъ Лаурѣ при первомъ свиданіи съ нею. Могуль надѣяться на вашу взаимность? ,,

Лаура давно уже его любила и черезъ мѣсяць праздновали ихъ свадьбу.

Хотя молодыя дѣвушки въ бѣломъ платьѣ и не усыпали пучки имъ цвѣтами; но они были счастливы и жили въ совершенномъ согласіи до пѣхъ поръ, пока ревность не разстроила сѣмейственнаго ихъ благополучія.

Полковникъ А** не могъ равнодушно сморѣть на Эмилию; а Эмилія со-

хранила къ нему въ сердцѣ своемъ нѣкоторую привязанность. Онъ видѣлъ въ ней прелестную женщину, на которой женился бы непременно, если бы опцу ея было по не прошивно; она же находила въ немъ человека любезнаго, который посвятилъ ей первую любовь свою, и можешь быть—шепшало ей самолюбіе—была еще имъ любима. Они всегда обходились между собою съ особенною учшивоспію и осторожностію. Ни съ какою женщиною не говорилъ Полковникъ такъ боязливо, какъ съ Эмилиєю; Эмилия же со всѣми была обходительна, любезна и полько ему одному опвѣчала съ примѣшнымъ замѣшательствомъ.

Молодой Графъ замѣшилъ это и вспревожился. Но какъ предъ шемъ полько прочель онъ романъ, въ которомъ разсудительный мужъ, благороднымъ своимъ обхожденіемъ предохранилъ супругу свою опъ слабоспи, свойственной женскому полу, по и рѣшился скрышь опъ Эмилии све подозрѣніе. Онъ пришворно радовался, что Эмилия часто посѣщала Лауру, и сказала ей

однажды: “Ты, мой другъ, кажешься, давно уже не была у Лауры. Для чего не поѣдешь къ ней? Не забывай искреннюю свою прияпельницу.,, Это была *первая* *ложь*, копорая подала поводъ къ несчастному для всѣхъ происшествію.

Лаура также замѣтила, что мужъ ея равнодушно обходился съ Эмилией, и сердце ея взволновалось. Она спыдилась признахся ему въ эпомъ. Однажды Полковникъ спросилъ ее: “Не склонна ли и ты къ ревности?,— Ни мало!—опвѣчала Лаура смѣючись. И эпомъ опвѣпъ былъ *вторая* *ложь*, на копорой злый духъ основалъ свои замыслы.

Зима прошла довольно спокойно. Искра пламени шлѣлась еще подъ цепломъ. При наступленіи весны, молодой Графъ въ одинъ прелесный день приглашенъ былъ въ деревню на праздникъ. Приглашавшій его былъ пожилой холостякъ, копорый еще въ молодости своей ненавидѣлъ жѣнщинъ и копорого общества соспоило всегда изъ однихъ мужчинъ. Графъ опсправился къ нему, и не прежде другаго ушра пред-

полагалъ возврашиться домой. Эмилиа, оставшись одна, соскучилась. Лаура прислала сказать ей, что мужъ ея въ караулѣ, и не ранѣ смѣнился съ него какъ на другой день къ обѣду; что она теперь одна и желала бы провести съ нею вечеръ. Эмилиа обрадовалась этому случаю; она опвѣчала ей, что получила двѣ первыя книжки новаго романа Августа Лафоншена и съ ними къ ней будетъ. Книжки взяла она съ собою въ карешу и съ веселымъ духомъ отправилась къ своей приятельницѣ. По приѣздѣ къ ней, опослала карешу домой; смѣялась, шутила и послѣ ужина хотѣла опшаться у нее не болѣе получаса. Но вмѣсто получаса прошелъ цѣлый часъ; за нимъ и полныхъ два; онѣ читали вмѣстѣ новый романъ и никакъ не могли опшаться опъ него. Эмилиа забыла послать за своею карешою, и ровно въ три часа пополуночи Полковникъ, возвращаясь домой, заспалъ ихъ еще за чтеніемъ.

Увидѣвъ его, онѣ испугались.—Эмилиа вскочила, просила нанять карешу, надѣла перчатки, накиннула солопъ и

шоропилась у́хашь. Полковникъ изъ учтивости подалъ ей руку и просилъ дозволенія проводить ее до дому, говоря, что ей вовсе не прилично ѣхать такъ поздно одной въ наемной каретѣ. Она отговаривалась, а онъ наспайвалъ. Эмилиа не знала на что рѣшишься. — “Если приму я его услугу, думала она: то буду въ самомъ затруднительномъ положеніи; буду сидѣть насупротивъ такого человѣка, къ которому я очень равнодушна. Если же откажу ему, то можешь онъ подумаетъ, что я его опасаюсь., — Послѣдняя мысль воспоржествовала надъ ея гордостью; а гордость надъ ея боязнію, и она подала руку Полковнику.

Во все это время бѣдная Лаура спрадала. — “Мужъ мой будешь сидѣть въ одной каретѣ съ Эмилиєю и можешь бышь еще рядомъ! Она живетъ не близко отсюда. Упрое прелестное!., — Скрывъ свою ревность, сказала она имъ зѣвая: “Богъ съ вами! Сонъ одолеваетъ меня; вы же, любезный А**, когда приѣдешь назадъ, шо не буди меня: я вѣрно буду уже тогда спать.,,

Эпо была *третья ложь*, потому что Лаура вовсе не думала о снѣ. Она спыдилась своей ревности; а пришворный спыдь всегда бываетъ неразлучень со своею сестрою *ложью*.

Эмилиа и Полковникъ сѣли въ карешу. На улицѣ давно уже былъ день. Солнце величественно всходило и лучами своими позлащало куполы церквей. Пѣшухи пѣли. Царикмахеры бѣгали по улицамъ. Лавочки опирались. Эмилиа весьма хопѣлось заняшь во время пупи Полковника какимъ нибудь пустымъ разговоромъ, и сказала первое, что ей только пришло на умъ, то естѣ, слѣдующую *тетвертую ложь*: “Какое прелестное упрое! Я желала бы лучше прогуляшься въ звѣринцѣ, чемъ ѣхать домой.,,

— Споеишь только приказашъ. Кучеръ! спунай къ звѣринцу. —

Невольное вздротнула Эмилиа. Она вовсе не думала гуляшь по ушренной роцѣ; припомъ же вмѣспѣ съ Полковникомъ—въ чешыре часа ушра—въ звѣринцѣ! — Если кто повспрѣчаецъ ее шамъ, то что объ ней подумаецъ? — Вдругъ

пришла ей на умъ счастливая мысль выдти изъ столь запруднительнаго положенія. — “Въ двухъ шагахъ отсюда, сказала она: живешь двоюродная моя сестра. Она любитъ утренняя прогулки; прикажите остановить у нея вороша и мы возьмемъ ее съ собою.,”

— Сердечно радъ! — отвѣчалъ Полковникъ, и приказалъ кучеру ѣхать къ двоюродной сестрѣ Эмили. Не прошло двухъ минутъ и они были уже у нее. Вороша были заперты. Долго стучались и наконецъ явился зѣвающий слуга, который сказалъ: “всѣ еще спятъ.,” — Вели разбудить сестрицу, вскричала Эмили. Позвольте мнѣ, господинъ Полковникъ, оставивъ васъ на нѣсколько минутъ; я сама пойду къ ней. Съ этими словами выскочила она изъ кареты, взлѣзла вверхъ по лѣстницѣ, вѣжала въ ея спальню и раздёрнула занавѣсы у ея кровати. — “Ради Бога, любезная сестрица, поѣдемъ сію же минуту гулять. Внизу, въ наемной каретѣ, ожидаетъ меня Полковникъ А**. Никакъ не могу я отъ него избавиться. Онъ непременно хочетъ проводить меня до-

мой; а мнѣ вовсе неприлично бытъ съ нимъ одной. Поскорѣй, какъ можно поскорѣй одѣвайся и поѣдемъ съ нами.,,

Двоюродная сестра ея нѣсколько уже дней была больна жестокою простудою и опказалась ѣхать гулять съ ней. — Остаешься лучше у меня завтракать, сказала она ей: а Полковника оппусти домой. —

“Съ удовольствіемъ и съ благодарностію принимаю швое предложеніе, чтобъ избавишься отъ безопвязныхъ его учшивоспей.,—Эмилиа велѣла изви-нишься передъ Полковникомъ и сказашъ ему, что сестра ея больна, что она оспашетъ у нее и не имѣетъ болѣе надобности въ карешѣ.

Полковникъ рѣшился идиши пѣшкомъ. Онъ вышелъ изъ кареты и предешное ушро его воскишило.—“Если пойду шеперь домой, сказашъ онъ самъ себѣ: шовѣрно разбужу жену мою; а сй очень кошѣлось спашъ. Давно уже не гулялъ я на ушренной зарѣ; воспользуюсь же эшимъ случаемъ. Съ сими мыслями опсправилъ онъ въ звѣринецъ и прохаживался шамъ по аллеямъ.

Эмилія не болѣе полчаса пробыва у сеспры своей. Садясь въ карешу, подумала она: “вѣрно Полковникъ давно уже спитъ. Какое прелестное утро! Солнечные лучи обсушили уже росу; сонъ мой исчезъ и мнѣ чрезвычайно хочется прогуляться.”

Не прошло десяти минутъ и она была уже въ звѣринцѣ; а еще черезъ двѣ вспрѣшила съ Полковникомъ. Увидѣвъ его издали, испугалась. Чпо оспавалось ей дѣлать?—Вѣжашъ ошъ него?—Эшо было бы неприлично, пошому чпо онъ уже узналъ ее и она дала бы ему шемъ поводъ думать, будто его презираешъ, или опасается. Первое было прошивно ея чувспвамъ, а послѣднее оскорбительно для ея самолюбія.—Собравшись съ силами, идетъ прямо къ нему навспрѣчу и смѣючисъ говоритъ: “не правда ли, чпо женщины причудливы?—Въ одну и шу же минушу желаютъ онѣ чего нибудь и опказывающся. Если бы спросили вы меня шеперь: какъ очушилась я здѣсь?—шо, признаюсь вамъ опкровенно, не знала бы чшо опвѣчать, развѣ шолько сослашся на одну мою фанша-

зію. Видно угодно судьбѣ, что бы я нынѣшнее утро непременно прогуливалась съ вами; ипакъ—дайте мнѣ вашу руку.,,

Съ непринужденнымъ и опкровеннымъ видомъ разговаривала она съ нимъ, прогуливаясь по аллеямъ звѣринца. Вдругъ обложилось небо пучами; Эмилія, обрадовавшись этому, сказала Полковнику: *кланяйтесь Лаурѣ*, прыгнула въ карешу и поѣхала домой.

Къ несчастію угодно же было судьбѣ, что бы старый холоспякъ, у котораго обѣдалъ Графъ С**, обѣввшись пашпешомъ съ угрями, занемогъ коликою. Съ разрушеніемъ его здоровья рушился и праздникъ. Хозяина уложили въ постель, а госпи все разъѣхались по домамъ. Графъ, возвращаясь къ себѣ въ одиннадцать часовъ, спросилъ объ Эмиліи. Ему сказали, что она у Полковницы. Опсуществіе ея нимало его не беспокоило. Прохаживаясь по своей комнашѣ, думалъ онъ, что въ присушствіи Полковницы опасаться нечего.— Бьешъ двѣнадцать—часъ, а Эмилія не возвращается. — Бьешъ два, а Эмиліи все еще нѣшъ.

Графъ начинаеть беспокоишься. “Что это значишь? Никогда такъ поздно не возвращалась она.,—Каждый разъ, какъ подъѣзжала къ дому кареша, думаль онъ: *это она*—но она не приѣзжала. При каждомъ малѣйшемъ шорохѣ говорилъ онъ самъ себѣ: *вотъ она идетъ!*—но она не приходила. Пока было еще темно, слушалъ онъ съ особеннымъ вниманіемъ и ничто не проходило мимо ушей его. Все принималъ онъ за Эмилию.

Эта ночь была для него споль же длинна и ужасна, какъ и ша, кошорую проводишь заблудившійся въ непроходимомъ лѣсу-пушешешвенникъ. Споило бы полько ему спросишь: “гдѣ жена моя и что дѣлаешь такъ поздно?.,—Но онъ не хотѣлъ этого сдѣлать. “Желаю знашь, чемъ все это кончися? говорилъ онъ самъ себѣ. Если скажешь Эмилии, что я дома, то она пригото-вишься къ ошвѣшу и вѣрно солжешь мнѣ. Когда же неожиданно увидишь меня, то не успѣешь обманушь, и можешь бышь на покраснѣвшіхся щекахъ ея прочшу я позоръ мой!.,

Наконецъ насталь и день. Теперь

вмѣсто ушей досталось глазамъ. Прохаживаясь взадъ и впередъ по комнашѣ, то и дѣло что подходилъ къ окну; смопрѣлъ не только въ ту сторону, откуда Эмилиа должна была возвратиться, но даже и въ пропивную, по которой и не думала она ѣхать. Съ каждою минутою безпокойство его умножалось. Ничемъ не могъ онъ занять: взялъ новый журналъ, переворачивалъ листы, смопрѣлъ въ него пристально и ничего не видалъ — сѣлъ къ фортепiano, и на первомъ аккордѣ пальцы его онѣмѣли. Бьетъ шесть часовъ — онъ сердится. Бьетъ семь — и онъ потерялъ все терпѣніе.

“Когда Графиня придетъ домой сказалъ онъ своему каммердинеру: доложи ей, что я пошелъ завтракать въ кофейный домъ.,,

Это была пятая ложь, — потому что онъ отправился не въ кофейный домъ, а прямо къ Полковнику А**. Лаура провела эту ночь столь же беспокойно, какъ и Графъ, и можетъ быть гораздо еще беспокойнѣе отъ того, что она любила искренно своего мужа. Въ такихъ

случаяхъ женщины прибѣгають всегда къ спасительному средству — къ слезамъ—и слезы облегчили спѣсившуюся грудь Лауры. — Графъ, увидѣвъ, что глаза ея покраснѣли и распухли отъ слезъ, задрожалъ. “Не случилось ли какого несчастія съ моею женою?“, спросилъ онъ Лауру.

Лаура. Ни малѣйшаго.

Графъ. Не уже ли она не у васъ?

Лаура. Вошь уже болѣе прехъ часовъ, какъ она отъ меня уѣхала.

Графъ. Да здорова ли она?

Лаура. Слава Богу!

Графъ. Куда же поѣхала?

Лаура. Къ себѣ—домой.

Графъ. Какъ! домой?—Я шеперь лишь изъ дома: ее шамъ нѣшь.

Лаура (сѣ беспокоистой). Ну, шакъ не знаю гдѣ она.

Графъ. Да одналь она поѣхала?

Лаура. (сѣ наворачившими на глазахъ слезами). Мужъ мой ее провожаетъ.

Графъ. Болѣе уже прехъ часовъ какъ она отъ васъ уѣхала!—Спранно!

Лаура дрожала.—Слезы наворачивались беспресшанно у нее на глазахъ и

снова гошовы были облегчишь грудь ея. Но она боялась обнаружитъ ими состояніе своего сердца — боялась возбудишь въ Графѣ чувство ревности, котораго, можетъ быть, онъ еще не испытывалъ, и боялась также подать поводъ къ какому либо раздору между имъ и ея мужемъ. Она оправилась, приняла на себя покойный видъ и скрыла въ сердцѣ своемъ раздиравшій его ядъ. Подали шоколадъ. Они взяли по чашкѣ; но ни шопъ, ни другая не могли не только пить его, но даже и прихлебнуть. Никогда еще никакая женщина не была наединѣ съ мужчиною въ такомъ смущеніи, какъ въ это время Лаура съ Графомъ. Казалось, сидѣли они на иглахъ, или на горячихъ угольяхъ.

Къ неопisanному удовольствію для обоихъ приѣхалъ къ Лаурѣ Докшоръ освѣдомившись о состояніи ея здоровья. Онъ былъ человекъ проницательный и величайшій болтунъ—зналъ всѣ городскія новости и повсюду разглашалъ ихъ — вездѣ былъ ласково принятъ — всему смѣялся—говорилъ безъ застенчивости все, что только приходило ему въ го-

лову, и за то считался въ числѣ самыхъ любезныхъ собесѣдниковъ. Лишь только замѣпилъ онъ, войдя въ комнату, пасмурный видъ Лауры и задумчивость Графа, то всячески старался развеселить ихъ—но не имѣлъ въ помѣ успѣха.

Пощупавъ у Лауры пульсъ, сказала она ей: “вся кровь у васъ въ волненіи!,,
— Можешь бышь: —

“Да что съ вами сдѣлалось?,,
— Ничего. —

“Слѣдовательно одна только химера, фантазія . . . Знаете ли однако, продолжалъ онъ съ язвительною усмѣшкою: что опъ меня зависить теперь возвращить вамъ прежнее ваше спокойствіе?,,
— Какимъ образомъ? —

“Полковникъ...,,

— Полковникъ? Что такое онъ сдѣлалъ?—спросила съ живосію Лаура.

“Онъ самъ про то лучше меня знаетъ. Ничего болѣе не могу сказать вамъ, какъ только, что полчаса назадъ видѣлъ я его въ звѣринцѣ съ одною прелесною дамою. ,,

— Не удивляюсь этому—сказала Лаура съ видомъ равнодушія; но зарумя-

нившіяся вдругъ щеки показывали по-
му пропивное. — “Не уже ли?..., вскри-
чалъ съ удивленіемъ Графъ: хопѣлъ бы-
ло продолжашь, но вдругъ, опомнив-
шись, замолчалъ и началъ вершѣшь сну-
рокъ у своей проспочки; а Лаура, меж-
ду шемъ, оборвала нитку своего филе.

Докторъ, замѣшивъ принужденный
ихъ видъ, хопѣлъ вывѣдашь пайну. “На-
дѣюсь, сударыня, сказалъ онъ: что не-
умышленная шупка не огорчишь васъ.
Хотя и не замѣшилъ я въ лице шу да-
му, съ кошорою прогуливался супругъ
вашъ; но судя по ея одеждѣ, по благо-
родной осанкѣ, она должна бышь не про-
сшаго рода.,,

Только этого не доспавало, что
бы привести ихъ въ большее сму-
щеніе. Спрахъ и досада изображались
въ каждой чершѣ лица ихъ. То краснѣли,
по блѣднѣли они попеременно. Губы
ихъ дрожали. Докторъ видя, что ему
нечего шупъ дѣлашь, хопѣлъ было уйши;
но въ самую шу минушу, какъ вспаль
онъ со своего мѣспа и взялся уже за
шляпу, вошелъ къ нимъ Полковникъ. —
Съ видомъ веселымъ и непринужденнымъ

спросилъ его Графъ: “Гдѣ оставили вы жену мою?,,

Полковникъ, по смущенному виду Графа и по распухшимъ опъ слезъ глазамъ жены своей, заключивъ, что во время отсутствія его не все было покойно, счелъ за лучшее умолчать о своей прогулкѣ.—“Эмилию оставилъ я, опъ вѣчалъ онъ: удвоуродной ея сесипры, которая больна. Графиня хопѣла тамъ завтракашь; куда же поѣхала опшуда — не знаю.,,

Это была *шестая* ложь, которую Полковникъ едва могъ выговорить. Графъ не опъ вѣчалъ ему ни слова. Адъ свирѣпствовалъ въ душѣ его. Онъ поклонился сухо и вышелъ. Докторъ послѣдовалъ за нимъ.

Полковникъ и Лаура, оставшись одни, долго молчали. Наконецъ объяснились другъ съ другомъ и чистосердечная опкровенность Полковника вывела Лауру изъ мучительнѣйшаго подозрѣнія. Полковникъ при семъ случаѣ узналъ, что прогулка его въ звѣринцѣ была уже всѣмъ извѣстна. И шеперь только почувствовалъ онъ, что неумышленная

ложь его можешь имѣшь весьма дурныя послѣдствія. Онъ просилъ жену свою, не медля, съѣздишь къ двоюродной сестрѣ Эмилии, посовѣтуйся съ нею, какимъ образомъ лучше спасти невинную ея подругу и уговоришь Эмилию, что бы опкровенно во всемъ призналась своему мужу.

Лаура пошчасъ же поѣхала къ двоюродной сестрѣ Эмилии. Но Графъ предупредилъ ее своимъ приходомъ и узналъ какъ опъ самой хозяйки, шакъ и опъ людей ея, что Эмилиа пробыва шущъ не болѣе получаса, и съ сими, споль ясными доказательствами, ушелъ опъ нее.

Лаура придвинула спуль къ письменному сполику и написала къ Эмилии слѣдующее письмо.

“Любезная Эмилиа!

Я въ большемъ 'о тебѣ беспокоившъ. Мужъ швой знаетъ уже, что ты съ моимъ прогуливалась въ звѣринцѣ. Онъ ревнивъ. Признаюсь, я и сама подозрѣвала васъ; но объяснившись съ мужемъ моимъ, удосповѣрилась въ вашей невинности. Знаю, что случай, одинъ лишь случай всему виною. Сестра швая

пересказала мнѣ, какъ ты желала отъ него избавишься. Прошу тебя, любезная Эмилія, будь опкровенна передъ Графомъ, шакъ какъ мужъ мой былъ передо мною. Это единственнае средство избавишься отъ дурныхъ послѣдствій.

твоя вѣрная Луиза.,

“Р. S. Что бы не подашь повода къ какой либо размолвкѣ, вручишь сихъ спрокъ получилъ приказаніе сказать, будто онъ пришелъ отъ своего парикмахера.,

Это была седьмая ложь. Лаура пошла за необходимое приспустишь къ ней для того, что бы записка ея не попала въ руки самаго Графа и не зашавила бы его испытывать Эмилію.

Между темъ Эмилія возвратилась домой и узнавъ, что мужъ ея вечеромъ приѣхалъ изъ деревни и цѣлую ночь ждалъ ее, запрепешала отъ спрахъ и была въ самомъ жалкомъ состояніи. “Да гдѣ же онъ?,, вскричала она въ опчаяніи.—Въ ближнемъ кофейномъ домѣ—опвѣчали ей.

Эмилія обрадовалась его опсущствію и надѣялась до его возвращенія

хотя не много успокоить встревоженные свои чувства. Но прежде, нежели она опомнилась, вошелъ Графъ.—Съ перваго взгляда, думалъ онъ, по выступившей на лицѣ ея краскѣ, видѣшь свое бесчестіе и готовъ уже былъ излишь на нее всю свою ярость; но успокоившись немного, спросилъ ее ласково: гдѣ и какъ провела она цѣлую ночь?

“У Полковницы А**, сказала Эмилія, запинаясь. Мужъ ея былъ въ караулѣ... Лаура просила меня провести съ нею вечеръ... Читая вмѣстѣ новый романъ, я у нее засидѣлась... Наконецъ явился самъ Полковникъ.... хотѣлъ проводить меня домой... но я, чтобы скорѣе отдѣлаться отъ него, захватила къ двоюродной моей сестрѣ,,

Тутъ Эмилія замолчала.

— По этому ты теперь только пришла отъ сестрицы?—спросилъ ее Графъ, смотря на нее пристально.

Что должно было Эмиліи отвѣчать? Зачемъ она замолчала? — Признаться въ упрежденной прогулкѣ было уже поздно.— Графъ могъ подумать, что одинъ только страхъ извлекъ ея признаніе.—Онъ

могъ не повѣришь ей, могъ сумнѣвашься въ истинѣ, потому что сначала ничего ему о томъ она не сказала.— Если же умолчишь о своей прогулкѣ, по изъ этой бездѣлицы не выдешь ничего важнаго; при томъ же цѣлое упрое былъ онъ въ кофейномъ домѣ, могъ ничего не знашь—и если она, для избѣжанія всякой размолвки, немедленно предва-ришь сестру свою, по избавишься ошь всѣхъ непрятностей. Всѣ эти рассу-женія, блеснувшія какъ молнія въ голо-вѣ ея, были причиною *осьмой лжи*; она сказала Графу, что возвратилась до-мой прямо ошь сестры своей.

Но эти слова, произнесенныя шихимъ, дрожащимъ голосомъ, и алыя ще-ки-ушвердили Графа въ томъ мнѣнii, что Эмилия преспуница. Да и могъ ли онъ иначе думашь? Не на томъ ли же самомъ пункшѣ, какъ и она, остано-вился Полковникъ?

Бросивъ на Эмилию презришельный взглядъ, кинулся онъ къ дверямъ. На дѣшницѣ попался ему мальчикъ съ за-пискою ошь Лауры. “Кого шебѣ надоб-но?,” спросилъ его Графъ съ сердцемъ.

—Я принесъ записку къ Графинѣ.—

“Опъ кого?,,

—Опъ ея парикмахера.—

“Подай ея—не время ей шеперь помышлять о нарядахъ; она должна думать о другомъ.,,—При сихъ словахъ выхватилъ онъ у мальчика записку, смялъ ея въ рукахъ, и не прочтя, положилъ въ карманъ.

Какъ безумный побѣждалъ онъ къ Полковнику, но никого не засталъ дома. Онъ написалъ на карточкѣ: “Графъ С. ожидаетъ Полковника А** въ шракширѣ Золошаго Льва и проситъ его не забыть взять съ собою шпагу.,,

Тракширѣ Золошаго Льва былъ почти подлѣ дома Полковника. Графъ, вошедъ въ него, занялъ самую опдаленную комнашу, окнами на дворъ и спросилъ себѣ бушылку вина. —Получивъ ея, заперся онъ въ комналь.—Черезъ полчаса спросилъ другую бушылку. Человѣкъ, кошорый подавалъ ему вино, замѣпивъ въ немъ что-то необыкновенное, сказалъ о томъ хозяину. Хозяинъ вошелъ къ нему. Графъ сидѣлъ на стулѣ, кусалъ ногти и пилъ вино. Долго не за-

мѣчалъ онъ шракширщика; но наконецъ увидѣвъ его, выгнать съ досадою изъ комнацы.

Между шемъ суровый и презрительный взглядъ, брошенный имъ на Эмилию при его удаленіи, привелъ ее въ большой страхъ. Увлекаемая горесшнымъ предчувствіемъ, написала она двѣ записочки: одну къ двоюродной своей сесшрѣ, а другую къ Полковнику. Она увѣдомляла ихъ обо всемъ, что случилось съ нею, и просила убѣдительно, если Графъ будетъ ихъ спрашивать; подтвердить то, что онъ уже опъ нее слышалъ.

Двоюродная сесшра Эмилиі получила ее записку въ то время, какъ была еще у, нее Лаура. Сія послѣдняя, опасаясь пагубныхъ послѣдствій, выбѣжала какъ безумная изъ комнацы, сѣла въ карешу и поскакала домой. Лаура хотѣла спасши своего мужа, но къ несчастію опоздала. Полковникъ, получивъ въ одно и то же время какъ вызовъ Графа, такъ и записку опъ Эмилиі, опсправился въ ту же минушу въ шракширь Золошаго Льва.

Пришедъ въ пракширь, спросилъ онъ Графа; ему показали его комнашу. Онъ вошелъ къ Графу и поклонился ему весьма учтиво. Графъ, увидя его, вскочилъ съ мѣста, подбѣжалъ къ двери и заперъ ее ключемъ. Потомъ, оборотясь къ своему сопернику, съ видомъ презрительнымъ и съ оскорбительною дерзостію сказалъ ему: “М. Г., вы увѣряли меня, что оставили жену мою у двоюродной ея сестры и послѣ того не видались съ нею. Спрашиваю васъ въ послѣдній разъ: правда ли это, или нѣтъ?,,

Полковникъ, непривыкшій къ такимъ вопросамъ, вспыхнулъ отъ досады; вся кровь закипѣла въ немъ и онъ отвѣчалъ ему: “М. Г.! если я говорю что, то вы не имѣете права въ томъ сомнѣваться.,,

Девятою ложью подтвердилъ онъ прежнія слова свои.—Графъ, въ изступленіи, выхвативъ свою шпагу, кинулся съ нею къ нему и черезъ нѣсколько секундъ, проколовъ его насквозь, повергъ на полъ.

Люди, услышавъ шпажный стукъ,

бросились къ дверямъ, выломали ихъ но—дѣло было уже сдѣлано—Полковникъ плавалъ въ крови своей. Они схватили убійцу и послали за Докпоромъ.

Полковникъ, чувспвуя, что рана его смершельна, просиль всѣхъ его окружающихъ оставишь его на нѣсколько минушь съ Графомъ наединѣ. Просьба умирающаго всегда бываешъ священна. Всѣ вышли изъ комнаты, и что бы Графъ не могъ уйши, заложили дверь изъ другой горницы. Графъ пришель уже въ себя. Льющаяся кровь упишила его яросшь; съ чувспвомъ состраданія и яросши смотрѣль онъ на раненаго, копорый слабымъ голосомъ просиль его къ себѣ приближись и выслушашъ послѣднія его слова.

“Умираю — сказалъ онъ — повѣрьте словамъ умирающаго... Жена ваша невинна...и я пакже...Я вамъ прощаю... *(тутъ съ особеннымъ чувствомъ пожалъ онъ ему руку)*... Спасайтесь... Будьте подпорою, защитникомъ моей жены... и ошцемъ нерожденнаго еще ею младенца... Лешите *(тутъ указалъ онъ ему открытое окно)*... время дорого... спасайтесь!,,

Болѣе этого не могъ онъ произнести ни одного слова. Безжалостная смерть сомкнула навѣки уста его. По счастью Графъ сохранилъ довольно еще присушествія духа, что бы воспользо-ваться спасительнымъ его совѣтомъ. Онъ выскочилъ въ окно на дворъ, прокрался въ заднюю калишку и исчезъ. Въ величайшемъ страхѣ приѣхалъ Графъ на границу, и надобно же было случиться такъ, что бы не прежде какъ въ это время прочелъ онъ записку Лауры, которую забылъ въ своемъ карманѣ. Записка эта послужила ему неоспоримымъ доказательствомъ невинности жены его.

Письмо, написанное имъ съ границы къ Эмилиі, показывало расстройство ума его. Навѣкъ прощался онъ съ нею, и послѣ того никто не слыхалъ уже болѣе о семъ несчастномъ.

Лаура ошъ преждевременныхъ родовъ долго была между жизнью и смертію; но молодость и время возвратили ей наконецъ здоровье. Эмилия же денно и ночно оплакиваетъ свое несчастіе.

Вопшь эшо Эмилія! Она погружена въ глубокую задумчивость и пишеть пророчкою на песокъ върояшно имя своего мужа — а можеть бышь и Полковника. А вопшь эшо Лаура! Она также печальна: по блѣднымъ и впалымъ щекамъ ея непреспанно спруятся слезы.

И такъ девять, вовсе кажется ничего незнатищихъ лжей *) стоили однако жизни одному гестному теловѣку и сдѣлали еще трехъ навѣки несчастными.

Съ Нѣл. А. Е—вѣ.

Прогулка вѣ саду.

Сводъ голубой ээирной, ясный,
Весенній свѣжій вѣщерокъ,
Деревъ качанье, шумъ согласный,
Алеи крышой холодокъ,
Какъ нѣжишь все! манишь къ покою!
Куда ни взглянешь, ни пойдешь,
Когда припомъ—рука съ рукою
Подругу милую ведешь!—

Б. Федоровѣ.

*) Не одинъ ли полно романъ Августа Лафоншена? *Изд.*

НОЧЬ.

Русская Балла *).

“Куда ты, мой милый! куда ты уѣхалъ
Вечерней холодной порой?

Зачемъ ножъ широкій и черную саблю
Съ собою ты взялъ?

Ахъ! гдѣ ты, мой милый! ночь бурна нахо-
дишь

И Днѣпръ въ берегахъ закипѣлъ,
И черная пуча надъ ближней дубравой,
Какъ воронъ, виситъ!

Ахъ! гдѣ ты, мой милый! ужь полночь, мнѣ
спрашно —

Вошь съ неба упала звѣзда,
Надъ пологомъ дашель приникнулъ къ свѣш-
лицѣ

И въ уголь долбитъ!

Ахъ! гдѣ ты, мой милый! Чшо сердце шакъ
бьется?

Чу! кшо-шо знакомый вздохнулъ,

---

*) Содержаніе сего стихотворенія заимствовано изъ просонародной пѣсни. Перелагая оную, хотѣлъ я попытаться написать чшонибудь въ духѣ опечесшвенной нашей Поэзіи. Не знаю, удаченъ ли мой опытъ; но увѣренъ, чшо писатели съ шаланпомъ и познаніями могли бы дать Поэзіи нашей собсшвенный характеръ, убившій рабскимъ подражаніемъ Нѣмцамъ и Французамъ. *Прим. Сог.*

Лучина качнулась и брызнули искры

Со шрескомъ на полъ!

Ахъ! гдѣ ты мой милый! Вошь грянули
громы,

Дождь крупный полился рѣкой,

И съ шумомъ врываясь въ окошко, спучишься,
По кровль съчешь.

Ахъ! гдѣ ты мой милый!,—Вдругъ слышишь
ся попошь

И крики и свистъ ѣздоковъ.

Какъ лиснь задрожала, и въ уголь прижав-
шись,

Не смѣешь дышатьъ.

А попошь все ближе, все ближе несется—

Конь борзый, примчавшись, заржалъ,

И, брякнувъ, кольцо въ воропахъ зазвучало,
Запоръ загремѣлъ.

«Гей!—голосъ раздался—жена! поскорѣе

Высокой перемъ опирай,

Томленую лошадь и плашье кроваво

Скорѣй принимай!»,

И шумень, шашаясь, во перемъ онъ входишь,

Креша на себя не кладешь,

И шапки не снявши, подъ образъ садишься

И связку на споль.

—Гдѣ былъ ты, мой милый? насилу дождалась! —

«Въ богапомъ пиру пироваль,

И вошь шебъ, радосшь! привезъ я подарокъ!»,

И персень подаль.

Взглянула на перспень и скорыя ноги
 Косой подкосились подъ ней,
 — Ахъ, свѣшъ мой! сгубилъ шы родимаго
 браша! —

“Не я виновашъ,
 Не я губилъ браша: ночь пемна губила;
 Онъ первую встрѣчей намъ былъ...
 Вошъ золошо, жемчугъ; возьми ихъ,,...и связку
 Хошълъ развязапъ,
 Коснулся — вдругъ пламень съ небесъ упа-
 даешъ,

Убійца въ мученьи погибъ.
 И шеремъ злодѣя одно пепелище
 Средь сосенъ гуспыхъ.
 И пушникъ робѣешъ въ шомъ мѣспѣ—сквозь
 вѣпъви
 Проглянушъ не смѣешъ луна,
 И съ шумомъ вдоль берега все мимо несешся
 Днѣпровскá волна.

Князь Цертелевѣ.

ЖЕНЩИНЫ И МУЖЧИНЫ *).

(писано съ натуры.)

У Ленской сидѣль Миловѣ. Имъ было пріяшно, весело - они смѣялись, шутили-вдругъ приѣзжаетъ мужъ. Миловъ, не желая съ нимъ вспрѣшпиться, вышелъ въ заднюю комнату—Ленской сдѣлалось дурно: на помѣ самомъ диванѣ, на которомъ она съ Миловымъ... сидѣла - теперь лежишь, блѣдна, слаба... чуюшь дышешь. Вспревоженный супругъ поспѣшь ѣдетъ за Докшоромъ; Миловъ между темъ выходишь и уходишь—Ленская... выздоравливаетъ. — *Женщина!* ...

Легковѣрный мужъ съ прудомъ могъ ошыскашь Докшора. Нашель-и не ѣдетъ-а лешишь домой...въ спрахѣ, въ опчаяніи - на глазахъ слезы. “Не опоздалъ ли я-думаетъ онъ-не умерла ли?..”, Но вошь приѣхали. Тучный Докшоръ не успѣлъ еще вылѣзть изъ саней; а супругъ былъ

---

*) Но не всѣ шакія, какими здѣсь представлены. Ручаюсь чесшю! *Изд.*

уже въ комнатахъ. О чудо!...онъ видишь мершвую...за фортопianoмъ!... (Ленская учила новую мазурку, сочиненную Миловымъ) смотришь, не вѣришь глазамъ своимъ — и въ восхищеніи *отъ гистаго сердца* благодарить Бога, что милая его въ добромъ здоровьѣ.—*Мужгина!* ...

Примѣрные друзья: *Вспышкинъ* и *Крутицкий* влюбились въ Касю. Оба они были молоды, хороши собою, ловки — да къ помужь военные Офицеры... сколько причинъ Капѣ вѣсашь ихъ въ проспранный реэспрь *счастливыхъ* своихъ адорашёровъ!... И Кася опличаетъ ихъ: и на того и на другого смотришь не шакъ, какъ на прочихъ, и съ шемъ и съ другимъ говоритъ не такъ, какъ съ прочими; и танцуетъ и подаешь ручку и...словомъ, опвѣчаетъ обоимъ. И казалося бы, что они счастливы *оба?* ... Но *увы!* и шомъ и другой скоро поняли, что опвѣчаютъ *и тому и другому*. — Любовь оскорбилась, ревности воспыдала... *прилибрные* друзья назначали уже мѣсто и часъ поединка. Кася услышала

объ ужасномъ намѣреніи ихъ наканунѣ дня, въ который приглашена была на балъ ... Что дѣлать? ... — Она поѣхала въ магазинъ *Madame le Grand* за новыми нарядами. — *Женщина!* ...

Вспышкину и *Крутицкому* извѣстно было, что Катя узнала о ихъ намѣреніи и несмотря на это, оправилась въ магазинъ—но *несмотря на это*, какъ благородные рыцари, *отправили* они другъ друга на топъ свѣтъ. — *Мужчины!*..

Вчера прогуливался и по Госпиному Двору; передо мною шель купецъ съ купчихой. “Нѣтъ—сказаль купецъ-нѣтъ Марѳушка, не охота мнѣ иди въ гости къ Попапу.,—Да я хочу—подхватила Марѳа—и пошацила его за руку. “Коли шакъ опивѣчалъ Купецъ-шо пожалуй поидемъ; я пошупиль: мнѣ и самому хочешся повидатся съ Попапомъ., —А коли шакъ, шо я не хочу-вскричала въ сердцахъ Марѳа—у себя на недѣль семь пяшницъ!..., — Повернулась направо кругомъ и пошла домой. *Женщина!*..

“Какъ шебѣ угодно!.,—сказаль Купецъ, идучи назадъ.—*Мужчина!* ...

Блескиной наскучиль *боспонь*—она сажаешъ вмѣсто себя мужа; ей надобно навѣспишь больную свою шепку — она посылаетъ вмѣсто себя мужа; къ ней приѣхали деревенскія сосѣдки — она просишь заняшься со спарушками мужа; *Блескиной* вздумалось ѣхать въ *шеапръ*—она приглашаетъ съ собой въ *ложу*... *Угарова*.—*Женщина!*...

Мужъ самъ ѣздиль въ *шеапръ* за билешомъ; самъ доложилъ ей, что уже пробило шесть часовъ; самъ проводиль ее съ *Угаровымъ* съ крыльца; посадиль ихъ въ карешу и со свѣчкою въ рукахъ раскланялся учтивѣйшимъ образомъ. — *Мужгина!*...

Когда *Уныевъ* былъ только что знакомъ съ *Лизою* и не обращалъ на нее особеннаго вниманія, *Лиза* (погда онъ ей нравилса) занималась имъ особенно — такъ сказаешь, заставляла влюбиться въ себя. *Уныевъ* дѣйствительнo въ нее влюбилса—*Лиза* не примѣчаетъ его. — *Женщина!*

Полюбивъ однажды, несчастный *Селадонъ* все еще любишь. Долго не спаль

онъ по цѣлымъ ночамъ-и со слезами на глазахъ, съ гитарою въ рукахъ, пѣлъ (для мышей) жалобно: *Надежда! ты моя богиня!* Долго ходилъ онъ съ этой надеждою въ домъ Лизы...напрасно!.. Лиза не перемѣнилась. — Уныевъ пересталъ наконецъ ходить - потому что уже не въ силахъ; лежишь теперь на постелѣ, вдыхаешь, пьешь ошъ сухопки ячменный кофе!...и любишь!—*Мужгина!* *).

Я прочель эти маленькія замѣчанія двоюродной моей сестрицѣ. “Очень хорошо!”,—сказала она мнѣ *въ глаза*... опвернулась и ѣдко улыбнулась.—*Женщина!*

“Все такъ! согласенъ съ собою!”, —сказалъ зяпъ, когда сестрица вышла изъ комнаты — “но (боязливо оглянувшись и почпи мнѣ на ухо) ... но боюсь утверждать, что это правда.”,—*Мужгина!*...

А. Р—гб.

---

*) И преблагогородной! *Изд.*

РАЗСКАЗЪ ТЕРАМЕНА О СМЕРТИ ИППО-
ЛИТА *).

Лишь полько мы прошли врапа Трезенскихъ
башень,
Онъ въ колесницѣ былъ. Вслѣдъ войны шекли,
Въ безмолвьи равномъ съ нимъ и взоръ скло-
ня къ земли.
Полнь думы, пушь онъ свой направилъ на
Микены;
Бразды вдоль конскихъ бедръ висѣли опу-
щенны,
И бурные кони, копоры до сего
Крушились, какъ вихрь, по манию его ,
Тушь выи опуска, видъ пасмурный являли,
И, мнилось, его уныню подражали —
Какъ страшный гласъ, изшедъ со дна пучи-
ны, вдругъ
Прервалъ безмолвіе, проспершее вокругъ;
И нѣкій дикій гулъ, пропьяжный и безвъ-
стный,
Завылъ изъ нѣдръ земли въ опзыгъ на го-
лось бездны,
Заспыла въ сердцѣ кровь опъ ужаса у насъ;
Вспревожились кони, ихъ грива подъялась..
Темъ временемъ хребешъ пучины, вокругъ спо-
койной,

---

*) Изъ новаго перевода Расиновой Трагедіи: Федра, кошорый вскорѣ будетъ напечатанъ.

Надулся, возшумѣлъ—и нѣкій холмъ огром-
ной—
Валь грозный налетѣвъ и раздробясь о брегъ,
Изъ пѣнныхъ нѣдръ предъ насъ чудовище
извергъ,
Чело широкое съ ужасными рогами!
Сверкаетъ мѣдными все шло чешуями!
Подводный дивій воль, иль яроспный дра-
конъ,
Ревешъ, крушитъ хребтомъ и вьещя въ
кольца онъ,
Отъ рева звѣрскаго приморье содрогало—
И небо на него со претепомъ взидало;
Земля спонала вокругъ, смрадъ воздухъ на-
полнялъ;
Извергшій валь его ведяшъ съ ужасомъ бѣ-
жалъ.
Разпоргся воевъ рядъ, и въ бой вступишъ
не смѣя,
Бѣгущъ всѣ въ ближній храмъ, отъ страха
цѣпенѣя,
Одинъ лицъ Ипполишъ, лицъ сыяъ достои-
ный швой,
Спянувъ рукой бразды, беретъ копые другой,
Разишъ безтрепешно: и спаль копыя и древо
Уходяшъ глубоко чудовищу во чрево.
Отъ боли, яроспень, рванулся люшый змѣй,
Прянулъ—и на песокъ просперся предъ коней,
И разшворя, какъ пещь, предъ ними зѣвъ
широкій,

Льешъ кровь на нихъ и дымъ и пламени
пошоки.

Ихъ ужасъ обуяль, и онимъ оглушась,
Всхрапѣли, бросились—и шщепно, шщепно
глась

Возница истощаль и еилы напряженны:
Лишь съ удиль ихъ лешяшъ багровой брыз-
ги пѣны!

Тогда же, въ мглѣ носясь, богъ нѣкій съ вы-
сопы,

Гласяшъ, разиль жезломъ ихъ пыльные хребшы,
По камнямъ, по буграмъ, какъ вихрь, не-
суть ошъ страха!

Ось, хряснувъ, преснула — и, съ сильного
размаха,

Дробипся, зазвѣнѣвъ, вся колесница въ прахъ;
Самъ сынъ швой падаешъ, запушавшись въ
браздахъ...

О горешъ вѣчная! часъ грозный и плачевной!
Проси слезамъ ты симъ, шоскъ моей ду-
шевной:

Я видѣль, Государь, я видѣль какъ влачимъ
Былъ Ипполитъ коньми, взлелѣянными имъ.
Онъ звашъ ихъ: пуце шемъ лишь звѣршво
въ нихъ кипѣло:

Мчашъ—въ язву вдругъ одну слилось его все
шѣло

Нашъ вопль опчаянный окрешность возму-
шилъ.

Кончаюшъ бѣгъ кони, лишась послѣднихъ силъ;

Остановляюся близъ сихъ гробницъ свя-
 щенныхъ,
 Гдѣ плѣешь прахъ Царей, ошцевъ его поч-
 шенныхъ.
 Спѣшу къ нему; за мной вся спража — и
 мы шли
 По слѣду крови, гдѣ кони его несли.
 Весь путь дымился ей; перить, съ спраш-
 ными иглами,
 Багрѣль, повишь его кровавыми власами.
 Пришелъ, зову его; и онъ, мнѣ длань простряя,
 И взоръ сквозь смершну мглу насилу опворя—
 “Невинно жизнь мою опъемлеть рокъ ужа-
 сной;
 “О другъ мой, не оставь Арисии несчастной!
 “Мой другъ — вѣщаль — когда обманъ свой
 наконецъ
 “Познавши, обо мнѣ восплачешь мой опецъ,
 “Скажи, да шѣнь мою спокоишь за могилой,
 “Да будешь благосшенъ онъ къ плѣяницѣ
 унылой;
 “Да возврашишь ей . . . , Съ симъ преспавъ
 навѣкъ дышашъ,
 Лишь безобразный шрупъ опсавиль мнѣ
 держашъ,
 Кошорый—спрашный видъ! о Небо, грозный
 мстишель!
 Кошорый днесъ познашь не могъ бы самъ
 родишель.

О.

СЛАВЯНСКАЯ ЭКЛОГА.

Разговоръ Славянскихъ Пастуховъ.

Театръ представляетъ приятно мѣстоположеніе: луго, окруженный кустарниками, рощицами, и проч.

Явленіе 1.

Два Пастуха.

Старшій.

Что сдѣлалось, паспухъ нашъ молодой!
Ты больше пѣсень намъ высокихъ не играешь?

Все одинокъ—друзей и спода убѣгаешь!...

Вчера насъ Тихомірѣ, нашъ праопецъ
сѣдой,

Созвалъ на радость въ хороводы....

Въ спокойныя, какъ онъ, Дѣвира свяпаго
воды

Глядѣлись, съ алою зарею, небеса...

Онъ сладко пѣлъ боговъ незримыхъ чудеса

И шайны дивныя споль щедрой къ намъ
Природы.—

А шамъ до поздней темноты,

Какъ дѣши, мы рѣзвидись и плясали..

Но гдѣ же былъ, позарищъ, ты?

А мы себя, съ швоей свирѣлью, шакъ же-
лали. . .

Такъ мудрый *Тихомиръ* еще вчера намъ пѣлъ,
Товарищъ! не грусти—и я шерпѣлъ!

И я, какъ ты, пилъ грусть изъ той
же чаши;

Теперь съ *Любовою* мнѣ жизнь зазывный пирь!

Намъ все (смотря на слезы наши)

У *Лады* вымолилъ смиренный *Тихомиръ*;

Но вопъ и онъ! . . въ очахъ святое вдох-
новенье!

Онъ вѣрно предузналъ сюда боговъ явленье.

Такъ, *Ладу* жертвеннымъ встрѣчаетъ онъ
огнемъ;

Но вопъ и паспыри . . товарищъ къ нимъ
пойдемъ.

(*уходятъ.*)

Явленіе 2.

Старецъ Тихомиръ ведетъ за собою нѣ-
сколько престарѣлыхъ пастырей и мо-
лодыхъ пастуховъ и пастушекъ, и зна-
ками даетъ чувствовать, что скоро по-
явится богиня.

Тихомиръ.

Я слышу вѣянье небесъ!

Свѣплѣй *Днѣпра* сѣдаго воды!

Раскрылись шайныя сокровища *Природы*:

Благоухаютъ 'доль и лѣсъ!

(сб сильными движеніемъ, смотря на небо.)

Я зрю: воздушные опверзлись грады!

Онъ близокъ, близокъ часъ явленья дивной

Лады!

(Между тѣмъ на воздухѣ пролетаютъ
одинъ за другимъ Лели.)

Тихомірѣ (къ Пастухамъ).

Скорѣе, Пастыри! въ согласный хоръ!
Съ молитвой жершву воскурише!
Ужь видишь дивный блескъ мой восхищен-
ный взоръ;
Воспойте пѣснь любви и Ладѣ восхвалише!..

Хоры:

1 Хорѣ (на землѣ),

Хвала тебѣ, богиня Лада!
Душа Природы, жизнь души!
Возришь — и все цѣлуетъ отъ
взгляда!
Сойдешь — и бѣдны шалаши
Намъ спагуютъ позлащенны дома!..
Гдѣ ты — молчатъ Перуна грома!
Твой слѣдъ — румяная заря!
Когда заглянешь ты въ моря —
Смирятся бурныя мучины
И грозны чуда предъ тобой!..
Ты укрощаешь льва въ пустынь
И всѣхъ ты радуешь собой...
Хвала тебѣ, богиня Лада!
Душа Природы, жизнь души! и проч.

2 Хоръ (незримый въ воздухъ.)

Хвала тебѣ, богиня Лада!
 Душа, согласіе міровъ!
 Ты смертныхъ и боговъ услада!
 Ты—чисшая любовь!

3 Хоръ общій. (голоса свыше сливаются
 съ нижними голосами.)

Хвала тебѣ; богиня Лада!
 Душа Природы, жизнь души! и прот.

За симъ Лада въбъзжаетъ на великолѣпной
 воздушной колесницѣ...Дѣйствіе окантивается
 общею пантомимой, прилито предмету.

В. Глинка.

~~~~~

ПИСЬМО КЪ ИЗДАТЕЛЮ ИЗЪ ТУЛЫ.

Препровождаю присемъ къ вамъ въ по-
 дарокъ для новаго года прекрасные стихи
 почтеннѣйшаго Директора нашихъ учебныхъ
 заведеній Г. *Нетаева*. Сей ревностный лю-
 битель наукъ и просвѣщенія, кромѣ другихъ
 училищъ по Губерніи, открылъ здѣсь Лан-
 касперскую школу для 125 дѣшей, два му-
 жескихъ и два женскихъ пансіона, въ коихъ
 воспитывается до 120 дѣшей обоого пола.
 На бывшихъ въ сихъ пансіонахъ публичныхъ

экзаменахъ, Преосвященный *Дамаскинъ*, Епископъ Тульскій, самъ испыывалъ дѣшей въ Законѣ Божіемъ, и къ успѣшенію родителей и многочисленныхъ посѣпителей, опшвыпы были весьма удовлетворительны. Нельзя не опдашь должной справедливости содержательямъ пенсіоновъ: *Г. Бехагелю* и *Гжамъ: Шрейеръ* и *Маркъ дю Граво*, которые несмотря на близость Москвы, куда обыкновенно прежде сего родители опвозили дѣшей, заслужили здѣсь общую довѣренность и благодарность за то, что они, при дѣшяхъ платящихъ за пенсіонъ, содержатъ на своемъ иждивеніи нѣсколько бѣдныхъ сиротъ. Сверхъ того усердіемъ своимъ и способностями побѣдили они многія неудобства, общія частнымъ учебнымъ заведеніямъ. Главнѣйшее изъ сихъ неудобствъ есть то, что дѣши различныхъ познаній и понышій обучающа въ пенсіонахъ весьма короткое время, такъ что не возможно окончить съ ними полный курсъ и не возможно сохранить нужный порядокъ въ способѣ преподаванія наукъ. Незирая на сіи и многія другія препятствія, съ удовольствіемъ замѣшилъ я весьма хорошіе успѣхи воспитанниковъ и воспитанницъ, предпочтительно въ Законѣ Божіемъ, Россійской и Французской Словесности.

По окончавіи экзамена въ Пенсіонѣ Гжи

Маркб дю Граво, Директоръ, въ приличной крапкой рѣчи, изъявилъ дѣвицамъ благодарность за успѣхи и наградивъ каждую книгою Новаго Завѣша, подалъ одной изъ нихъ запечатанный пакетъ. Удивленіе и радость, вмѣшпѣ съ приятнымъ замѣшашельспвомъ, ясно изображались на милыхъ лицахъ юныхъ пишомицъ; онѣ вспали, окружили своего главнаго наспавника — однѣ спѣшили свидѣшельспвовашъ ему чиспосердечную свою признашельность; другія подносили дары, сосполщія изъ рукодѣлій и рисунковъ. Невинныя ихъ ласки и прелестное зрѣлище чувспшительности, восторга и дѣшскаго нетерпѣнія непорочныхъ сердець возбудили общее любопышспво. Наконецъ распечатали пакетъ и нашли въ ономъ *Дружескій Совѣтъ*, у сего прилагаемый.

Имѣю чеспъ быпѣ, и проч.

в Гевп. 1823.

В. Броневскій.

ДРУЖЕСКІЙ СОВѢТЪ.

Опѣ спрѣлъ порока ядовишыхъ
Укрышья любей щипомъ,
Какъ вѣчноюныя Харипы,
Вы здѣсь милѣе съ каждымъ днемъ
Цвѣшете скромности любезной
Неувядаемой красой,

Отдавъ все сердце дружбѣ нѣжной
И благодарности святой.

*

Завиденъ вашъ удѣлъ спокойной,
Прелестны юности мечты,
Пока спрассей дыханье знойно
Щадишь еще ея цвѣты!
Но придетъ время испытанья:
Все приметъ видъ иной для васъ—
И грусть замѣнишь упованья,
Обманешь счастье не разъ.

*

Никто, никто не избѣгаетъ
Спраданій шруднаго пупи;
Но тайной силой обладаетъ
По пернамъ бодрственно идти,
Кто дышетъ вѣрой въ Провидѣнье,
Ошъ пашемъ совѣсть сохранилъ,
Ушѣхой чшилъ благошворенье,
Любовію врагамъ опмшилъ.

*

И вы когда навѣкъ проспитесь
Съ зарею мирной бышя,
Глаголомъ сердца убѣдитесь,
Что въ насъ живущій судія
Одинъ всѣхъ благъ и золь содѣшель...
Твердитежь часпо сей урокъ:
Все наше счастье—добродѣшель,
Все наше бѣдствіе—порокъ.

Тула, 14 Дек. 1822.

С. Негаевъ.

Визитные билеты.

“Я у васъ былъ; но не засталъ васъ дома,, сказалъ мнѣ въ новый годъ встрѣтившійся со мною прияшель; другой повспорилъ поже и шрепій поже.—“Получили ли вы мой билетъ?,, спросилъ четвертый. —Можешъ быть, слуга мой, отвѣчалъ я ему: но скажи пожалуй: къ чему эша пустая церемонія? Ты навѣрно зналъ, что никого не застанешь дома?—“Чтожь дѣлать? Нарушеніе приняшаго въ обществѣ обычая почтунуть за невѣжливость, и никто мнѣ этого не проститъ.,,

Въ самомъ дѣлѣ у насъ въ провинціи, Боже сохрани! не отвезешь въ праздникъ визитнаго билета кому либо изъ знакомыхъ. Въмѣсто того, что бы похристіански помолиться, ошслушать обѣдню, и мирно и покойно провешъ праздникъ въ кругу своего сѣмейства — дамы и кавалеры, съ упра до двухъ часовъ пополудни, скачутъ, снуютъ изъ улицы въ улицу, встрѣчаясь кланяющся другъ другу, и развезши билеты роднымъ и знакомымъ, возвращающся домой съ простудою, кашлемъ, досадою и скукою.

Простудившись и отморозивши носъ и щеку, вспомнилъ я какъ покойно исполняешся сей обрядъ въ Лондонѣ. Написавъ реэспрѣ знакомымъ, вручающъ оный съ нужнымъ чи-

сломя билешовъ челоуѣку, кошорый съ од-
нимъ, или двумя шилингами въ карманѣ,
ошправляешя въ шракпирь, въ срединѣ го-
рода находящійся. Туляъ лакеи размѣнивають
билешы, поговоряшъ, выпьюшъ, закусяшъ и
пошчасъ, безъ дальнихъ хлопощъ, возвра-
щающяся домой съ пакепомъ билешовъ зна-
комыхъ и друзей своего господина. Совѣшу-
ють *выбирать избъ золъ самое меньшее*. Если
Лондонское обыкновение: размѣнивать чрезъ
слугъ билешы, само по себѣ ничпожно, и
не доказываешъ ни искренней приязни, ни
исшиннаго уваженія: шо, по крайней мѣрѣ,
оно, въ нашемъ суровомъ климашѣ, въ Кре-
щенскіе морозы, было бы самое приличное.
Послѣдуя оному, избѣгли бы мы многихъ не-
приятностей и сохранили бы свои носы,
уши и щеки ошъ поврежденія.

Тула.

В. Б.

~~~~~

САТИРИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА. *)

Потери.

1.

Дѣвица *Кокетина* симъ объявляешъ, что
ѣхавши въ прошедшій понедѣльникъ съ ма-

---

*) Въ слѣдующихъ нумерахъ *Сатирическая Газета*
будешъ несравненно полнѣе. Издашель имѣешъ шеперъ
у себя во многихъ мѣснахъ весьма исправныхъ кор-
респонденшовъ.

менькою своею на балъ, потеряла она бисерный съ бронзовымъ замкомъ ридикюль, въ которомъ, между прочимъ, лежалъ миніашюрный поршрешъ драгунскаго Офицера съ рыжими, спрашными усами. Поршрешъ сей оправленъ въ золошъ и на задней дощечкѣ вырѣзаны слѣдующія слова: à ma bien aimée С. Равнымъ образомъ не находишь она у себя еще двухъ миніашюрныхъ поршрешовъ: 1) молодаго человѣка, держащаго въ рукахъ нопы — съ надписью: à ma chère С. и 2) Гвардейскаго Подпрапорщика съ надписью: *кого люблю, того дарю*. Нашедшаго означеннаго вѣнца дѣвица Кокешина покорнѣйше проситъ доставить въ ближайшей сѣзжій домъ, за что дано будетъ приличное награжденіе.

2.

Новобрачный, выпущенный въ прошедшемъ году за неспособность къ наукамъ изъ . . . . го корпуса объявляетъ, что ѣхавши отъ вѣнца, молодая супруга его потеряла четыре зуба изъ лучшей слоновой кости. Нашедшій благоволитъ о томъ публиковать.

Приглашенія.

1.

Попребенъ мужчина съ крѣпкою грудью, для чпенія вмѣсто меня по вечерамъ чув-

спвишельной моей пепушкѣ романовъ, въ копорыхъ главныя роли играють волшебницы, мершвецы и привидѣнія. Желаящій благоволишь объявишь о помѣ въ книжномъ магазинѣ В. А. Плавильщикова.

Опставный Прапорщикъ Слабосилинѣ.

2.

Попребель женихъ изъ *служащихъ*; а о чинѣ, лѣсахъ и достаткѣ не спрашивается. За невѣсшою даеся чиспыми деньгами 100 пысячь рублей; деревянный домъ со всѣми принадлежноспями, съ мебелью и прочими необходимыми для общежитія вещами, экипажъ, и п. п. Расходы по случаю свадьбы также принимаются на ея счешъ.—Желаящіе благоволящъ адрессовашься *заблаговременно*, ибо въ исходѣ будущаго Марша мѣсяца условія *перемѣнятся*.

Дѣвица Увядшина.

3.

Имѣю нужду въ Орапорѣ, копорый бы убѣдилъ мою креспницу, что не знашь ничего кромѣ мазурки-непроспшельно; на каждый балъ прапшишь по золошнику румянъ-непроспшельно; а жеманишь и вздыхашь передъ всякимъ военнымъ Офицеромъ — во што разъ еще непроспшельнѣе.

Маіоръ Пряликовѣ.

Предложеніе услугъ.

1.

Приѣхавшій недавно изъ Парижа Коноваль, нынѣ домашній Докпоръ у Графини Жмуркиной, желаетъ распространить новую свою пракшику. Спросишь о немъ на конной площади.

2.

Желающіе женишься, развеспись, помиришься, или поссорись, благоволять адресоваться къ Феклѣ Марковнѣ Сплетниной. Узнать о ней можно на полкучемъ рынкѣ и во всѣхъ торговыхъ баняхъ.

P.

~~~~~

О братскихъ (Гернеутерскихъ) обществахъ въ Лифляндіи *).

По Высочайшему повелѣнію, предписано въ Лифляндіи Пасторамъ, въ концѣ Января 1817 года, показатъ число ихъ прихожанъ, состоящихъ въ связи съ братскими обществами. Сей предметъ представлялъ затрудненіе, частію пошому, что изъ нѣкоторыхъ приходоу только немногіе посѣщаютъ со-

---

*) *Ostsee-Provinzen-Blatt*. N° 1. 1823.

сѣдніе молишвенные дома; частію подлежить опличать настоящихъ членовъ общества (Diaspora), отъ нѣхъ, которые случайно присутствуютъ при молишвенныхъ собраніяхъ, и потому въ самомъ дѣлѣ никакъ не могутъ быть исчислены. Ипакъ естественно, что проповѣдники, при составленіи своихъ донесеній, поступали различно. Нѣкоторые предоспаляли показывать число самими смотрителямъ, кои безъ сомнѣнія считали однихъ настоящихъ соучастниковъ. Другіе и сихъ означали по произволу, что и всѣмъ надлежало дѣлать при исчисленіи посѣщителей. По сему изъ всего можетъ быть составлено только примѣрное обозрѣніе. Въ слѣдствіе онаго, изъ числа 99 сельскихъ приходовъ Провинціи, въ 30 приходдахъ не находилось ни собраній, ни участниковъ; въ 16 только весьма незначительное число. Большая ихъ часть состояла въ Верройскомъ уѣздѣ, именно болѣе 9000; потомъ въ Вольмарскомъ: около 4000; въ Валькскомъ и Дершскомъ, почти по равному числу, болѣе 3000. Общее число показанныхъ простиралось до 24,000 душъ. О числѣ молишвенныхъ домовъ не освѣдомлялись; нѣкоторые проповѣдники сами означили оныя; два прихода, конечно большіе и многочисленныя, имѣли, одинъ 8, а другой 10 оныхъ. Въ продолженіе сихъ 5 лѣтъ, какъ молиш-

венные дома, такъ и члены общества удивительно умножились; особенно въ Феллинскомъ и Перновскомъ уѣздахъ. Въ мѣстахъ, гдѣ прежде не было ни одного, считающаго ихъ нынѣ сонни. Было бы любопытно; узнать подробнѣе о семъ новомъ приращеніи болѣе, нежели въ одномъ отношеніи.

(Сообщено оффициально.)

Пав. Яковлевъ.

~~~~~

ПАША И ДЕРВИШЪ.

Сказка.

(посв. С. Д. П — ой.

Не помню гдѣ: въ Кафѣ, иль въ Таган-
рокъ,
Опъ Турки слышалъ я, что гдѣ-то на Во-
сшокѣ
Одинъ Паша имѣлъ пречудный нравъ.
Однажды, Дервиша призвавъ,
Славнѣйшаго между своей собратыю
По честности и по уму,
“Послушай, онъ сказалъ ему:
Честный ошецъ! вошь ящикъ за печашью;
Въ немъ перлы дорогой цѣны,
Алмазы, яхонты и прочіе каменья:

Они мной суждены
 Тому для награжденья,
 Кого признаешь ты изъ всѣхъ живыхъ людей
 Глупѣй;

Возьми же ларчикъ ты, не пожалѣй спаранья:
 Ищи и обрѣдешь. Ну съ Богомъ, до свиданья!,
 Взявъ ящичекъ, пустился Дервишъ въ
 пушь.
 Зачемъ? Искать глупцовъ? Какая безразсуд-
 ность!

Ихъ тысячи, гдѣ ни взглянуть.—
 Не въ шомъ, друзья мои, но въ выборѣ вся
 трудность.

И съ этой мыслию мудрецъ
 Идешь изъ края въ край, изъ городовъ въ
 селенья:

Вездѣ что шагъ, то и глупецъ;
 У каждаго въ правахъ на ларчикъ нѣтъ со-
 мнѣнья;

Среди недоумѣнья
 Сто разъ гошовъ онъ былъ уже ошдашь ла-
 рець,

И ошдалъ бы—но чемъ-то вѣчно
 Удерживаемъ былъ...предчувствіемъ конечно.
 Такъ день за днемъ и годъ за годомъ—на-
 конецъ

Скипашься спраннику по свѣшу надошло,

А надо кончить дѣло.

Вошь какъ-то привела судьба въ Спамбуль
 его.

Все въ радости, вездѣ поржесшвенные клики,
 “Что это?; онъ спросилъ у Кади одного.

—Такъ, ничего! —

“Какъ ничего?;—Визирь великій

Къ Пророку съ фирманомъ вчерашню ночь
 шайкомъ

Отправленъ ... знаешь самъ ... ну, шелковымъ
 снуркомъ. →

“О Магомешъ! Какая жалость!;,”

— Шалость!

Къ дѣламъ такимъ привыкъ нашъ право-
 вѣрный родъ;

И это здѣсь такая малость,

Которою Султанъ насъ шѣшишь каждый
 годъ. —

“Ты шушишь?;,—Право, вѣшь! — “Какой же
 безполковой

Захочешъ въ Визири? Не уже ли ешь новой?;,”

—А какъ же? Вошь смопри, съ какимъ онъ
 поржесшвомъ

Къ намъ приближается.—Дервишь къ нему
 бѣгомъ.

Насилу сквозь шолпу пробился,

Взглянулъ—и изумился.

Кого увидѣлъ онъ? васъ угадашь прошу. —

Пашу!

“А здравствуй, къ Дервишу онъ пошчасъ
 обратился:

И ты здѣсь очутился?

А ящикъ?;,—У меня. Всю Азію прошелъ,

Глупцовъ премножество нашель;
 Но выбрашь все не могъ. Теперь мой путь
 кончаю:
 Благоволи приняшь—шебѣ его вручаю.

*

Когда мой Дервишъ вамъ понравиться
 умѣль,
 То эпошь для него завиднѣе удѣль,
 Чемъ славой вознесишь надъ всѣми Дерви-
 шами,
 Чемъ бышь опличену всей Азіи Пашами.
 О если бы ему искашь велѣли шой,
 Чшо въ свѣшѣ всѣхъ милѣй умомъ и кра-
 сопой —
 Догадливый мудрецъ погдабъ не затруднился,
 И къ вамъ бы мимо всѣхъ съ сокровищемъ
 явился.

Изъ Флоріана.—А. Иллитевскій.

~~~~~

Замѣтаніе на отзывѣ Критика.

Въ *Полярной Звѣздѣ* (карманной книжкѣ книжкѣ для Любительницъ и Любителей Русской Словесности на 1823 годъ) въ спашѣ: *Взглядъ на Старую и Новую Словесность въ Россіи*, между прочимъ Г. Беспужевъ сказаъ и о мнѣ: “Б. Федоровъ писалъ много для сцены, но мало по вкусу Публики.,—Хо-

ти Публика ешь лице неопредѣленное, кошораго приговоръ не всегда бываетъ одинаковъ, и кошораго суду нельзя всегда слѣпо довѣрять; однакожь приговоръ ея для меня совсемъ не былъ таковъ, какъ Г. Кришикъ *воображаетъ*. Мною ошданы на сцену только двѣ пѣсы, именно: *Наказанная Ханжа* и *Сулатоха въ Маскарадѣ*, да еще Иншпермедія: *Деревня на берегахъ Волги*. Ишакъ не думаю, чшобъ я много писалъ для сцены *). Но объ сіи пѣсы имѣли лешный успѣхъ, кошорымъ я конечно болѣ обязанъ снлсхожденію Публики: она два раза ободряла автора вызовомъ; въ Москвѣ же *Сулатоха въ Маскарадѣ* представлена пятнадцать разъ почти сряду въ печеніи мѣсяца и даже два раза въ одинъ день (смотримъ *Московскія Вѣдомости* 1819 года). Г. Кришикъ, если угодно ему, можетъ приписать такой успѣхъ заговору райка и темъ опыграться по обыкновенію *нѣкоторыхъ* реценсеншовъ. Авторъ *Сулатохи въ Маскарадѣ* не беспокоишся потерять чшо нибудь въ мнѣніи Публики опъ

---

*) Въ числѣ драматическихъ писателей ешь однофамилецъ мой В. М. Оедоровъ, Авторъ *Русскаго Солдата*, *П. Б. Прѣдѣлхиной*, *Лизы*, *Правда глаза колетъ*, *Не бываетъ фатъ*, и многихъ другихъ пѣсѣ. Талантъ его извѣстенъ и я не думаю, чшобъ можно было опнешни къ нему опзывъ Г. Вестужева.

нѣсколькихъ насмѣщецъ, хопя бы и сказан-
ныхъ съ остроуміемъ. Я жалѣю, если не-
смотря на блески, роскошно набросанныя Г.
Бесшужевымъ на листахъ крипическаго обо-
зрѣнія *старой и новой Русской Словесности*,
Публика споль же мало увидитъ основа-
тельности въ отчетѣ его о другихъ Писа-
теляхъ, сколько въ отзывѣ о мнѣ, гдѣ *въ*
трехъ строкахъ двѣ неспраедливости, пока-
зывающія, что онъ не всегда то *знаетъ*, о
чемъ *судитъ* и *печатаетъ*.

Б. Федоровъ.

Дѣйствительный Членъ Общества:
любителей Словесности, Наукъ и
Художества, С. П. бургскаго люби-
телей Россійской Словесности и
Казанскаго любителей опечесшвен-
ной Словесности.

~~~~~

БЛАГОНАМЪРЕННЫЙ.

1823. № III.

НѢЧТО ОБЪ УМѢ, СОВѢСТИ И ЧУВСТВИ-
ТЕЛЬНОСТИ.

Жизнь человѣка есть расчетъ, ска-
заль Дюкло. Истина неприятная, но
очевидная. — Предметъ расчетовъ вы-
годы; слѣдовательно жизнь человѣка есть
спремленіе къ выгодамъ. Не извѣстно,
это ли должно быть цѣлюю человѣка на
землѣ; но судя по общему, пламенному
желанію всѣхъ людей, примѣчая какъ
всѣ спраси добрыя и злыя, дѣянія, по-
супки, мысли ихъ наклонены къ сей
цѣли, можно видѣть, что выгоды суть
главнѣйшая пружина дѣятельности че-
ловѣка. — Неопредѣленность понятія о
выгодахъ, или лучше, незнанія въ чемъ
онѣ состоятъ, произвело понятіе о сча-

---

*) Чисано въ Обществѣ любительей Сло-
весности, Наукъ и Художествъ 25 Января.

спіи, копорымъ думали что нибудь опредѣлишь, но копорое шакже ничего не означаешъ. Опредѣлите выгоды—поняшіе о счаспіи само собою будешъ ясно.—Александръ разоряешъ Азію, Діогенъ живешъ въ бочкѣ, Сезосприсъ зиждешъ, Эроспрашъ разрушаешъ: одно ли было у нихъ поняшіе о выгодахъ? — Говоряшъ, что счаспіе естъ *возможное лучшее*; но что шакое *лучшее*? Согласились ли люди въ положипельномъ, что *добро*?—Спраши, заставляющія дѣйствовашъ человѣка, каждая имѣешъ свои выгоды: для одного счаспіе—удовольствіе настоящей минушы; для другаго—мечтапельное безсмертіе его имени; одинъ хочешъ жипъ въ жизни, другой въ памяши попомшва; эшошъ почишаешъ выгодою—собспвенное самодовольствіе, шошъ—мнѣніе другихъ объ немъ: естъ ли сходство въ поняшіяхъ? — Эша неопредѣленность, эшо спремленіе къ чему-шо неизвѣспному, но возможному, собрало людей въ общешво, раскрыло въ человѣкѣ способности, научило его и поддерживаешъ жизнь общешвенную; возбуждая желанія, зашавляешъ изыски-

вашь средства для удовлетворенія себя; это ведетъ къ опышу, опышь раскрываетъ умъ.—Тамъ, гдѣ инстинктомъ сама природа опредѣлила цѣль, находятся и извѣсныя средства и постоянное стремленіе, и соразмѣрный умъ; шупъ опыта бышь не можешъ. Но человекъ, въ кошоромъ воля не ограничивается чемъ нибудь опредѣленнымъ, дѣйствуетъ свободно, и будучи, такъ сказать, фокусомъ, въ кошоромъ природа соединила всѣ идеальныя способности, находящіяся часно въ различныхъ живопныхъ — человекъ имѣетъ умъ несравненно обширнѣйшій и дѣятельнѣйшій, нежели всѣ онѣ вмѣстѣ.—Многіе, смѣшивая дѣйствія ума и разума, и опышность его, съ его началами, утверждаютъ, что умъ есть поздняя способность въ человекѣ; но принимая слово *умъ* въ томъ смыслѣ, въ какомъ употребляется корень его на Русскомъ языкѣ: *умѣть*, должно думать, что умъ открывается прежде всѣхъ способностей душевныхъ. — Не разбирая, какое мѣсто занимаетъ онъ въ ихъ системѣ, что принадлежитъ до Психологіи, и не занимаясь его формами,

предметомъ Логикѣ, разсмотримъ мы только дѣйствія его касательно нравственности.—

Умъ находится въ каждомъ человѣкѣ; но въ однихъ дѣйствуетъ постоянно, вѣрно, что зависитъ болѣе, или мене отъ прочихъ способностей души; въ другихъ какъ бы временно, и при извѣстныхъ условіяхъ; но шамъ и здѣсь, какъ магнитъ къ Сѣверу, такъ умъ обращенъ всегда къ выгодамъ. Въ разныхъ людяхъ, въ разные времена возраста, съ каждымъ характеромъ, является онъ въ новомъ видѣ, въ новомъ свѣтѣ, и дѣйствія часто противоположныя, но имѣющія предметомъ выгоду, имѣющъ начало свое въ умѣ. Это хамелеонъ для достиженія своей цѣли. Выгодно быть набожнымъ, но мы, и не имѣя Бога въ сердцѣ, молимся Ему; нужно быть добродѣтельнымъ, но мы дѣлаемъ добро и не чувствуя того удовольствія, которое происходитъ отъ добродѣтели; выгоденъ патриотизмъ — и мы громче всѣхъ кричимъ о любви къ отечеству, о народной гордости, о безопасности, о пожертвованіяхъ. Общественства

перемѣняются, выгоды не будешь казаться, принуждаешь себя, и средства ума перемѣняются: набожный—по виду, а не въ душѣ—опъ Бога обратится къ людямъ, и если выгоды будешь возжечь еиміамъ какому нибудь земному кумиру, то мы и не подумаемъ о томъ, что это принадлежитъ одному только Богу. Добродѣтельный по уму — не далеко отъ эгоизма: у него добро по расчету. Папіріонъ по выгодамъ, при малѣйшей перемѣнѣ обстоятельствъ, дѣлается космополитомъ и повторяетъ: «тамъ опечесиво, гдѣ жить хорошо!», Мысль Цицерона, что мудрый долженъ всегда усматривать времени, обстоятельство, доказываетъ, что Цицеронъ имѣлъ только умъ. Катонъ собственнымъ примѣромъ убѣдилъ насъ въ прошивномъ: ибо не умы принимающъ направление отъ обстоятельствъ, но обстоятельства рождаются отъ расположенія умовъ. Если бы всѣ Римляне мыслили, какъ Катонъ, то Республика устояла бы; но умъ ихъ, тогда слабый, находилъ выгоды мыслилъ по правилу Цицерона—и Римъ погибъ.—Раздѣле-

ніе ума на теоретической и практической показывается, что люди привыкли уже видѣть несообразность мыслей человека съ его поступками, т. е. теоретическій показываетъ, какъ мы должны *мыслить*, а практической, какъ *поступать* — или другими словами: одно думай, говори; другое дѣлай, хотя бы это совершенно противорѣчило одно другому. Нужды нѣтъ, если ты *думаешь* низко, и подло; *кажись* благороднымъ, добродѣтельнымъ. У насъ нѣтъ шестого чувства для понятія скрытыхъ мыслей. Кажись Тисомъ, говоришь умъ, а будь Гарпагономъ. Что хотяшь подѣшимъ разумѣшь, когда о комъ нибудь говоряшь: *этотъ человекъ умёнъ, онъ умѣетъ жить*, если не то, что онъ хорошъ только для себя, довольно если сносенъ для другихъ. Его дѣйствія разсчитаны, слова взвѣщены, взгляды, движенія, голосъ все опредѣлено — только, кажешься, сердце не на мѣстѣ. — Умъ начерталъ законы въ обществѣ гражданскомъ, предписалъ правила благопристойности, произвелъ добродѣтели политическія.

Провидѣніе, которое сдѣлало бы несчастными *людей*, одаривъ *человѣка* только умомъ, даровало ему еще совѣсть. Цѣнишель нашихъ поступковъ, судія непреклонный нашихъ дѣйствій, законъ для нашей нравственности, награда наша и казнь, совѣсть - есть та высочайшая, божественная способность, которая даетъ намъ право думать, что *человѣкъ* есть искра свѣта вѣчнаго, отраженіе Высочайшей Мудрости и Истины. — Видимъ во многихъ изъ животныхъ разныя способности совершеннѣе, нежели у *человѣка*, находимъ признаки ума, примѣчаемъ даже нѣкопорую степень разумѣнія, но совѣсти нигдѣ. Одно только существо нравственное можешь имѣть познаніе о добрѣ и злѣ, и одна только способность въ насъ можешь ихъ различить — совѣсть. Она столько же свойственна дикому, какъ и просвѣщенному: кто сказалъ какъ шому, такъ и другому, что это справедливо, позволишельно, а это нѣтъ? Кто пробуждаетъ въ насъ любовь и благоговѣніе къ Существому невѣдомому, непостижимому, и оживляетъ чувства

сіи въ нашемъ сердцѣ? Кто заставляешь насъ любить наше опечесиво, исполняясь обязанности, любить ближнихъ, напоминая намъ, что мы всѣ братья здѣсь, всѣ не надолго?—Совѣсть, способность души повѣрять самую себя, и обуздывать своенравный буйный умъ. Она такъ живо говоритъ намъ въ пользу добродѣтели безкорыстной, даетъ уроки чистой нравственности, приглашая безъ принужденія слѣдовать онымъ, открывая въ насъ самихъ награду за добро, независящую ни отъ людей, ни отъ судьбы. — Умъ разделяетъ людей, заставляя каждого изъ насъ дѣйствовать только для себя, а выгоды людей, когда между собою согласны? — Совѣсть ихъ соединяетъ; ограничивая умъ, полагаетъ предѣлы нашимъ желаніямъ, и не отнимая у насъ дѣятельности, показываетъ, что мы не все для сего употребляемъ должны: наши выгоды могутъ быть невыгодами для нашихъ ближнихъ и что дѣйствуя съ пользою для себя, можемъ вредить другому. — Умъ самъ по себѣ вражда для людей, что наиболѣе примѣнно шамъ, гдѣ соберутся безъ совѣ-

сти умные; совѣсть примиряешь чело-
вѣка съ самимъ собою. Опъ чего спари-
ки болѣе склонны къ эгоизму? Опъ шо-
го, что въ нихъ совѣсть подчиняется
уму; время охладило ихъ сердце, а
опыты увѣрили, что въ жизни умъ по-
лезнѣе совѣсти. Опъ чего молодость
добрѣе, снисходительнѣе?—Опъ недо-
спашка ума; шупъ болѣе дѣйствуешь
сердце, а совѣсть и сердце всегда по-
чпи согласны между собою. Полипика
дѣйствуешь по уму, по расчетамъ —
и гдѣ менѣе правды, гдѣ менѣе уважаюш-
ся самыя священныя права чело-
вѣка? Совѣсть предписываетъ намъ правила
правоты, согласія, чело-
вѣколюбія — и
что пріяшнѣе, усладительнѣе, исполне-
нія сихъ обязанностей? Темиспоклъ
объявляетъ Аѳинянамъ, что онъ имѣешь
важное намѣреніе, котораго нельзя ему
сообщить всенародно; Аѳиняне избира-
ють посредникомъ Ариспида.—“Нѣтъ
ничего полезнѣе для Аѳинъ Темиспокло-
ва предпріяшя, говоришь Ариспидъ: но
нѣтъ ничего и несправедливѣе.,,—Вопъ
умъ и вопъ совѣсть! И какъ послѣдняя
дѣйствуешь болѣе въ юности, а пер-

вый въ лѣтахъ зрѣлыхъ; такъ и въ народахъ, при началѣ гражданственности, когда выгоды общественыя, въ то же время суть и выгоды каждаго въ особенностяхи.— болѣе дѣйствующъ совѣсть, и слѣдовательно болѣе бываетъ истинно великихъ людей: ибо истинная великость не заключается въ великомъ умѣ, но въ честности и справедливости, качествахъ совѣсти; исключенія могутъ быть и тамъ и здѣсь; но какое различіе между вѣкомъ Фабриція и вѣкомъ Ювенала! — Религія образуешь совѣсть, Философія умъ, и сколь первая превосходитъ послѣднюю, столько совѣсть выше ума.—Излишество ума въ народѣ можетъ быть вредно для государства; излишество совѣсти — никогда. — Хорошо имѣть великій умъ; спокойнѣе, при ограниченномъ умѣ, имѣть больше совѣсти. Но соединеніе сихъ двухъ качествъ въ одномъ человѣкѣ есть рѣдкое произведеніе природы, даръ Неба и честь народа.

Не знаю, кто первый сказалъ, что совѣсть есть голосъ сердца; но думаю, что ничего не сказано справедливѣе:

разсматривая внимательнее действия совести, видимъ, что совесть и чувствительность всегда близки между собою. Какъ только пробуждается опъ совѣстнаго ему тона, такъ чувствительность всегда опзывается на голосъ человѣческа и возбуждается совесть. Симпатія нечто иное, какъ языкъ чувствительности. Это въ насъ одна способность, сохранившаяся можетъ быть въ первородной своей чистотѣ, действия которой не зависятъ ни опъ обстоятельствъ, ни опъ опношеній: онѣ произвольны. Мы сами себя не можемъ дать опчета, почему насъ одно трогаетъ болѣе, нежели другое. Видимъ несчастнаго, бѣднаго Негра, оппоргнутаго опъ родины, лишеннаго всѣхъ радостей жизни, осужденнаго на изнурительныя работы: сердце возмущается, невольно увлекаетъ меня и говорю: это братъ свой! Вижу человека, увлеченнаго спраспю порочною: умъ мой его осуждаетъ, совесть молчитъ, но чувствительность внятно говоритъ: имѣй снисхожденіе, имѣй состраданіе: это ближній свой, это че-

ловѣкъ! Свойство души благородной, высокой, чувствительности — источникъ всѣхъ великихъ, нравственныхъ добродѣтелей, гдѣ пребудешь самоопроверженія и пожертвованія собою. — Не она ли производитъ героевъ добра: Ласъ Казасовъ и Говардовъ? Не она ли сохраняетъ въ душѣ тихой и кропкой любовь къ человѣчеству и тогда, когда люди возмутили ея спокойствіе? Впрочемъ многіе не захотѣли бы имѣть дарованій и славы Торквашовъ, Жанъ-Жакъ, Озеровыхъ, что бы не имѣть и ихъ чувствительности — причины ихъ страданій!—

Изъ сего видно, что умъ, совѣсть и чувствительность — три способности, которыя наиболѣе дѣйствуютъ въ людяхъ. Всѣ онѣ въ совокупности находятся въ каждомъ человѣкѣ; но въ одномъ преимуществуется умъ, въ другомъ сердце. Разсматривая съ этой стороны человѣка, находимъ, что онъ одинъ и тотъ же во всѣ времена, просвѣщенный и дикарь, подъ различными правленіями, подъ вліяніемъ различныхъ законовъ. Цѣль ума одна—выгоды; поль-

ко различныя средства употребляетъ онъ, смотря по отношеніямъ и обстоятельствомъ, гдѣ и съ кѣмъ онъ живешь. Природа, религія, спраши, люди все бываетъ средствами уму для достиженія своей цѣли. Совѣсть, слѣдуя за умомъ, часто останавливаетъ его, часто ограничиваетъ, но чаще уступаетъ, или, обольщенная умомъ, молчитъ. Гдѣ была совѣсть Французовъ во время Варшавской ночи, или во время революціи?—Умъ, дѣйствуя для себя, умѣлъ вооружить и совѣсть, шамъ за Бога, здѣсь за права человѣка; а гдѣ ободряетъ совѣсть, шамъ смѣло человѣкъ готовъ учинить самыя ужаснѣйшія преступленія. Вообще чувствительность раздраетъ наше сердце: среди изступленія мы и не замѣчаемъ этого. — Возьмите Исторію мнѣній человѣка, разберете глубокомысленныя сочиненія, системы философовъ, полишиковъ, вы увидите, что все образовалось по началамъ ума, совѣсти, или чувствительности, и что различіе между оными произошло единственно отъ различія сихъ началъ. Отъ чего мало получаемъ мы нравственной

пользы опъ Исторіи? Опъ того , что не вникаемъ въ характеръ героевъ, не разбираемъ, какая изъ сихъ способностей болѣе имѣла вліянія на дѣла ихъ. Зная жизнь Бруша, Ариспида и Кодра, можемъ мы опредѣлить, какъ далеко могутъ завести челоуѣка умъ, совѣсть и чувствительность. Наблюдая же людей съ ихъ добродѣтелями и пороками, со слабостями и заблужденіями, съ врожденнымъ и привычками, со склонностями и обыкновениями, опяшь находимъ, что они дѣйствуютъ болѣе по уму; слѣдовательно по разсчетамъ, менѣе по сердцу и рѣдко по совѣсти: а опъ эшого и между ними — корысполубіе всегда, часно неблагодарность, рѣдко связи сердечныя, искреннія — и еще рѣже правда!

Москва.

В. Андроссовъ.

~~~~~

МОЙ НОВЫЙ ГОДЪ.

Зимня ночь! . . морозъ сѣдой
 На оконницахъ узоры
 Хитрой росписаль рукой;
 Лѣсь, поля, долины, горы

Бѣлой пеленой покрыль,
 И на рѣки, на спремнины
 Лѣдиспы цѣпи наложилъ.
 Зимня ночь!—и сребровидной
 Мѣсяць пихо надъ долиной
 Изъ-зададныхъ горъ взошелъ . . . .
 Спранникъ позднею порою
 Торопливою ногою
 Подъ приюпну кровлю шель . . . .
 Въ пихомъ, сладоспномъ забвеньи
 Градъ и веси погруженны—
 Спихъ и вѣпръ—и лѣсь молчишь,
 Тихо все—природа спишь!

*

Погружень въ мечпы волшебны
 Въ эпо время у окна,
 Я сидѣль въ уединеньи —
 Въ мысляхъ, въ сердцѣ—все она!
 Мой кумиръ, душа, блажейство,
 Жизни прелестъ, совершенство,
 Спраспи пламенной предметъ! . . . .
 Сердце билось—духъ спѣснило
 Чувство гореспно, уныло —
 Я смопрѣль въ шуману даль —
 Блескъ луны предъ мной мелькаль,
 И несбыточны желанья,
 И судьба грядущихъ лѣшь,
 И надежды льспивый свѣшь,
 И прелестныя мечпанья —
 Томно волновали грудь!—

Я вздохнулъ, облокопился,
 Въ сладки мысли углубился . . . . .
 Ночь, свершая мрачный путь,
 Приближалась къ половинѣ,
 Бой полунощныхъ часовъ
 Раздавался по долинѣ . . . . .
 Устарѣлый сынъ вѣковъ
 И согбенный надъ клюкою,
 Годъ прошедшій, будно тѣнь
 Шель лѣнивою ногою
 Къ безднѣ Хаоса—время
 И до прага допачился—
 Даль шагъ еще простеръ—
 И мгновенно въ безднѣ скрылся,
 Какъ минувный эфемеръ!
 Такъ—я думалъ—идушь годы,
 Такъ исчезнушь и вѣка,
 Прейдушь, скроюся народы,
 И свинцовая рука
 Истребишеля Сатурна
 Все шворенье пягошишь;
 Гдѣ празднесшвъ сегодня видъ —
 Тамъ синоишь назавтра урна!
 Кто сегодня въ облакахъ
 Мыслей дерзосшной летаешь,
 Тотъ на завтра персь и прахъ! —
 Чшожь всѣ счастья ожиданья?
 Чшожь цѣль жизни бышя?
 Чшожь величя мечшанья? —
 Чшо же есмь, что буду я? . . . —

Вошь еще годъ жизни — въ вѣчность,
 Въ океанъ какъ капля водъ,
 Погрузился въ неизвѣсность. —
 Вошь лепишь и новый годъ!
 Съ нимъ шолпы надеждъ крылашыхъ,
 Съ нимъ мечпаній рой приапныхъ. —
 Всѣ умы и всѣ сердца
 Мила гостя—пришлеца
 Съ восхищеніемъ встрѣчающъ,
 Счасья, почесшей, даровъ
 Славы и любви вѣнцовъ
 Съ новымъ годомъ ожидающъ;
 Но едва пройдетъ и день,
 Какъ обманчивая шѣнь
 Милыхъ, сладкихъ ожиданій,
 И надеждъ очарованій
 Скроецца, какъ метеоръ,
 И обманушый нашъ взоръ,
 Съ навернувшейся слезою,
 Взглянешъ разъ еще во слѣдъ
 За исчезнувшей мечпою —
 Взглянешъ—но ее ужъ нѣтъ! —
 Ахъ! пакъ мнѣль надеждой щещной,
 Льспишься, что сей новѣй годъ
 Мнѣ съ улыбкою привѣстной
 Радоспъ, счаспье принесешъ? —
 Въ годъ прошедшій—годъ спраданья
 Я бѣды лишь испыталъ —
 Спрасши гореспной шерзанья —
 Я любилъ, молчалъ, спрадалъ! —

Нынѣ новый наспушаетъ! —
 Чшожь мнѣ сердце предвѣщаетъ? —
 Жить, помиться, все сносишь —
 Вѣкъ молчашь—и вѣкъ любишь.

*

Въ мысли грусны углубленный,
 Я сидѣль, мечшаль—и вдругъ,
 Яркимъ свѣтомъ озаренный,
 Я взглянулъ—и нѣкій Духъ
 Предо мной стоить съ улыбкой.
 Быстрый взоръ его—огонь;
 Станъ возвышенный и гибкой;
 Близкой какъ снѣгъ—хитонъ —
 Ноги чуть земли коснуся —
 По плечамъ, рассыпаясь, выюся—
 Кудри золошой волной,
 И чело блистаетъ зарей.—
 Роковый сосудъ чудесный
 Въ правой онъ рукѣ держаль,
 Взоръ волшебный и прелестный
 Обращая ко мнѣ, сказалъ:
 “Ты перплѣль....—боговъ велѣнье,
 Бѣдствамъ, жалобамъ швоимъ
 Ниспослало упѣшенье
 Съ роковымъ сосудомъ симъ.
 Въ немъ всѣ жребіи земные,
 Званья, почести людей,
 Всѣ дары небесъ благіе,
 Все, что счастье жизни сей
 Между вами соспавляетъ.

Внявъ спрадашю швоему,
 Мощный Кронидъ позволяешъ
 Выбращъ жребій самому.,,

*

Хочешъ ли богатство Креза
 Въ жизни счастливой спяжашъ,
 И съ Попоза и Гангеса
 Дань сокровищъ собирашъ?
 Чшобъ всегда въ швои чершogi
 Золошо лилось рѣкой—
 Сшѣны, крыльца и пороги
 Драгоцѣнносшей красой
 Какъ опъ солнца бы сiяли
 И всѣ взоры ослѣпляли?
 Чшо бы Грации весь вѣкъ
 По цвѣшамъ тебя водили,
 Полной чашей бы поили
 Сшасшья, радосшей ушѣхъ? . . . ,

*

«Хочешъ ли шы бранной славы
 Сеѣшлые спяжапъ вѣщицы,
 Удивляпъ Царей, державы
 И вселенной всѣ концы?—
 Иль ученосшью глубокой
 Прославляемъ хочешъ бышъ,
 Чшо бы взоръ швой быспроокой
 Могъ въ незримый мiръ парипъ?
 Исчисляшъ комешъ печенье,
 Звѣзды млечнаго пуши—

Или вѣчное движенье,
Камень мудрости найши? . . . . ,,

*

«Иль наперсникомъ Фемиды
Важно хочешь засѣдать,
Распри, каверзы, обиды
Беспрестанно разбирашь?
Злобы сильныхъ не бояшься,
Бѣдныхъ защищать права,
И за деньги не спарашься
Правды искажашь слова?....—
Или Фебомъ вдохновенной,
Ипокреной напоенъ,
Хочешь лирою волшебной
Быть съ Державинимъ сравненъ.....
Или хочешь?....но довольно!—
Жребій лучший выбирай—
Вникни, разсуди спокойно—
И безъ страха опвѣчай,,

*

О судьбы благовѣспишель,
Олимпійскій свѣшлый жишель!
(Духу я въ опвѣшь сказалъ)
Всѣ дары шеои—чудесны,
Драгоцѣнны и прелесны:
Трудно лучший шуть избрать;
Но я долженъ опвѣчать,
И гошовъ на выборъ смѣлой—
Онъ меня не запруднишь.
Геній!—счастье жизни цѣлой,

Не въ богатствѣхъ соспоишь:
 Все, что такъ блещишь, прельщаетъ,
 Слава, почести—лишь сонъ!
 И пого, кто весь сіяешь,
 Ты спроси: счастливъ ли онъ?—
 Нѣтъ! коль радость въ жизни брэнной
 Провидѣнемъ намъ дана,
 То залогъ ея безцѣнной
 Есть любовь—любовь одна!
 Видѣлъ ли, небесный Геній!
 Образецъ ты красоты,
 Лиды милый взоръ волшебный
 Юно-ангельски черты?
 Голосъ, смѣхъ, осанка, чувство —
 Все въ ней прелестъ, все любовь!
 Все волшебной дышешь силой,
 Все влечешь . . . . но гдѣ взяшь словъ
 Опишешь предметъ сей милой?
 Кто мнѣ дастъ языкъ боговъ? —
 Кто мнѣ дастъ воспоргъ, искусство?
 Что же, Геній мой небесный!
 Всѣ дары твои чудесны
 Противъ прелестей такихъ?
 Что мнѣ слава, что богатство?
 Что мнѣ въ почестяхъ твоихъ? —
 Въ ней ушѣхи, жизнь, приятство,
 Радость, свѣтъ душа, любовь....
 Опнесижь, благовѣститель,
 Эмпирея свѣшлый житель,
 Мой ошвѣтъ опцу боговъ.

Плушусь, Музы, Марсь, Фемида
 Не прельспяшъ меня—мнѣ Лида
 Замѣнишь вселенну—все....
 Вошь желанье въ чемъ мое!

*

Что бы Лида побѣжденна
 Пылкой спраспию моей,
 Мнѣ подругой жизни сей
 Опъ судьбы была врученна;
 Чтобъ любовь волшебной силой
 Спраспи огонь ко мнѣ возгла,
 И она съ улыбкой милой
 Поясь свой мнѣ опдала;
 Чтобъ воспоргомъ пламенѣя,
 И на грудь ко мнѣ склонясь,
 Съ помной скромностью краснѣя,
 Мнѣ съ любовью предалась,
 Въ спраспибъ пламенной познала
 Радоспъ, прелеспъ бышпя,
 И мнѣ шихо прошепшала:
 Мы счаспливы; я твоя!
 Вошь, о Геній! всѣ желанья,
 Всѣ мечшы, всѣ ожиданья,
 Всѣ мольбы мои къ судьбѣ—
 Всѣ...ввѣряю ихъ шебѣ....
 Горній жипель улыбнулся,
 Далъ сосудъ мнѣ...я проснулся...
 Вижу ушро насшаемъ...
 Что - шо будеспъ въ новый годъ? ....

1 Генваря 1815.

Р. Зотовъ.

~~~~~

АССЕДЪ - КОРЗИНЩИКЪ,

или

ВРАТА ПОЧЕСТЕЙ.

Повѣств.

“Отецъ мой былъ корзинщикъ, ему хотѣлось, чѣшобъ я былъ корзинщикъ, и я корзинщикъ!,”

Такъ говорилъ, вздыхая, бѣдный Асседъ, сидя вечеромъ у порога своей хижины, въ предмѣстїи Пера въ Конспаншинополѣ. Онъ шолько чшо возврашился изъ города, гдѣ видѣлъ проѣзжающаго Султана со всею свисою изъ большой мечети во дворецъ.

Эшо зрѣлище его поразило, и онъ такъ размышлялъ:

“Какъ хорошо бышь Государемъ, обладашь милліонами подданныхъ, видѣшь себя почиаемымъ за перваго чловѣка на землѣ! — Хорошо бышь и большимъ вельможею, повелѣвашъ, смошрѣшь за исполненіемъ законовъ, располагаешь милоспями, мѣспами, казною, всѣми почеспями. Хорошо еще управляешь войскомъ, или флосомъ, весши славную

войну, собираешь лавры, слышаешь какъ называюшь тебя величайшимъ Полководцемъ, или знаменитѣйшимъ Адмираломъ своего вѣка. Хорошо бышь Губернаторомъ, Визиремъ, Муфшиемъ, и даже простымъ Кадиемъ. По крайней мѣрѣ имѣешь какую нибудь власть, упошребляешь ее, спараясь всегда дѣлаешь добро, и видишь, что тебя почишаюшь, уважаюшь въ опечесствѣ. — Но опецъ мой былъ корзинщикъ, ему хопѣлось, чтообъ я былъ корзинщикъ, и я корзинщикъ! — Какое печальное соспоянiе для шого, кто знаешь гораздо болѣе, нежели нужно въ его званiи. — Коробки и корзинки всякой научишься дѣлашь; но не всякой напишешь стихи, какъ я, на день именинь нашего Имана; а я умѣю писашь стихи! . . . пишу даже лучше, чемъ пребуешься опъ Визиря; знаю дѣла не хуже инаго Кадиа, и если у сосѣдей заведущся дѣлишки, то ко мнѣ же приходяшь спрашивашь совѣща, куда и какъ имъ подашь просьбу. Въ случаѣ нужды былъ бы я очень хорошимъ Генераломъ, пошому что вышвердиль наизушь успавъ Янычаровъ.

На счепахъ выкладываю не хуже рощовщика. Однимъ словомъ, я получилъ очень хорошее воспитаніе въ училищѣ, куда отдавалъ меня отецъ мой; но въ эпомъ - шо все наслѣдство, кошорое онъ мнѣ оставилъ. Онъ былъ корзинщикъ; хотѣлось ему, чшобъ я былъ корзинщикъ! Въ самомъ дѣлѣ, чемъ больше себя раземашриваю, темъ больше вижу, что я ко всему способенъ: почно пакъ, ко всему! Могъ бы я быть Сулпаномъ, Муфшиемъ, первымъ Визиремъ, и очевидно могъ бы занимать всѣ другія низшія мѣста; а вмѣстѣ эшого, я шолько бѣдный работникъ, шѣснесь въ бѣдной лавчонкѣ, мужъ бѣдной жены, кошорая, какъ и я, шрудилсь съ ушра до вечера, и еще, къ несчастію, отецъ чешырехъ бѣдныхъ малютокъ, кошорыя беспрешанно просятъ у меня хлѣба. — Правда, что Богъ посылаетъ мнѣ каждый день на ихъ долю; я не жалуясь на маленькой своей торгъ: онъ идешь порядочно, отдають ко мнѣ и въ ученье; но совсемъ эшимъ я брежу, въ хлѣбъ, и очень мало — чшнѣ нибудь съ хлѣбомъ. Наконецъ я не что иное какъ послед-

ній мѣщанинъ, просполюдинъ, одинъ изъ числа шѣхъ спа миллионовъ людей, кошорые кой-какъ проживаюшъ на свѣшѣ, и о кошорыхъ никшо не подумаешъ. Но чего хочешъ ты, бѣдный Асседъ! Опець швой былъ корзинщикъ, онъ хошѣлъ.... правда, и ты виновашъ! Да, Асседъ, никогда не имѣлъ ты довольно смѣлоспи, рѣшительноспи, чесполюбія. Ты слѣпо слушался приказаній швоего опца, когда бы шебѣ должно было показать себя, войши въ какія нибудь дѣла просишъ, искашъ, добивашься, прошалкивашься изъ тысячи другихъ просишелей, какъ обыкновенно бываешъ въ свѣшѣ, не опходишъ опъ ворошъ почесшей, спучашъ въ нихъ безъ опдыха, до шѣхъ поръ, пока онѣ шебѣ не опворяшъся. — Знаю, что шамъ полкаюшъ, шѣсняшъ локшями, давяшъ, сбиваюшъ съ ногъ—нужды нѣшъ: пусть будушъ шебя полкашъ, шѣснишъ, сбивашъ съ ногъ: авось какъ нибудь дойдешъ. — Асседъ, другъ мой, повшоряю шебѣ, что у шебя недосшаешъ только смѣлоспи; но, можешь бышь, еще придешь время! — посмотри, испышай, поплешишь за ка-

кимъ, нибудь вельможею; ищи, найди случай оказашь ему услугу, войди къ нему въ милосшъ, спарайся сдѣлашья его повѣреннымъ, другомъ, сполкни его съ мѣста, если будешь увѣренъ, что можешь сдѣлашья его преемникомъ, и спупай выше, выше, выше, голубчикъ мой! Смѣлѣи, Асседъ, если опецъ швой былъ корзищикъ....

Тупъ раздался громкѣй смѣхъ. Асседъ смопришъ вокругъ себя и никого не видишъ—на улицѣ никого не было, пошому что совсемъ уже смерклося, а сосѣди давно спали.

Асседъ перялся въ догадкахъ, какъ обрашивъ глаза на поле, которое было ошъ него на чешвершъ вершпы, увидѣлъ небольшой яркѣй свѣшъ, кошорый называюшъ лешучимъ огонькомъ. — Эшошъ огонекъ приближался къ нему съ громкимъ смѣхомъ и шагахъ въ двухъ ошъ него разсыпался въ паръ, кошорый мало помалу стущаясь, предспавиль Асседу какой-шо спрашнѣй призракъ. “Не бойся, сказалъ онъ: я добрый Духъ, и преслѣдую вездѣ на землѣ демона гордоши, съ кошорымъ я въ вѣчной враждѣ.

Этотъ лукавецъ ослѣпилъ тебя, и я, слыша твои слова, тотчасъ узналъ его внушеніе. Онъ, и теперь еще подстрекаетъ твое самолюбіе. Хочешь ли ты видѣть его? Спавъ на колѣни!.,—Асседъ повинуется, и въ ту же минуту увидѣлъ маленькаго блестящаго змѣя, который вился у ногъ его, и вдругъ поползъ на улицу, что бы скрыться. “Оспановись, сказалъ добрый Духъ маленькому змѣю: ты въ моей власпи, ничтожный, гложущій червь!.,

Змѣй оспановился. Добрый Духъ продолжалъ: “ты, который такъ хорошо умѣешь принимать всѣ виды, когда хочешь достигнуть своей цѣли! вѣрно не будешь въ затрудненіи принять никакой видъ, какъ мнѣ хочется? Повелѣваю тебѣ сдѣлаться крылатымъ дракономъ....и перенесешь насъ въ эпоху колесницъ къ врагамъ почестей., — Тотъ допронулся онъ до раковины, лежавшей у порога...Она приняла видъ колесницы, Асседъ уже на ней...и крылатый драконъ мчинъ ее по воздуху.—Вскорѣ, оспановившись у скала одного холма, добрый Духъ сказалъ Асседу: “сядемъ

здѣсь, обрати вниманіе на то, что будешь проходить передъ собою. Ты хошѣлъ бышь у врача почестей и увидишь ихъ. Смотри на вершину сего холма.,,

Слабый свѣшъ освѣщаль холмъ, покрытый людьми всякаго возраста и всѣхъ сослояній. Все это мнѣжество народа взбиралось съ трудомъ на крутую возвышенность. Многихъ ошпалкивающь, опрокидывающь; одни лепяшъ черезъ другихъ, и видно, какъ иныя, почши достигши цѣли своихъ желаній, вдругъ сбрасывающъ съ холма и лишаящъ возможности подняшъся снова на вершину. Широкия враша, блестящія золопомъ и рубинами, распворились наспѣжъ. Во внутренности зданія видны были знаки оплинія, лавры, груды серебра, золопа и драгоценныхъ камней. Форшуна во врашахъ сей все-свѣшной сокровищницы; ее видяшъ на колесѣ, съ повязкою на глазахъ; ошпалкивая однихъ, къ другимъ сама она проспираетъ руку и приглашаетъ войши. Асседъ видипъ пѣснящуюся толпу малорослыхъ и сухощавыхъ людей; Фор-

пуна раздаешь имъ мѣста Пашей, Визирей, Калифовъ. Чемъ больше Фортуна дѣлаешь счастливецъ, темъ болѣе увеличивается толпа честолюбцевъ, и сколько ни стараешься она болѣе впускать, но врата не могутъ вмѣщать такого множества людей, и слышны крики нѣсколькихъ безразсудныхъ, задвленныхъ, опрокинутыхъ, попираемыхъ ногами людей, копорые ихъ сильнѣе, искуснѣе, или счастливѣе.

Когда Фортуна раздала всѣ свои дары; когда не осталось у ней ни лентъ, ни лавровъ, ни алмазовъ; ничего — словомъ—что прежде столько льстило глазамъ при открытіи вратъ почестей: то всѣ тѣ, копорые не могли войти туда и копорые еще взбирались на холмъ, сдѣлали въ ярости своей заговоръ ворваться силою во врата и попомъ во внутренность храма, ниспровергнуть Форшуну съ колеса, ограбить ее и умертвить ея любимцевъ.—Начинается ужасное возмущеніе, слышенъ звукъ оружія, стоны умирающихъ, сокровища съ кинжалами переходящъ изъ рукъ въ руки, чертоги пылающъ, кровь льещ-

ся рѣкой. Это зрѣлище столько поразило Асседу, что онъ лишился чувствъ. Наконецъ приходишь онъ въ себя и ничего болѣе не видишь. Добрый духъ сказаль ему: “Взгляни сюда въ послѣдній разъ, и узнаешь, что произошло со всѣми счастливыми любимцами Форшуны, для которыхъ распворились давиче сіи обольстительныя врага.,” Тутъ Асседъ увидѣлъ чудесное и ужасное явленіе: почти всѣ Паши и Визири закованы въ цѣпи, другіе казнены, и обагренныя ихъ головы высшавляются у воротъ Серала. Большая часть любимцевъ Форшуны обращена въ ничто!

Тѣ же, которые удержались на своихъ мѣстахъ, предшавляются Асседу невольниками самихъ себя. Великій Визирь сидишь въ своемъ кабинетѣ ночью, и шрудится при догорающихъ свѣчахъ. Лице его мрачно, подозрительно, онъ превожимъ безпокойствомъ, не имѣешь опдыха. Упомленный шрудами, не смѣя заснуть, онъ еще опасается непосноянства судьбы, и на другое же шпродѣйствительно поспигнушь ею. — Къ нему входяшь, показывающъ ему Сул-

шанскій фирманъ; опбирають у него Государственную печать, бумаги и по-сылають въ започеніе на опдаленный и необипаемый почпи оспровъ.

Военачальникъ, въ своемъ шапрѣ, недумаетъ ни объ опдыхъ, ни о пищѣ; онъ спрашитъ неудачи, спрашитъ обманушься въ своихъ планахъ—опасеніе его сбывается; онъ впадаетъ въ опчаяніе и завидуепъ учаспи послѣдняго изъ солдапъ своихъ.

Асседъ видипъ шакже всѣхъ сильныхъ земли, во всѣхъ обспоятельспвахъ часпной ихъ жизни — видипъ какими прудами, забопами и неприяпностями обременены самыелучшіе, великодушные и благодѣшпльные Государи; Асседъ не желаепъ уже верховной власпи, кошорая сопряжена съ шоликою забопливостію и беспокойспвомъ!

Наконецъ зрѣлице перемѣняется; великолѣпная врана почеспей исчезають и усшупають мѣспо проспому домику. Съ сильнымъ душевнымъ чувспвомъ смопришь Асседъ: онъ видипъ самаго себя, но спарѣ по меньшей мѣрѣ шридцашью годами. Передъ нимъ, ка-

залось ему, спояль споль, уставленный
чисною посудю; было и нѣсколько се-
ребра, но не для блеска, а для прочности;
кушанья просшья, но вкусныя. Четверо
его сыновей, спавъ уже сами опцами
сѣмейства, окружали его, и спарый
Асседъ еще ушѣшался ласками опъ де-
сяпи до двѣнадцати малюпокъ, его вну-
ковъ, изъ кошорыхъ одни сидѣли на ко-
лѣняхъ его, другія были у него на ру-
кахъ, а прочія рѣзвились вокругъ него,
цѣловали его, или играли почпеными
его сѣдинами.

“Вопшь Асседъ, что ожидаешь шебя!
сказаль добрый Духъ. Ты будешь въ спа-
роспи швоей счаспливѣйшимъ опцемъ
и праопцемъ, если не спанешь думаешь
о почеспяхъ, если будешь доволенъ со-
споянїемъ, въ кошоромъ Богъ велѣль
шебѣ родишься; наконецъ, если оспа-
нешься въ своемъ званїи., — О, конечно!
вскричалъ Асседъ, внѣ себя опъ радости;
шеперь мнѣ прияшно будетъ повшоряшь
по, что прежде такъ было шягоспно
говоришь: *отецъ мой былъ корзищикъ;*
онъ хотѣлъ; тоббъ я былъ корзищикъ; я

корзинщикъ, и навсегда останусь корзи-
щикомъ!

Добрый Духъ опять перенесъ его
въ хижину, и Асседъ съ живѣйшимъ
удовольствіемъ увидѣлъ свое жилище,
гдѣ надлежало ему найши спокойствіе
жизни и упѣшительное призрѣніе въ
своей старости.

Изъ Дюкре дю Минья.—Б. Федоровъ.

~~~~~

КЪ ДРУГУ.

(во время грозы.)

Слышишь, какъ сыплюся громы съ намеша

Сизою пучей покрытыхъ небесъ!

Въ мрачную ризу природа одѣша —

Грозень Создатель подлуннаго свѣша!

Видишь, какъ вихремъ низринулся лѣсъ,

Съ грохотомъ рухнулъ въ пучину ушесъ!

*

Съ пѣною, съ ревомъ, какъ шигръ разъярен-
ный,

Высупя, волны помчались въ доль,

Видишь, шамъ спадо и паспырь сраженный

Борющся съ хлябью, шамъ дубъ раздроблен-
ный.

Съ прескомъ орла ниспровергнушь пре-
своль,
 Валомъ дебелый уносишься воль.

*

Чьимъ разспунились дыханіемъ горы,
 Быспро извергнувъ сѣдый водопадъ?
 Мрачнаго ада опкрылись зашворы!
 Ты опвращаешь, ошь ужаса взоры.
 Замокъ пошряся — съ нагорныхъ гро-
мадь
 Въ долы посыпался каменный градъ.

*

Грозныя пучи надъ храмомъ стуспились;
 Молнія змѣемъ по кровль скользишь;
 Мѣдныя доски, какъ воскъ, распопились —
 Видишь? придѣлы огнемъ обхвапились;
 Колоколь глухо, несспройно гласишь,
 Башня колеблешся—въ прахъ лежишь!

*

Слышишь ли кликъ поселянъ сокрушенныхъ?
 Пламень лепашь по кровамъ роднымъ,
 Машери ищупъ малюшокъ безцѣнныхъ
 Кровь запеклась на ногахъ изъязвленныхъ,
 Все поглощашь клубящійся дымъ!
 Боже! что будешь съ народомъ Твоимъ?

*

Вошь благодатная влага свяшая
 Съ мрачнаго неба слилась на пожарь!
 Видишь, какъ пламень, средь дыма сверкая,

Гасцешъ во влагѣ свяшой упоая!

Всякъ прославляешъ божеспвенный даръ—
Къ небу съ мольбами возносишся парь!

*

Другъ! подивимся Владыкѣ несмѣшныхъ,

Ярко надъ нами горящихъ міровъ:

Грозень онъ въ пучахъ, являсь, огнецѣшнымъ;

Щедръ, благодашень въ свѣшилахъ привѣш-
ныхъ,

Видень Создашель въ росѣ васильковъ,

Видень и въ ярошномъ гнѣвѣ громовъ!

Пл. Ободовскій.

~~~~~

СТАТЬИ ИЗЪ ИНОСТРАННЫХЪ ЖУРНАЛОВЪ И ГАЗЕТЪ.

*О бродягахъ въ Остѣ-Зейскихъ провин-
ціяхъ.*

По существующимъ съ давняго време-
ни во всѣхъ Остѣ-Зейскихъ провинціяхъ по-
лицейскимъ законамъ, не надлежало бы ожи-
дашь, что бы по послѣднему новѣйшему стро-
гому Указу было ошыскано такое множе-
ство людей *безпашпортныхъ* и *бродягъ*. Одни
Ревельскія еженедѣльные извѣстія послѣд-
нихъ мѣсяцевъ 1822 года содержатъ болѣе,
нежели сто освѣдомленій и объявленій, о

такихъ людяхъ, копорые, наибольшею частію, не будучи никогда нигдѣ записаны, всю жизнь свою скипались (и половина всего ихъ числа старѣе 40 - 50 лѣтъ); содержались рабочими у подрядчиковъ, скопопашвомъ и подаяніемъ; а нынѣ, въ присущвенныя мѣста, явились большею частію добровольно сами. Примѣрно только седьмая часть ихъ Эспы, или выдающихъ себя за свободныхъ; всѣ прочіе Русскіе. Часть ихъ скипалась и въ Лифляндской, какъ въ Эспляндской Губерніи. Замѣчательно по общепельсво, что немалое число ихъ возвращено внѣ брака, и незаконно произвели на свѣтъ дѣшей, опъ копорыхъ опяшь происходипъ разсадникъ бродягъ.

Изъ всѣхъ, около 80 безпашпортныхъ мужчинъ, только 2 оказались способными для принятія въ рекрушы; для крѣпостной работы до двадцати, четверо опданы въ Коллегію общеспвеннаго попечительсства, для служенія при заведеніяхъ онаго; прочіе будупъ нынѣ выданы шому, кпо на нихъ можешъ предьявипъ право. (N° 52 оныхъ Извѣстій опяшь увѣдомляешъ о 6, изъ коихъ 3 опданы въ крѣпостную работу).

(*Ostsee-Provinzen-Blatt*. N° 1. 1823.)

*Взглядъ на Петербургскую торговлю въ
1822 году.*

Петербургская торговля въ 1822 году пошерпѣла какъ опъ послѣдствій слишкомъ умѣренной зимы, пакъ и опъ неблагопріятнаго состоянія иноспранныхъ земель. Сіи спарались продаватъ здѣсь; а внупреннія области не могли покупатъ, по причинѣ зашруднишельной доспавки. Винъ и масла было испинное наводненіе, хошя уже въ 1821 году вина были споль низки въ цѣнѣ, чпо нѣкопорыя паршіи не могли даже неспи пошлины и издержекъ. Во всемъ Петербургѣ не доспаетъ погребовъ для помѣщенія запасовъ, и какъ въ началѣ слѣдующаго года шаможенные погреба будутъ срышы для посспроенія новыхъ, по по недоспашку складочныхъ мѣспъ, надобно будетъ, при отккрышіи новой навигаціи, за сіи привозныя спашы немедленно по выгрузкѣ заплашпть пошлпну. Французскія водки, ромъ, арракъ, съ анкерка которыхъ взпмаешся по 75 руб. пошлпны, продающся паршіями по 75 — 80 р. анкерокъ, а Французскіе сппршы, за которые плашптся по 150 р. пошлпны, ниже 100 р. Какъ, не взпрая на шо, удовлетворешся сей поспребности?—это загадка!—Муки вве-

зено довольно изъ Россійскихъ Оспъ-Зейскихъ поршовъ, и изъ заморя; она вскорѣ упала въ цѣнѣ, и при весьма изобильной жашвѣ 1822 года вѣроятно скоро опять воспослѣдуетъ вывозъ оной. Желѣза вывезено въ Англію и Америку около 650,000 пудъ; льну весьма мало; пеньки: 1,615,861 пудъ чистшой, 215,093 бракованной и 365,600 получистшой; мѣди опущено 230,000 пудъ, почти все во Французскіе поршы. Вывозъ холста былъ хорошъ; равномѣрно и попаша, кошорый нынѣ опять начинаютъ болѣе закупать для Англіи. Торгъ саломъ сначала казался весьма невыгоднымъ, а наконецъ вывезено онаго болѣе, нежели когда либо, именно до 2,344,615 пудъ, во 100,470 бочкахъ, въ числѣ кошорыхъ 4800 бочекъ бѣлаго свѣчнаго и 22,000 бочекъ мыльнаго сала.

(*Hamb. Boersen-Halle, N° 3232 и 3234.*)

3.

Нѣчто о Курляндіи.

Изъ числа 384,789 жипелей, населяющихъ Курляндію, по вѣдомостямъ 1822 года, принадлежишь 361,762 къ Люперанской церкви, и 23,027 къ другому исповѣданію. Сія провинція содержишь 160 церквей, 9 часовень

и 15 синагогъ. Изъ оныхъ 2 церкви исповѣданія Греческаго, 1 церковь и 1 часовня Реформатскаго, 16 церквей и 6 часовень Римско-Католическаго. Подъ управленіемъ 9 благоточинныхъ состоятъ 94 Лютеранскіе прихода, въ числѣ коихъ 6 только Нѣмецкихъ (съ каждымъ Лашышскимъ соединенъ Нѣмецкій, хошя иногда и весьма малый). Главный надзоръ надъ экономіею церквей, равно какъ и надъ внутреннею частію и производствомъ брачныхъ дѣлъ, имѣетъ Консисторія, состоящая изъ Канцлера и 10 духовныхъ особъ; 3 члена присутствують непремѣнно. — Въ Мишавской Гимназіи счисляется 17 учителей и около 150 учениковъ. Окружныхъ и низшихъ училищъ въ провинціи 43; въ числѣ оныхъ 5 Лашышскихъ. Иллуксъ имѣетъ инспиритупъ для образованія Римско-Католическаго духовенства. Казна выдаетъ ежегодно на содержаніе училищъ 90,875 рублей; и сверхъ того въ послѣдніе три года опустила еще 118,000 р. для построения новыхъ и исправленія старыхъ учебныхъ зданій. Сельскія и приходскія училища въ нѣкоторыхъ мѣстахъ усстроены; когда оныя, въ слѣдствіе постановленія о крестьянахъ, повсюду будутъ учреждены (на 1000 душъ одно), то ихъ будетъ 332. — Обергофгерихтъ состоитъ изъ одного Президента, Канцлера, Обербургграфа, Ландмаршала и двухъ Со-

вѣпниковъ. Каждый изъ 5 Обергаупшмансъ-Герихшовъ, какъ первая судебная инстанція, изъ Обергаупшмана и двухъ Ассессоровъ; каждый изъ 10 Гаупшмансъ-Герихшовъ, за-вѣдывающихъ Полиціею, изъ Гаупшмана и двухъ Ассессоровъ. Подъ управленіемъ ихъ состоятъ и 10 мѣстечекъ Провинціи; 11 городовъ (Мишава, Либавъ, Гробинь, Газен-попъ, Гольдингенъ, Пильшенъ, Виндава, Ту-кумъ, Бауске, Фридрихсшадшъ и Якобс-шадшъ) имѣющъ собственный Ратсъ-Кол-легіумъ.—Для крестьянскихъ дѣлъ находи-ся, по новому постановленію, кромѣ времен-ной вводительной Коммисіи, 10 окружныхъ Судовъ, съ окружнымъ Судьею, мирнымъ Судьею, дворянскимъ Засѣдашелемъ и однимъ изъ крестьянскаго состоянія. 172 казенныя помѣстья Провинціи имѣющъ вмѣстѣ 40 приходскихъ Судовъ, съ Предсѣдашелемъ и Засѣдашелями, смотря по пространству округа. Частныя помѣстья имѣющъ, большею частію, собственный судъ; поему число оныхъ простирается свыше 300.

(*Latweeschu Awises* (Латышскій Еженедѣль-никъ) и *Ostsee Provinzen Blatt*, N° 1. 2 Января 1823.)

4.

Нѣкоторыя пришествія о древней торговлѣ, и упадкѣ цѣздныхъ городовъ въ Лифляндіи.

Вѣроятно, цвѣтущій періодъ Лифляндской торговли былъ во времена Ордена. Хотя мы, по недоспашку свѣдѣній, не можемъ о семъ дать подробнѣйшихъ извѣстій, однако же многія сказанія по подшверждають. Еще ранѣе (въ 1228 г.) городъ Рига заключилъ торговый договоръ со Смоленянами и Полочанами; въ 1283 году Князь Феодоръ Смоленскій позволилъ Лифляндцамъ, даже въ военное время, торговать свободно и безъ плашежа пошлины; освобожденіе отъ всѣхъ сборовъ даровано имъ въ томъ же спольштіи Швеціею, Даніею и другими государсшвами. Таковыя преимущества доставили бы великія выгоды и при гораздо меньшемъ числѣ кораблей, равно какъ и при меньшемъ количествѣ вывозимыхъ домашнихъ товаровъ. Ганза дѣйствововала тогда сильно на торгъ народовъ; и сколь ни строго наблюда-ла она собственную прибыль, однако же купеческая дѣятельность ея доставляла пользу тысячамъ, и разливалась многими рукавами до отдаленныхъ странъ. Рига, Ревель, Перновъ и многія другія мѣста сей земли

принадлежали къ сему великому торговому союзу. Оными искусственныя и естественныя произведенія дальнихъ странъ свѣша доставлялись сухимъ путемъ чрезъ Дерпшъ, Венденъ, или вдоль Двины до Кокенгузена въ верхъ къ пограничной Россіи; шамъ на сѣверѣ опправляла Ганзеатическая контора, учрежденная въ Новѣгородѣ, товары далѣе ввупрь великаго государства Славянъ. Сія значительная транзитная торговля конечно оживляла благоденствіе Лифляндскихъ уѣздныхъ городовъ, и, чрезъ занятіе многихъ людей, повсюду распроспраняла большее благосостояніе. Сверхъ того, если примемъ въ разсужденіе, что въ нѣкопорыхъ изъ нихъ, напрымѣръ, въ Дерпшъ и Венденъ, находились большія складки товаровъ, что упомянутые города, равно какъ и Роннебургъ и Кокенгузень, служили мѣстопребываніемъ тамошнихъ Архіепископовъ, Епископовъ и Гермейсперовъ, что въ оныхъ были часто собранія чиновъ, и ежегодно происходили многія торжища, для облегченія торговли—то легко поймемъ, какъ сіи малые города, несмотря на многія войны и нѣкопоре ввупренніе раздоры, оспались значительными *).

---

*) Въ доказательство сказаннаго можетъ служить и то, что Дерпшъ, Венденъ, Вольмаръ, Гольдингенъ и проч. во время Ордена имѣли собранія Шварцъ-гейпше-

Между темъ время дѣйствуетъ беспрерывно и разрушаетъ. Открытія *Васко де Гамы* и *Колумба* въ XV столѣтіи произвели въ торговомъ свѣтѣ великіе перевороты. Оными низринуты съ высоты своего величія гордыя обладапельницы южныхъ морей, Венеція и Генуя; торговля свѣта перешла въ руки западныхъ Европейцевъ. Флаги сихъ мореходцевъ покрыли тогда Океанъ — могущественная Ганза потрясена въ своихъ основаніяхъ, бывъ принуждена раздѣлять свою монополію съ другими. Кругъ ея дѣятельности еще чувствительнѣе ограниченъ на сѣверѣ, когда *Ритардъ Ченслеръ* въ 1553 году открылъ устье Двины, и когда Царь Иванъ Васильевичъ Грозный заключилъ съ Англичанами торговый договоръ. Съ сего времени, сѣверная половина Россіи была большею частію снабжаема шоварами Англійскою факторією, вновь учрежденною въ Архангельскѣ; гавани Балтійскаго моря, даже самая Нарва, бывшая тогда въ Россійскомъ владѣніи, и для Ганзейскаго союза доступная, спали тогда доставлять гораздо меньшую прибыль.

ровъ, состоявшія изъ холостыхъ купцовъ, копорые рые при торжественныхъ случаяхъ выѣзжали верхомъ. Если сей классъ гражданъ былъ уже тамъ столь значительнъ, то и мѣсту сему надлежало имѣть большее число жилищей, и производить большій портъ. Какая разница въ сравненіи съ нынѣшнимъ состояніемъ!

Такое раздѣленіе промышленности на многія отрасли могло бытъ вредно для цвѣтущаго состоянія Лифляндскихъ городовъ, и еще оставшееся отъ лучшихъ временъ, похищено у нихъ опустошеніями лютой войны. Такимъ образомъ видимъ мы, что четыре изъ нихъ, именно: Маріенбургъ, Роннебургъ, Кокенгузенъ и Роопъ совсемъ исчезли изъ числа Лифляндскихъ городовъ, и большая часть понынѣ существующихъ такъ упала, что только благодѣтельный геній можетъ ихъ возбудить отъ сего усыпленія. Какимъ образомъ? Эту задачу трудно рѣшить: поелику наши поселяне живутъ еще въ такомъ состояніи, что большею частію могутъ обойтись безъ прудолюбія горожанъ, а мѣщане не имѣютъ другихъ средствъ къ обогащенію.

(Rigaische Stadt Blaetter, N° 31—1820.)

5.

Необходимость наблюдать при наказаніяхъ осторожность.

Лишь за 30 тому назадъ произошло въ Ригѣ слѣдующее: у духовника тогдашняго Генераль-Губернатора Броуна, видѣвшаго за день предъ темъ двухъ человекъ подъ своимъ окномъ, кошорые цѣлый часъ тайно

разговаривали между собою, украденъ ящичекъ съ д-нгами. О сей покражѣ по приказанію немедленно обѣщаешься, и предписывается всякому пошчасъ предъявишь того, на кого какимъ либо образомъ падеть подозрѣніе въ воровствѣ. Сіе произошло въ такое время, когда чрезъ Двину по причинѣ ея вскрышія, можно было переправляться только въ лодкахъ. Въ слѣдующій день молодой человекъ низкаго состоянія приказываетъ перевезши себя. Перевозчикъ заславляешь его подождать, что бы еще и другіе вошли въ лодку. Незвѣстный шребуешь, что бы его поспѣшно перевезли и обѣщаешь 15 марковъ. Перевозчикъ соглашается, однако же начинаешь подозрѣвать. Находясь среди Двины у Газенгольма, молодой человекъ усматриваетъ на Газенгольмѣ сшарика, подающаго ему знакъ: онъ проситъ перевозчика править шуда, такъ какъ ему нужно переговорить съ нимъ о важномъ дѣлѣ. Перевозчикъ не соглашается, ибо условились о прямой переправѣ, гдѣ онъ обратно можешь получишь грузъ; къ шому же переправа въ Газенгольмѣ прошивъ шеченія. Юноша обѣщаешь вознагражденіе, и даетъ ему шалерьъ. Приславши къ Газенгольму, перевозчикъ замѣшилъ, что молодой человекъ говоритъ со сшарикомъ шайно. Подозрѣніе его умножается. Онъ собираешь нѣсколько чело-

вѣкъ, что бы схватишь обоихъ. Они уда-
 ляюся — и юноша перепрыгиваетъ чрезъ
 груду мачиновыхъ деревьевъ: здѣсь замѣчаютъ,
 что онъ опшуда выхватываетъ ящичекъ —
 убѣгаетъ съ онымъ; но спарика схватыва-
 ютъ и ведутъ въ Рашушу. Сей при до-
 просѣ говоритъ, что онъ былъ свашомъ
 молодаго человѣка, и увѣдомлялъ его въ
 Газенгольмѣ о его свадебномъ дѣлѣ. Чрезъ
 день и ночь также пойманъ, и украден-
 ный ящичекъ у него найденъ. Хотя его по-
 казаніе согласно со словами спарика; одна-
 ко же на вопросъ: какимъ образомъ досталъ
 онъ ящичекъ, опвѣтъ его былъ весьма не-
 удовлетворителенъ, именно: что онъ, при
 бѣгствѣ, замѣшилъ оный въ грудѣ мачшо-
 выхъ деревьевъ, и взялъ его, что бы принести
 въ даръ своей невѣстѣ, изъявившей чрезъ
 спарика свое согласіе на бракъ съ нимъ.
 Спарикъ проситъ не причинять юношѣ
 оскорбленія, ибо онъ почно невиненъ, и снис-
 хожденія на нѣсколько времени; однако же
 свидѣтельство его кажется подозритель-
 нымъ, ибо онъ также покушался бѣжать.
 Начальство пребуетъ послѣшняго рѣшенія
 дѣла. Священникъ признаетъ въ обоихъ пѣхъ
 самыхъ, кошорые днемъ предъ покражею го-
 ворили цѣлый часъ предъ его окномъ; они
 не могутъ въ шомъ запереться, что шамъ
 говорили тайно, но ушверждаютъ, что рѣчь

шла обо одномъ только сваповспвѣ. Почти всякой, кромѣ Судьи, считаешь сихъ людей изобличенными. Удивляюся снисхожденію суда, медлящаго осужденіемъ. Однако же чрезъ нѣсколько дней нѣкто схваченъ при покражѣ, и между прочимъ признался, что укралъ и помянутый ящичекъ; онъ въ томъ изобличенъ многими обспояпельспвами, а невинный, повидимому почти уличенный, получилъ свободу.

(Rigaische-Stadt-Blaetter. N° 31—1820.)

Павелъ Яковлевъ.

~~~~~

ЗНАЙ ВРЕМЯ.

Сказка.

Грѣшно шерять слова не въ пору, по пустому.—

Вошь сказочка по случаю такому:

Въ ночь ясную зимой:

Откуда-то домой

Два кума-мужичка пихонько пробирались,
И, молча, швердію алмазной любовались.

Но вскорѣ начался межъ ними разговоръ:

«Что еслибъ звѣзды всѣ, Архипушка, свалились?»

Я чаю, на гумнѣбъ онѣ не помѣспились.,,
 —И! Сидоръ, пошь сказаль: бакой несешь ты
 вздоръ!

Да великиль онѣ? Вѣдь съ воспрее иголки,
 Такъ сколько ешь ихъ въ высопѣ,
 Улягушся и въ рѣшешѣ. —

И вопъ у Сидора пошли съ Архипомъ полки,
 Какъ звѣзды падаюшъ и великиль онѣ,
 Войдушъ ли въ рѣщепю, иль полько на гумнѣ
 Имъ помѣспишся можно. —

Однакожь споръ окончишь должно!
 Условились зайши къ приходскому дѣячку,
 Который на своемъ вѣку
 Учился Физикѣ и слыль краснорѣчивымъ.
 Зашли—и рассказали споръ.

“Друзья! сказаль Дѣячокъ со взглядомъ гор-
 деливымъ:

Садитесь, слушайте!...Вѣдь эшо метеоръ,
 Чшо спадшею съ небесъ вамъ кажешся звѣз-
 дою;

Вѣдь каждая звѣзда своей величиною
 Поболѣ земли, ну, пакъ сказашь, въ мильонъ;
 А Электричества законъ,

Упругоспъ воздуха, эфиръ пому виною,
 Чшо загараюшся горючи вещеспва;
 И можно ли, чшобъ Царь премудрый еспешсва
 Нарушилъ вѣчные устави?...,,

— Да кшо же правъ изъ насъ, скажи, опецъ
 родной,
 Крещьяне говоряшъ: ужъ намъ пора домой.—

«Эхъ, брашцы! оба вы не правы:
 Сей часъ вамъ докажу...», Но мужики бѣгомъ!
 И всю дорогу хохотали,
 И дома рассказали,
 Какъ видѣлись они съ Дьячкомъ,
 Какъ чернокнижнымъ языкомъ
 Онъ съ ними объяснялся.—

Назавтра въ колдѹны ученой нашъ попался—
 Опъ нихъ въ безбожники одинъ лишь поль-
 ко шагъ;
 И наконецъ, во всѣхъ окружныхъ волосняхъ
 О дьявольскомъ его художествѣ узнали;
 Крестьяне, встрѣшясь съ нимъ, крестились
 и дрожали
 И приглашашъ къ себѣ на праздники не
 спали.

*

И по дѣломъ Дьячку!—Съ невѣждами молчи,
 И бисера предъ ними не мечи!

— но —

~~~~~

НЕМНОГОЕ ДЛЯ МНОГИХЪ.

(Отрывокъ изъ моего Журнала.)

Наслушавшись досыша балладъ и
 дружескихъ посланій, располагалъ уже
 я отправиться домой, какъ вошелъ въ
 комнату Господинъ N.

“Насилу дождались мы шебя, ска-
заль хозяйинъ: ну что, привезъ ли?,,—*N.*
кивнуль головою. — “Такъ садись и чи-
шай. Господа, продолжалъ первый, обра-
щаясь ко мнѣ и къ одному изъ моихъ
сосѣдей: рекомендую вамъ добраго моего
прияшеля и поэта; онъ писалъ не мно-
го, но въ самыхъ мѣлкихъ его спихо-
швореніяхъ видно *летучее воображеніе*
и талантъ вымысла; смѣло могу ска-
зашь, что онъ *разгадалъ тайну* Роман-
тической Поэзіи., — Много чеспи, оп-
вѣчалъ *N.* —

“Душевно радъ, говорилъ сосѣдъ мой,
подавая ему руку: душевно радъ лично
съ вами познакомисься; я всегда съ осо-
беннымъ удовольствіемъ чишаю въ Жур-
налахъ ваши спихошворенія, въ кошо-
рыхъ истинно видна *душа воспламеняе-
мая и доступная всему высокому.*,, —
Господинъ *N.* кланялся и прѣпираль
плашкомъ очки. — “*По мѣткому упо-
требленію языка*, прибавилъ *K.* вы мо-
жете спашь *въ ряду* съ первыми наши-
ми писателями.,,

— Помилуйте, опвѣчалъ *N.*: вы за-
ставляете меня краснѣть, осыпая не-
заслуженными похвалами.—

“Вы слишком заслужили ихъ, говорилъ Д: вы глядите на предметы съ совершенно новой стороны, употребляете новыя, ни оупь кого незаимспвованныя формы слога.,,

—Гораздо болѣе, возразиль N.: должно удивляшья искусству, съ копорымъ схватываете вы былыя чувства души, изображаете неизбяснимое, знакомое. —

“Напрошивъ, эпто искусство, по всей справедливости, принадлежишь вамъ — сквозь полупрозрачный покровъ вашей Поэзи мелькаютъ живыя впечатлѣнія полной жизни.,,

Я начиналъ думать, что эпимъ панигирикамъ не будетъ и конца; но Господинъ N., придвинувъ къ себѣ свѣчу, сказалъ: что бы избавишь себя оупь незаслуженныхъ похвалъ, я поспѣшу чтеиѣмъ .... долженъ однако же предупѣдомишь васъ, Мм. Гг., что эпти не многія бездѣлки ... — “Многилибъ понравятся., — сказалъ хозяинъ, прерывая его. — Мы увѣрены въ эпомъ, прибавиль сосѣдь мой. — “Ишакъ не многое для многихъ; просимъ начашъ., — Господинъ N. придвинулъ къ себѣ другую свѣчу, прошеръ

еще разъ очки и чиналь слѣдующія спи-
хошворенія:

1. *Непостоянство.*

Бьешся чолвъ
Среди волвъ,
Вдругъ въ лѣсокъ
Огонѣкъ
Прилешѣлъ.
Я глядѣлъ
И дрожалъ.
Вдругъ кинжалъ
На меня...
Нѣшь огня!

“Прекрасно! прекрасно! закричали
всѣ въ одинъ голосъ. Какая бѣлость!
Какая гармонія стиховъ! Слушая шакіе
спишки, не замѣтаешь даже, что они сто-
пованы!

2. *Знакомый - незнакомецъ.*

Что за шорохъ, что за вѣшеръ?
Кто спучишь въ окно? —
То знакомый незнакомецъ,
Онъ меня узналъ;
Въ двери онъ съ привѣтной лаской
Руку мнѣ пожалъ. —
Догорали въ небѣ звѣзды
И восшокъ пылалъ!

“Прелестно! превосходно!”, повторыли слушатели. “Вопь какъ должно пишашъ въ романшическомъ родѣ! Какъ удачно изображено ожиданіе *обѣтованнаго свиданія съ неизвѣстными, незнакомыми душѣ!*”,

3. Кладбище.

На кладбищѣ, за кладбищемъ
 Люди ходяшъ;
 Люди въ церквѣ, въ перквѣ служатъ
 Панахиду.
 Опустили въ сыру землю
 Гробъ печальный;
 Разспутились, разошлись
 Люди чеспны.
 И дорогою у встрѣчныхъ
 Вопрошають
 Съ пайнымъ шрепешомъ и съ *душой*:
 “Кто усопшій?,”

Восклицанія раздались снова, всё удивлялись искусству вымысла и въ особенности хвалили послѣдній стихъ, который, по ихъ мнѣнію, показывалъ всю *нистожность земнаго*.

4. Страница.

Пришла въ село, въ вороша поспучалась,
 И передъ ней вороша опперлись;
 Въ избушкѣ ей спарушка опкликалась:
 “Ошкуда пы, молодка? опзовись.,,
 — Я, бабушка, изъ ближняго селеѣья,
 Меня сюда *невидимый* привель,
 Дорогой мнѣ мелькали привидѣнья;
 Ахъ! не къ шебѣль *онб* на ночлегъ зашель?

Спихопвореніе сіе привело всѣхъ
 въ воспоргъ. “Сколько каршинъ! Сколь-
 ко мыслей! Сколько *мѣстности* и *народ-*
ности! Сколько *глубины чувствъ*! по-
 вшоряли всѣ, одинъ послѣ другаго.

5. Тайна.

Нѣшь звѣздъ и нѣшь луны,
 Ночь царшвуешь одна;
 И долъ и лѣсъ шемны
 И сумрачна спрана;
 Душа шоски полна.
 Во всей природѣ свѣша нѣшь,
 Но вижу все—ошкудажь свѣшь?

Симъ окончиль Г. Н. чпеніе своихъ
 спихопвореній. Рукоплесканія разда-

лись; слушатели, приведенные въ восторгъ, осыпали автора похвалами и благодарностью; а сосѣдъ мой, восхищенный болѣе другихъ, бросился обнимать сочинителя, передавилъ всѣмъ ноги и чуть не задавилъ въ своихъ объятіяхъ безмертнаго Поэта.

Житель Васильевскаго Острова.

~~~~~

ПТИЧКА И МУШКА.

(Басня къ рисунку въ альбомѣ Князя Х...)

Съ вѣшки къ вѣшкѣ межъ кустовъ
Птичка рѣзвая порхала,
Тутъ же Мушка пролепала,
Госпья скромная цвѣтовъ.
Видомъ крылушекъ лазурныхъ,
Блескомъ глазокъ изумрудныхъ
Милой пшашечки прельсаясь,
Къ ней неволью приближалась
И лепуньей любовалась.
На кусточкѣ, не шаясь,
Птичка Мушку веселила,
Спала пѣшь, обворожила!
Вдругъ на Мушку успрямясь,
Хлѣпъ носкомъ — и проглотила.

Я скажу, любезный Князь!
 Много ппичекъ между нами!
 Точно поже въ жизни сей:
 Мы плѣняемся дарами
 И наружностью людей!
 Сердце по виду гадаемъ
 И съ улыбкой доврѣемъ
 Лести мнимыхъ намъ друзей.
 Насъ въ бѣду ведемъ оплошность;
 Будемъ поздно мы жалѣмъ,
 Если спутницей имѣмъ
 Не хотѣли оспорожность.

Б. Федоровъ.

~~~~~

СТАТЬИ ИЗЪ МОДНЫХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

Когда модная, прекрасная женщина жа-
 лаемъ, въ большемъ обществѣ, показашъ бла-
 госклонность свою человѣку, котораго оц-
 личила она въ полцѣ своихъ обожателей —
 шо должна непременно подозвашъ его къ се-
 бѣ. Если законы Моды, согласные почти
 всегда съ принятыми въ свѣтѣ обычаями,
 не позволяющъ сдѣлашъ выразительнаго зна-
 ка рукою: шо приличіе еще болѣе запрещаетъ
 въ семъ случаѣ возвысиль голосъ до такой
 степени, что бы всѣ услышали имя сча-
 стливца. Инакъ надобно было изыскашъ
 средства заставиль понимашъ себя, и нынѣ

всякая свѣшская женщина, копорой глаза шолько чшо повспрѣчаюся съ вашими, указываешъ уже вамъ сложѣннымиб своимъ вѣромъ по мѣсто, копорое вы должны заняшь ... близъ нее.

Новый шелеграфъ! Если направляюшъ *свербъ къ паркѣту*; по смѣло подходите къ ней: *васб желаютб о темб' нибудь только спросить*. Если наклоняюшъ его назадъ въ правую, или въ лѣвую спорону; по спарайшесь, не бивъ никемъ примѣчель, приближись къ спинкѣ спула: *валб хотятб сказать слова два на ухо*. Если же допрогиваюшся вѣромъ до свободнаго спула; по мѣсто сіе назначено уже вамъ, и вы должны поскорѣ заняшь его: *сб вами желаютб поговорить*.—Споль крашкое изьясненіе знаковъ сего новаго моднаго шелеграфа, кажешся, доспащочно объясняешъ причину, ошъ чего нынѣ вѣеры въ шакой большой модѣ.

Въ одномъ обществѣ, гдѣ было много молодыхъ людей, играли въ экарше. Одиень пожилой и опышный наблюдашель замѣшилъ, чшо всѣ барышни очень присшально смощрѣли на руки игроковъ, даже и шогда, какъ новые заступали мѣсто прежнихъ. Наблюдашель спросилъ шушя у одной изъ своихъ племянницъ: не подозрѣваешъ ли ужъ

она играющихъ въ какомъ либо обманѣ? — “Нѣтъ, дядюшка! Боже избави меня отъ этого!”, — Такъ для чего же смотрише вы всѣ пакъ приспально на *ихъ руки*? — “Ахъ! опвѣчала она, покраснѣвши: мы желали только удостовѣриться, у всѣхъ ли эшихъ молодыхъ людей есть *сентименты* (кольца изъ волосъ).

“Какъ ты успаль, Дерикуръ! Вѣрно панцоваль? А я было думаль, что ты совсемъ оставилъ панцы., — Я давно переспаль панцовзшь; но теперь масляница, начались маскарады, и я отъ нихъ разоряюсь. — “Вѣрно на покупки разныхъ дамскихъ бездѣлицъ?”, — Нѣтъ, а на экипажи. Вообрази себѣ: многія изъ дамъ, для того что бы не узнали ихъ въ маскарадѣ по экипажамъ, вздумали приняшь меня за челоуѣка вовсе неопаснаго, за пожилаго холостяка и возложили на меня обязанность возишь ихъ въ маскарадъ и опвозишь домой—словомъ сдѣлали изъ меня насшоящаго извоуцика.

Я зналь одну даму, копорая имѣла у себя множесшво плашья всякихъ фасоновъ. Нигдѣ не видалъ я сполько великолѣпна, вкуса и разнообразія какъ въ ея гардеробѣ. При всемъ томъ ходила она обыкновенно

въ самомъ прошомъ капошѣ. Однажды рѣшилъ я сдѣлать ей о помѣ мое замѣчаніе.— “Всякой имѣешь свой вкусъ, оповѣчала она мнѣ: и забавляешься посвоему. Каждое утро пересматриваю я свои платья и люблюю ими шакже, какъ любишеть картинъ, осматривая свою галлерейю.—Но помѣ доставляешь и другимъ случай любоваться и восхищаться его картинами. — “И я то же дѣлаю. У меня есть много искреннихъ приятельницъ, копорыя до этого оуждали мои наряды, какъ бы они хороши ни были; я показываю имъ время опъ времени мой гардеробъ; и какъ онѣ знаютъ, что я не дѣлаю изъ него, собсшвенно для себя, никакого употребленія, то и не пересматриваютъ имъ восхищаться опъ чистаго сердца.

A. E.

О АМПЛИФИКАЦІИ.

Въ 4 N° *Разныхъ Извѣстій Московскихъ Вѣдомостей* нынѣшняго года (Января 13 дня) напечатана слѣдующая любопытная спашья:

“Въ одномъ обществѣ *Литтераторовъ* случился (могъ же случиться!) споръ о почномъ значеніи слова: *амплификація*, въ языкѣ риторическомъ. Одинъ

изъ нихъ утверждали, что *амплификація*—порокъ во всякомъ сочиненіи; другіе утверждали, что она есть напрошивъ того однимъ изъ пособій ораторскихъ, и проч. и проч. Первый наконецъ прибѣгнулъ къ *á posteriori*, всегда убѣдительнонѣйшему всякаго *á priori*, и сказали: “мы разговаривали до сихъ поръ “о разныхъ предметахъ, болѣе, или менѣе для насъ дѣльныхъ, приумолкли “—и заспорили—Богъ знаетъ о чемъ, для “чего — и вотъ настоящая *амплификація*, то есть, пустословіе, наполняющее промежутокъ мыслей и вещей и “въ сочиненіяхъ и въ разговорѣ.”

Посмотримъ что разумѣютъ подъ *амплификаціею* учителя Краснорѣчія, заслужившіе всеобщее уваженіе и признательность. Начнемъ съ *Энциклопедіи*:

“*Амплификація*. (Въ Риторикѣ) форма, которую Ораторъ даетъ своей рѣчи и которая состоитъ въ томъ, что бы показать вещи, или предметы, большими, либо меньшими, нежели каковы они въ самомъ дѣлѣ. Амплификація можетъ имѣть мѣсто во всѣхъ частяхъ рѣчи; она служитъ къ доказательству,

къ изложенію дѣла, къ снисканію благосклонности нашихъ слушателей и къ возбужденію спраспей ихъ. Ею увеличиваетъ Орапоръ и преступленіе и похвалу, распространяетъ повѣствованіе объясненіемъ всѣхъ нужныхъ обспояшельствъ, представляетъ одну и ту же мысль подъ различными видами и производитъ дѣйствія, сообразно своему предмету *).,, — Кажется, это не пустословіе.

Блѣръ, кошорому безъ сомнѣнія всякой повѣришь, въ Риторикѣ своей говоритъ о *амплификаціи* слѣдующее: “Есть

---

*) *Amplification*. En Rhétorique; forme que l'orateur donne à son discours, et qui consiste à faire paraître les choses plus grandes ou moindres qu'elles ne le sont en effet. L'amplification trouve la place dans toutes les parties du discours, elle sert à la preuve, à l'exposition du fait, à consilier la faveur de ceux qui nous écoutent, et à exciter leurs passions. Par elle l'orateur aggrave un crime, exagere une louange, étend une narration par le développement de ses circonstances, présente une pensée sous diverses faces, et produit des émotions relatives à son sujet., — *Encyclopedie*, tome II, in 4°, page 431.

еще одна фигура, о которой долженъ я въ заключеніе упомянуть. Народные Орапоры часто ее упопреляють, особливо въ судопроизводствѣ. Она соспощь въ искусномъ увеличеніи всѣхъ обспощь предмеша, или дѣйствія, копорымъ хопимъ мы поразимъ нашихъ слушателей, или чпшателей, съ добрымъ, либо дурнымъ намѣреніемъ *).

Въ новомъ, превосходномъ и классическомъ сочиненіи Г. Дюброка: *Principes raisonnés sur l'art de lire á haute voix*, шакже упоминается о *амплификаціи*.— “Ни копорая изъ риторическихъ фигуръ, говоримъ онъ: не способствуешь сполько къ выраженію чувствованій, какъ

---

*) “Il-y-a encore une figure, et c'est la dernière dont je ferai mention; les orateurs publics en font frequemment usage, et particulierement au Barreau. Quintilien la nomme *Amplification*, et parait en faire grand cas. Elle consiste dans une adroite exagération de toutes les circonstances d'un objet, ou d'une action que nous voulons rendre frappante soit á bonne ou á mauvaise intention., *Leçons de Rhétorique et de belles lettres, par le Docteur Hugh Blair. tom II, page 141, édit. 1797.*

Амплификація. Она соспоишь въ предспавленіи одной и пои же мысли подь различными видами, дабы сдѣлать чрезь шо впечатлѣніе глубже и сильнѣе. Когда Орапорь умѣеть упошреблять ее съ искусствомъ, шо онъ разчишываеть внушенія, которыя ею произведены будуть. Первыми внушеніями колеблеть онъ души своихъ слушателей, впорыми—шакъ сказашь—подрываеть, послѣдними опровергаеть совершенно.

“Искусвѣйшіе орапоры и писатели наблюдають въ своихъ сочиненіяхъ сіи различныя пошпешенности и могуть служишь въ семъ случаѣ лучшими наспавниками для пѣхъ, которыя спануть чипають ихъ со вниманіемъ. Пошмошрише, какъ Ж. Б. Руссо разумножаеть сію мысль: *всегда ли мы будемь обмануты Фортуною?*

Fortune, dont la main couronne
Les forfaits les plus inouis.
Du faux éclat qui t'environne,
Serons nous toujours éblouis!

“Вопшь первое внушеніе ; за нимъ слѣдуеть впорое, содержащее въ себѣ шуже самую мысль:

Jusques á quand, trompeuse idole,
D'un culte honteux et frivole
Honorerons-nous tes autels?

“Въ прешьемъ внушеніи, которое рав-
нымъ образомъ естъ повпореніе преж-
ней же идеи, нанесенъ послѣдній ударъ:

Verra-t-on toujours tes caprices
Consacrés par les sacrifices,
Et par l'hommage des mortels?

“Сколь бы невнимашельны ни бы-
ли мы, но не въ соспоянніи будемъ про-
шивипься мысли, споль часпо пред-
спавляющейся намъ, когда искусный
чпець выразишь оную со всею посше-
пенною занимашельностію, которая въ
семъ случаѣ необходима. Должно, что
бы пакая мысль насильно вошла въ умъ
нашъ и оспановилась въ ономъ, несмош-
ря ни на какое сопрошивленіе. Весьма
вѣрояшно, что подъ словами: *coria re-
rum et sententiarum*, Лапиняне разумѣли
обиліе идей и силы, которое наполняя
рѣчь жаромъ, спремилось, подобно бы-
спрому пошоку, и разрушало всѣ пре-
грады *).,,

---

*) “*L'amplification est de toutes les figu-
res oratoires celle qui contribue le plus á l'expres-*

Не помню, говорено ли что о *Амплификацији* въ которой нибудь изъ нашихъ

---

sion des sentimens; elle consiste à présenter une pensée sous différentes faces, afin de produire une impression plus forte et plus profonde. Quand un orateur sait la manier avec art, il calcule en quelque sorte le nombre des impulsions qu'elle doit produire: par les premières, il ébranle les ames de ses auditeurs; par les secondes, il les déplace; par les dernières, il les renverse.

Les grands maîtres, dans leurs compositions, observent ces différentes gradations et sont en cela les premiers instituteurs de ceux qui veulent les lire. Voyez comme Rousseau amplifie cette pensée: *serons-nous toujours la dupe de la fortune?*

Fortune, etc.

Voilà une première impulsion donnée; la seconde suit avec la même pensée.

Jusques à quand, etc.

Dans la troisième impulsion, qui ne fait que retracer toujours la même idée, le dernier coup est porté.

Verra-t-on, etc.

Il n'est point d'inattention qui tienne contre une pensée si abstinée à reparaitre, quand un lecteur habile l'exprime avec l'intérêt gradué qu'elle exige. Il faut qu'elle entre dans l'esprit; et qu'elle s'y établisse malgré toute résistance. Il y-a grande apparence que c'était là le *copia re-*

Рипорикъ; но у насъ, кажешся, нѣтъ еще ни одной полной Рипорики. Впрочемъ о сей древней рипорической фигурѣ сказано было и на Русскомъ языкѣ, именно въ разборѣ прекрасной Басни И. А. Крылова: *Лягушки, просящія Царя*. (См. *Благонамѣренный*, N° III, стран. 376.)

И.

~~~~~

О Перискомѣ Благородномѣ Театрѣ.

Письмо къ Издателю.

Въ Журналѣ вашемъ *Благонамѣренномѣ* читалъ я много объявленій и извѣстій о дѣлахъ добрыхъ. Надѣюсь, что и сіи спроки найдушь въ немъ мѣсто *).

Можешь бышь во многихъ городахъ Россіи находящяся благородные шеапры; но

rum et sententiarum des Latins, cette abondance vigoureuse qui faisait que le discours plein de verve roulait à grands flots, et emportait tout avec lui.,,

*) Издатель *Благонамѣреннаго* съ удовольствіемъ и съ благодарностію помѣщать будетъ въ своемъ Журналѣ подобныя сему извѣстія. *Изд.*

не знаю, доставляютъ ли они какую существенную пользу, кромѣ удовольствія. У насъ въ Перми успроенъ шеастръ на общее иждивеніе попеченіемъ *И. И. Р.* Усовершенствованіемъ машины, для мгновенной перемѣны декораций, обязаны Русскому Механику, часовому масперу *Чистякову*. Много было уже спектаклей; но особенно примѣчательны по благотворной цѣли два: въ первый, 27 ч. Октября прошлаго 1822 года играли *Попугая и Подложный Кладъ*, а во второй, 16 сего Генваря *Полубарскія Затѣи*. Сумма, вырученная въ оба представленія, назначена въ пользу бѣдныхъ *). Съ чѣмъ можно сравнить сіе благотѣльное и вмѣстѣ приятное средство помогать ближнему? Сколько семействъ, удрученныхъ бѣдностію и нищетою, найдутъ опраду въ помощи! Нужно ли описывать и можно ли исчислить всѣ случаи, въ коихъ нѣсколько рублей могутъ возвратить, или по крайней мѣрѣ продлить бытіе несчастнымъ? Для благороднаго сердца не нужно краснорѣчивыхъ объясненій: оно понимаетъ счастье — благотворить.

Вообще всѣ пѣсы шли очень хорошо. Декорации славныя, музыка, балеты, пѣвчіе, офиціаншы, освѣщеніе — хоть куда! Желаю

---

*) Сколько же всего собрано? *Изд.*

въ театръ и слыша беспреспанвья и громкія рукоплесканія, сшукъ, крикъ—я не понималъ, какъ не могушь всѣ эти господа забыть, что у нихъ есть руки, ноги и голосъ. — Въ послѣднемъ дѣйствіи, когда приносятъ на сцену умирающаго *Танкреда*, и когда онъ уже умираетъ—*Семенова* показала верхъ своего искусства. — Тихое *браво!* пробѣжало по рядамъ креселъ... и я не слышалъ уже послѣднихъ рукоплесканій. Опустившійся занавѣсъ напомнилъ мнѣ, что я въ театръ. — Я видѣлъ *Семенову* во всѣхъ ея роляхъ, отдавалъ должную справедливость ея таланту; но теперь, еслибъ спросили меня: что думаю я объ этой актрисѣ?—я не сказалъ бы ни слова, смотрѣлъ бы каждый день на афиши и — вмѣсто отвѣта спрашивающему—повелъ бы его съ собой въ театръ, когда назначенъ будешь къ представленію: *Танкредъ*.

Г. Каратыгинъ—молодой Актеръ—много общалъ сначала появленія на театръ; но непомѣрныя похвалы, неимѣніе хорошаго наставника—принудили неопытнаго сблизиться съ прямой дороги. Жаль было смотрѣть, какъ гибли въ немъ рѣдкіе дары природы, споль щедро ему удѣленные. Особенно въ послѣднее время.... Не могу вспомнить равнодушно игру его въ роль *Пирра* — человекъ изъ силъ выбивался опъ неуспѣшнаго и ужа-

спаго крика!—Къ счастію его—эша роль была послѣднимъ доказательствомъ, что и драгоцѣнные камни опъ дурной полировки перяютъ свое достоинство. — *Каратыгинъ* явился на сцену вмѣстѣ съ *Семеновой* — и ужь не шопъ, что былъ. *Фингалъ* и *Танкредъ* — вотъ пока двѣ роли, въ кошорыхъ надобно смопрѣшь *Каратыгина*. Его узнашь иельзя—въ немъ шѣни прежней игры не оспалось. Примѣшно, что онъ подражаетъ *Семеновой* и подражаетъ съ большимъ успѣхомъ. Я никакъ не согласенъ съ мнѣніемъ нѣкоторыхъ театральныхъ судей, будшо *Каратыгину* нельзя учиться у *Семеновой*, пошому шолько что онъ *Актеръ*, а она *Актриса*. Желалъ бы, чтообъ доказали мнѣ эшо чемъ нибудъ основательнымъ; а до шѣхъ поръ оспалюсь въ прежнихъ мысляхъ, что *Семенова* есть образецъ каждому молодому прагическому артисту. Но обратимся къ игрѣ *Г. Каратыгина*. Не понравилось мнѣ въ немъ шолько одно; въ послѣднемъ явленіи самые послѣднія слова сказаль онъ превосходно; но передъ темъ, какъ умирашь, казался не споль слабымъ, какъ бы надлежало. Исключая эшо явленіе, всю роль *Танкреда* выдержаль опъ очень хорошо, прекрасно! Чувствоваль—не по заказу—однимъ словомъ:

Танкредъ спойлъ *Аленаиды*. Сердечно желаю *Г. Каратыгину* дальнѣйшихъ успѣховъ *).

Нужно ли послѣ *Семеновой* и *Каратыгина* говорить о *Гг. Толеновѣ, Борецколы, Макси-нѣ,* и проч.—*Г. Радинѣ* въ эпопѣ разѣ игралъ лучше, нежели обыкновенно играетъ, и лучше другихъ.

Р.

~~~~~

Анекдоты.

I.

Остроумная цукоризна.

Одна молодая, прекрасная и любезная женщина, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ своей свадьбы, была вовсе забыта, оставлена своимъ мужемъ, который такъ приспращился къ охотѣ, что нѣсколько недѣль сряду не бывалъ дома.

Остроумная полувдовушка вздумала отъ скуки вывязать для нѣжнаго своего супруга яхташъ изъ бисера, который обыкновенно употребляется на кошельки, и ш. п. На перевязи изобразила она всѣ принадлежности

---

*) Не лишнимъ нахожу замѣтить, что онъ не всегда удачно *костюмируется*. Р.

бхопы. Посреди же яхпаша, въ медальонѣ, предспавила Медора, любимую собаку своего мужа, со слѣдующею вокругъ надписью: *Натато въ день вашего отбѣзда и кончено до вашего возвращенія.*

Съ Франц. А. Е.

2.

Растетъ въ постоянствѣ.

“Помилуйше, сказала однажды спарый Жениховъ: помилуйше, прелеспная Александра Пешровна! Съ Апрѣля мѣсяца прошедшаго 1819 года я люблю васъ шакъ спрасшно—и по сіе время лишаете вы меня надежды получитьъ когда либо вашу руку! Гдѣжь награда за *постоянство?*..., — А давно ли мы знакомы? спросила Саша—“Я носиль еще васъ на рукахъ..., — И съ шѣхъ самыхъ поръ, ошвѣчала Саша: я *постоянно...* шерпвиль васъ не могу; согласишесь - же, что *право давности* на моей споронѣ. —

Р.

~~~~~

САТИРИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА,

или

САТИРА НА ГАЗЕТЫ *).

И .... 8 Января 1823.

Наши молодые дворяне и дворянки не говоряшь уже болѣе между собою порусски, да и не имѣюшь въ помѣ надобности, пошому чшо свободно объясняюшся на Французскомъ языкѣ и понимаюшь, хопя и не всегда, другъ друга. Всѣхъ лучше говоришь шеперь пофранцузски въ нашемъ уѣздѣ Гжа Жеманина, молодая, весьма любезная дама. Недавно на вечеринкѣ одинъ молодой человекъ просилъ ее танцовашь кадрили. — *Monsieur*, отвѣчала она: *depuis que je suis derrière mon mari, je ne danse plus.* — Зашла какъ-то рѣчь о Бородинскомъ сраженіи. — *Mon frère dans le second genre*, сказала Гжа Жеманина: *у fut blessé par une poule dans le caviar et pour cela il a reçu une cavalerie.* — Къ этому самому двоюродному своему брашцу написала она мастерски на Французскомъ языкѣ поздравительное съ новымъ годомъ письмо,

---

*) Смолтр. *Письма на Кавказѣ. Сынъ Отечества* 1823. № 3. строк. 114.

которое начала слѣдующими словами: *mon père, mon frère, mon pigeon* (*батьюшка-братецъ, голубчикъ*). Повѣряешь ли, что Гжа Желанина при года только училась въ пенсіонѣ и усовершенствовалась въ эпическій языкъ сама собою съ помощію *Самоучителя* и прочихъ учебныхъ книгъ, печатаемыхъ иждивеніемъ благонамѣренныхъ и просвѣщенныхъ нашихъ книгопродавцевъ.

Г . . . 15 Января 1823.

На Свяшкяхъ представлена была на здѣшнемъ охотничьемъ шастрѣ превосходная Драма въ пяти дѣйствіяхъ: *Валеріанъ, или мужъ двухъ женъ*. Роль Зинаиды играла вдова бѣлошейка *Замарашкина*, а Софія младшая сестра ея дѣвица *Шутихина*. О сей послѣдней можно сказать поже, что говорилъ *Валеріанъ Вѣтрогону* о своей любезной: *въ ней быстрота Французская, простота Англическая и красота всѣхъ земель*. И подлинно: у дѣвицы *Шутихиной* шалія Лапландская, грудь Фламандская, носикъ Грузинской, рошикъ Абиссинской, глаза Бухарскіе, брови Татарскія, Арабскія губы и самыя черныя Русскія зубы. Жаль только, что она немного заикается и прихрамываетъ на одну ногу. *Валеріана* представлялъ Канцеляристъ *Угаровъ*, молодой, высокой, здо-

ровой человекъ и первый въ нашемъ городѣ
басисшъ. Когда онъ въ прешьемъ дѣйствіи
крикнулъ: *вы хотите оставить меня на рас-*
хищеніе всѣхъ ужасностей!—то всѣхъ зрише-
лей, въ паршерѣ, въ креслахъ и въ лежахъ,
привель въ ужасъ. Одна купчиха 3й гильдіи
въ райкѣ такъ испугалась, что упала на-
взничъ и сронила съ головы плашокъ. *Замара-*
рашкина была неподобна въ той сценѣ впо-
раго дѣйствія, гдѣ *Зинаида* прощается съ
сыномъ и *опуская его съ рукъ*, дѣлается по-
нелногу сумасшедшею. Многія изъ чувствви-
предьныхъ зрителей и зрительницъ не могли
удержаться отъ слезъ. Дѣвица *Шутихина*
очень натурально бранилась въ 3 актѣ съ
Валерианомъ и съ чувствомъ назвала его
подлымъ прелестникомъ и *наглымъ обманщи-*
комъ. По окончаніи представленія закричали:
Автора! Автора! Угарова! Замарашкину! Шу-
тихину! Шутихину! — Поднялся занавѣсъ и
вышелъ Канцеляристъ *Угаровъ*, держа за
одну руку вдову *Замарашкину*, а за другую
дѣвицу *Шутихину*. Одинъ молодой стихо-
творецъ написалъ на игру послѣдней спихи,
кошорые за неимѣніемъ въ нашемъ городѣ
шипографіи еще не напечапаны.

Справка о квартирѣ.

Г. *Гостелюбовъ* приглашалъ меня къ се-
бѣ запросто обѣдать въ минувшій *тетверѣ*;
но я будучи опозванъ въ пошъ день на

большой именинной обѣдъ къ опшкупщику, не могъ бытъ тогда у Г. Госпелюбова, а когда пришелъ къ нему въ *субботу*, по мнѣ сказали, что онъ въ *пятницу* переѣхалъ на другую кварширу, полько куда неизвѣстно. Пользуясь его благосклонностію и особенно гостепріимствомъ, я покорнѣйше прошу сотрудниковъ моихъ по завпракамъ, обѣдамъ и ужинамъ увѣдомить меня о насшоащемъ мѣстѣ его жишельства.

Гастрономовѣ.

Отдага напрокатѣ.

Въ новооткрывшемся Галимашическомъ магазинѣ, опдающа напрокатъ разные перваго сорта опборныя піищическія выраженія, какъ шо: *баловень*, *сладострастіе*, *упоенье*, *таши*, *былое*... Тупъ же можно получить также напрокатъ причастія и сущесшвишельныя имена, совершенно прошивуположныя между собою, напрімѣръ: *вбющее дыханье*, *вбющій сонъ*, *ерустящую ночь*; также видѣтъ рѣдкости, напрімѣръ: *толпу слѣпую*, *ночь съ ветра до полночи*, *глаза выросшіе на рябинѣ и березѣ*, и проч.

Програшца.

Общество испребителей скуки приглашаетъ Г. г. любителей опечесшвенной сло-

весности занятыя сочиненіемъ *новыхъ* *общихъ* *разговоровъ*, которые могли бы замѣнить людямъ, нуждающимся въ предметахъ къ разговору, обыкновенныя повпоренія: *Здоровы ли вы?—Такъ-то-съ!—Какая погода!—Какъ скоро прошли праздники!—Не видать времени!* и проч.—За лучшее сочиненіе назначается въ награду золотая медаль въ 50 червонцовъ.

Приглашенія.

I.

Нѣкто изъ лишпературныхъ баловней, недавно вышедшій изъ училища, желаетъ познакомиться съ изеѣспными стихотворцами и составитъ себѣ репутацию. Онъ проситъ каждого изъ нихъ написать къ нему по одному похвальному посланію, въ эропическомъ, или въ элегическомъ родѣ, *съ ташами бытія*, или *съ отцвѣтшею душою*, или по крайней мѣрѣ *борьбою съ рокомъ* и ш. п., обязуясь на каждое *поотереди* отвѣчать двумя посланіями. Онъ же будетъ дѣлать разборъ ихъ стихотвореній и докажетъ, что всѣ онѣ *классическія*. Онъ же берется бранить всякаго, кто имъ не нравится. Онъ же обѣщается посвящать каждому изъ нихъ по дюжинѣ мѣлкихъ стихотвореній въ разныхъ книжкахъ. Адресовавшись можно въ который нибудь изъ здѣшнихъ лишпературныхъ журналовъ такимъ образомъ: *Посланіе къ юному баловню.*

Къ портрету Карамзина.

Зоиловъ переживъ, онъ славою покрытый,
 Въ попомство позднее преидеть:
 Испорія его—переживешь гранипы,
 И онъ—въ Испоріи народовъ не умреть.

Москва.

Николай Яковлевъ.

Въ албомъ Надеждъ ***.

Ей *Надежды* не напрасно
 Имя Грація дала:
 Какъ *Любовь* она прекрасна,
 Какъ *Надежда* всѣмъ мила.
 Гдѣбъ сна ни появилась,
 Ей легко сердца плѣняшь;
 Счастливиъ шощь, комубъ рѣшилась
 Хошь *надежду* къ счастью дашь!

Б. Федоровъ.

БЛАГОНАМЪРЕННЫЙ.

1823. № IV

ГОДЪ ИСПЫТАНІЯ.

Сицилійская Поевств.

Начинался Июль мѣсяць; въ Палермѣ праздновали день Свяшой Розалии, покровишельницы сего города. Длинные процессіи шествовали по улицамъ и площадямъ, покрытымъ богатыми коврами и усыпаннымъ розами. Величественный колокольный звонъ, частые душевные залпы, благоговѣйное пѣніе духовесшва, очаровательная приятность времени, роскошь предельнаго въ странѣ, которая кажется роскошнымъ садомъ природы, однимъ словомъ, все призывало жителей Палерма и иностранцовъ наслаждаться симъ праздникомъ. Въ сей-то день Рикардо, храбрый Рикардо, котораго слава гремѣла тогда по всей южной Италіи, обремененный добычами ошь варваровъ, имѣ

побѣжденныхъ, прибыль въ Палермо. Желая избѣжать почестей, копорыхъ страшилась его скромность, присутствовалъ онъ при празднествѣ, сокрытый въ толпѣ зрители и въ сопровожденіи одного шодько Антоніо, достойнаго своего сподвижника. Уже хотѣли они выйти изъ церкви, какъ двѣ дамы, усиливаясь приблизиться къ главному алтарю, прошлись довольно близко возлѣ нихъ. Рикардо успѣшилъ дать имъ мѣсто. Младшая, сколько изъ любопытства, сколько же, можетъ быть, и изъ признательности, обернулась къ нему, поблагодарила его и потомъ пошла за своею подругою; но удаляясь, еще разъ взглянула робко на вѣжливаго кавалера.

Въ лѣтсписяхъ любви нерѣдко упоминають о взорѣ, подобномъ молніи; за копорымъ мгновенно слѣдуешь громовый ударъ. Таковъ безъ сомнѣнія былъ взоръ, поразившій глаза молодаго героя. Восхищенный, внѣ себя, увлекаетъ онъ своего друга. "Пойдемъ за нею, сказалъ онъ: пойдёмъ, Антоніо! мы увидимъ ее.,, Но уввы! Рикардо возвратился печально

въ свое жилище, не опыскавъ въ шолпѣ прелестной незнакомки.

Камилла, съ своей стороны, почувствовала, при видѣ шоль прекраснаго кавалера, впечатлѣніе, совершенно для нее новое; но оно продлилось не болѣе минушы : счастливая среди любимаго сѣмейсва, Камилла не испыала до сего времени никакого беспокойсва; никогда еще счастье ея не было возмущено печальными помышленіями, никогда глаза ея не орошались слезами. Веселость, невинныя удовольствія украшали приятные дни ея жизни, и будущее открывалось предъ нею, подобно прекрасной опдаленности, которую не зашмѣваетъ ни одно облако.

Лишь шолько солнце спустилось къ предѣламъ горизонца, Рикардо вышелъ съ неперпѣніемъ и успремился къ горѣ *Пеллегрино*, куда шолпы народа несли свои обѣшы и свои жершвы. Оба друга посѣпили часовни, алшари и обшели, сооруженныя на скашѣ сей горы, живописной своимъ положеніемъ и священной; они пришли наконецъ къ небольшому храму, гдѣ Свяшяя Розалія

изображена въ видѣ юной, спящей дѣвы. Здѣсь, всякій пришлецъ приносилъ свою молитву и свои цвѣты. Какую радость почувствовалъ Рикардо, узнавъ среди окружавшихъ Свящую набожныхъ женщинъ, красавицу съ прелестными взорами. Благочестіе, невинность и счастье изображались на лицѣ Камиллы. Споя на колѣнахъ предъ изваяніемъ Св. Розалии, она положила на пьедесталь гирлянду изъ пестрыхъ розъ, весьма рѣдкихъ въ то время и отличныхъ своею свѣжестью; потомъ, послѣ коронкой, но жаркой молитвы, удалилась.

Рикардо посѣщилъ заняты мѣсто, которое оставила незнакомка. Дерзкій осмѣлился даже похитить у Святой одну изъ розъ, ей посвященныхъ. Онъ прижалъ ее къ своему сердцу, и восхищаясь сею добычею, вышелъ съ Антонио. Въ ту минуту, когда они достигли подошвы горы, Камилла садилась въ карету. Агаша, которая еще по утру замѣтила набожнаго кавалера, увидѣла теперь случайно розу, сіявшую на его одеждѣ; она сказала о томъ своей подругѣ, забавляясь симъ открытіемъ,

и краска Камиллы показала ей то, чего еще сама Камилла почти не знала.

Кареша остановилась — Рикардо узнавал жилище одного благородного Сицилианца; родственника своей фамилии, и что Камилла была единственная его дочь. Антонио, думая, что друг его воспользуется сим счастливым открытием, поздравил его. — Ишакъ, сказалъ онъ: ты знаешь теперь кто твоя прекрасная, можешь вскорѣ просить руки ея, и безъ сомнѣнія получишь., — Нѣтъ! воскликнулъ Рикардо: я получу ее, но не такимъ образомъ; чего могу надѣяться въ этомъ случаѣ, кромѣ холодной, наружной благосклонности; происходящей отъ такихъ расчешовъ, которыми я гнушаюсь? Нѣтъ! ежели не успѣю подъ чужимъ именемъ вдохнуть любви въ сію несравненную дѣвицу — любви, которую самъ чувствую, тогда удалюсь отъ нее, и откажусь отъ лестнѣйшей своей надежды. — Несмотря на всѣ представления своего друга, Кавалеръ упорствовалъ въ семъ намѣреніи.

Когда Камилла призналась самой себѣ въ сей склонности, которой сперва

не понимала, по'рѣшилась не подавать ни малѣйшей надежды молодому незнакомцу, если не будетъ онъ стараться заслужить ея уваженіе и всей ея фамиліи, и въ продолженіи *цѣлаго года*, не покажетъ ей очевидныхъ опытовъ неизмѣнной любви. Сіи намѣренія, которыя довольно трудно было согласишь между собою, исполнены съ той и съ другой стороны съ величайшею твердостью. Рикардо продолжалъ искать вездѣ прекрасной Камиллы; но напрасно представлялся онъ, такъ сказать, пѣвню, которая вездѣ преслѣдовала ее: она не примѣчала его, а если когда и бросала на него невольный взоръ, по удивленіе, изображавшееся въ прелестныхъ глазахъ ея, показывало, что она не понимала причины скучной его неопшшупности. Онъ открылъ себѣ входъ къ высокимъ особамъ, находившимся въ связи съ родителями Камиллы; встрѣчалъ ее на гуляньяхъ, на празднествахъ, въ кругу блестящихъ обществъ; иногда даже удавалось ему говорить съ нею. Но ахъ! Камилла убѣгала его съ чрезвычайнымъ стараніемъ, и когда принуждена

была отвѣчать на его слова, по говорила такимъ равнодушнымъ, такимъ непринужденнымъ тономъ, что всякій любовникъ, не столь гордый, какъ Рикардо, лишился бы послѣдней надежды. Нерѣдко провожалъ онъ ночи въ великолѣпныхъ садахъ, окружавшихъ палаты Камиллы, и въ молчаніи пробирался подъ ея окна, гдѣ часто слышалъ, какъ она играла на люливъ и пѣла. Иногда осмѣливался онъ присоединить жалобные звуки къ нѣжному голосу своей любовницы, и изъяснялъ ей любовь свою въ спрассныхъ романсахъ. Но жестокая, умолкнувъ на минушу, начинала съ живоспѣю какое нибудь быстрое *престо*; и вдругъ огонь исчезалъ у нее въ комнатѣ, стеклянныя двери ея балкона зашворялись. Рикардо, приводимый въ бѣшенство такимъ презрѣніемъ, приходилъ жаловаться къ Антонію. “Нѣтъ, она не любитъ меня! вскричалъ онъ однажды: и кажешься никогда не будешь любишь!”, — Но что скажешь ты, возразилъ Антонію, если я докажу тебѣ, что она любитъ тебя? — “Какъ! прервалъ Рикардо: не уже ли ты пославляешь ее въ

числѣ тѣхъ женщинъ, которыя забавляюся мученіями своихъ обожателей, не будучи однако къ нимъ нечувствительными?,, — Нѣтъ, это значило бы оскорблять ее. Но я научу тебя: желаешь ли знаешь что происходитъ въ ея сердцѣ?—Прииворись равнодушнымъ къ ней, спарайся возбудишь въ ней ревность, и тогда... ежели печаль ея не откроешь тебѣ тайны ея сердца... — “Тогда я оставлю ее!,, — Оставь—сказала Антонию, обнимая своего друга.

Съ сей минуты Рикардо спарался скрывать предъ Камиллою свои чувствованія. Онъ удалился отъ мѣстъ, которыя она посѣщала. Вѣроломный по натурности, приспалъ онъ къ обществу одной молодой, любезной Маркизы, не столько извѣстной строгостію своихъ правилъ, сколько своею красою. Вскорѣ среди толпы окружающихъ ее обожателей, опличила она прекраснаго иностранца.

Между темъ часъ горести ударилъ для Камиллы. Теперь не находила она болѣе возлѣ себя того, котораго швердое постоянство поддерживало доселѣ

ея надежду. Любня еще была слышна, но гармоническіе звуки ея струнь перялись въ безмолвіи. Не прошло еще и половины года, назначеннаго для испытанія, и счастье Камиллы исчезло. Вскорѣ спала она упрекашь себя въ холодной своей разборчивости, и однажды ввечеру, встрѣпивъ Кавалера на одномъ великолѣпномъ балѣ, почувствовала шайную радость, заставлявшую претепашь ея сердце; она забыла годъ испытанія и рѣшились обойтись съ нимъ нѣскольکو благосклоннѣе прежняго. Но гордый Рикардо, нечувствительный въ свою очередь, съ холоднымъ видомъ прошелъ мимо ея, поклонился ей равнодушно и спѣшилъ подашь руку кокепкѣ Маркизѣ. Камилла, удивленная симъ поспупкомъ, почувствовала первый разъ въ жизни, что люди могушь спрадашь. Терзаясь ревностію, чемъ болѣе смопрѣла на Рикардо, темъ болѣе увѣрялась, что онъ переспалъ любить ея. Окруженная шолпою юныхъ подругъ и привѣпливыхъ кавалеровъ, спаралась она скрывать свое спраданіе подъ личиною разсѣянности и удовольствія; но не въ силахъ буду-

чи наконецъ показывашь спокойствіе, котораго душа ея была споль чужда, съ неперпѣніемъ ожидала минуты отдыха. Увы! среди ночной тишины, мстительная любовь лишила ее совершенно того спокойствія, которымъ, казалось, наслаждалась она въ волненіи забавъ. На другой день вспала она блѣдная, помная, спраждающая; уныло пошла осмощрѣшь свои цвѣшны, своихъ пшичекъ, всѣ невинныя забавы, увеселявшія ея дѣпшво; но напрасно взоры ея обращались къ нимъ, слезы наполняли глаза ея и обнаруживали смущеніе ея души. Она еще хощла припворспвовашь передь Агашою; но одно слово сей послѣдней привело ее въ шрепешь. — “Напрасно скрываешь свои чувства, сказала она ей: я знаю ихъ, и знаю также чувства одного любезнаго иностранца., — Ахъ! любезная Агаша, не говори мнѣ больше объ эшомъ, прервала Камилла. — Нѣшь, я должна говорить: ты шакъ печальна отъ шого, что почишаешь его нешпояннымъ; но ты въ заблужденіи: онъ вовсе не шаковъ. Ежели убѣгаешь онъ шебя, ежели расшочаешь учшивости пе-

редь Маркизою, что это все только для того, что бы испытать тебя; наказавъ за твою холодность и давъ тебѣ почувствовать мученія, которыя ты ему наносила.,—Ахъ! какъ умѣешь ты отгадывать; вскричала Камилла, улыбаясь; но милая Агаша, проникательность твоя не въ одномъ ли только твоёмъ воображеніи?., — Нѣтъ, продолжала Агаша: я имѣю очевидныя доказательства. Развѣ не могла я замѣтить, сколько труда стоило твоему любовнику показать, что онъ единственно занявъ новую твою спрассію? Однако же напрасно онъ припворялся: я слышала, какъ Рикардо говорилъ своему другу съ выраженіемъ живѣйшей горести: *это мнѣ еще дѣлать для нарушенія ея спокойствія? Она жива, какъ Грація; прыгаетъ, смѣется и не показываетъ ни малѣйшаго ко мнѣ вниманія. Ахъ! никогда не любила она меня!* — “Не уже ли ты это слышала, любезная Агаша!.,—и Камилла обняла ее; но вскорѣ, спыдаясь своей слабости, обратила разговоръ на другой предметъ.

Предавшись послѣ того горестнымъ

размышленіямъ, оскорбилась она испытаніемъ, которому хопѣль подвергнушь ее незнакомецъ. Такая дерзость привела ее въ негодованіе и она рѣшилась оказывать къ нему еще болѣе холодности, нежели прежде. Между темъ Рикардо не зная, что поняли его намѣреніе, слѣдоваль съ упорствомъ, хопя и прошивъ воли, своему плану. Онъ оказываль всевозможныя угожденія и знаки сильнѣйшей привязанности къ Маркизѣ. Камилла имѣла жестокость рукоплескать онымъ и превозносишь вкусъ и тонкость въ обращеніи Рикардо. Такимъ образомъ сія борьба гордости и любви продолжалась около осьми мѣсяцовъ. Наконецъ Рикардо, приведенный въ отчаяніе, потеряль все шерпѣніе и рѣшился оставишь Палермо. Будучи столь же швердъ въ своихъ намѣреніяхъ, сколько нѣженъ въ своихъ чувствованіяхъ, уѣхаль онъ въ шопъ же самый день.

Кто можешь описашъ горестъ Камиллы, когда переспала она видѣшьясь съ Рикардо. Всякій день упѣшала себя надеждою, что завшра его увидишь; прошло много дней, прошло и нѣсколько

мѣсяцовъ; но нигдѣ не видѣла его и не слыхала даже объ немъ. Тогда - то лишившись своей гордости и своего мужества, открыла она вѣрной своей приятельницѣ все, что чувствовала, призналась въ своихъ заблужденіяхъ, но слишкомъ поздно. Веселость ея исчезла, здоровье разстроилось; родилели и приятельница пререпали о ея жизни. Забавы, предлагаемыя ей, были бесполезны. Воспоминаніе о любовникѣ, котораго сдѣлала она несчастнымъ, наполняло всѣ ея мысли и удаляло отъ нихъ спокойствіе. Единственный призракъ счастья находила она въ посѣщеніи церкви Святой Розаліи. Тамъ съ утѣшеніемъ приводила себѣ на память минуты, слишкомъ скоропечныя и сладостныя; тамъ жаркая молитва ея испрашивала у святой угодницы счастья злополучному незнакомцу.

Опять пришелъ Іюль мѣсяць. Палермо опять усыпанъ былъ цвѣтами. Гора, посвященная Святой Розаліи, покрылась благочестивыми посѣпителями. Рикардо, котораго до сего самаго дня считали въ окрестностяхъ города, съму-

ченіемъ думаль о семь праздникъ, на копоромъ увидѣль первый разъ Камиллу. “Увы! говорилъ онъ: цѣлый годъ нѣжнѣйшей любви принесъ мнѣ одну только розу, розу нынѣ увядшую, печальную эмблему моего сердца! Хочу видѣть Камиллу! Такъ, увижу ее еще одинъ разъ, и попомъ пойду сражашься за опечество и искашь смерти.,,

На разсвѣтѣ сего самага дня Камилла побѣжала въ церковь; и она шакже надѣялась увидѣть незнакомца: сей единственнѣйшей милости испрашивала она у Свяшой, и всѣ ея желанія, всѣ жертвы соединены были съ надеждою и любовью. Съ шрепешомъ размашривала она шолпу народа, которая начала наполняшь церковь, и не видѣла въ ней своего любезнаго. Одинокая, угнѣтенная горестію среди всеобщаго шоржештва, Камилла возвращилась въ свои палаты и во внушренности оныхъ скрыла ото всѣхъ печаль свою. Около вечера, Агаша пригласила ее посѣпшишь гору Пеллегринѣ. Приближаясь къ главной часовнѣ, увидѣли онѣ приятное сіяніе, опражавшееся на фиговыхъ и каші-

шановыхъ деревьяхъ, освѣнявшихъ входъ къ одному гробу. Привлеченныя любопытствомъ, подходящъ онъ ближе и видящъ въ глубинѣ гроба нишу, освѣщенную прекрасными люстрами и украшенную богатыми коврами, кошорыхъ красивыя киспи опирались на вѣшняхъ плуща. Вблизи, на дерновой скамьѣ, сидѣлъ Пилигримъ въ глубокомъ размышленіи. Взоры его устремлены были на изваяніе Святой Розаліи, копорой предспаль украшенъ былъ гирляндами песнрыхъ розъ. Бальзамическій запахъ сихъ цвѣтовъ и разнообразныя ихъ краски, привели на память Камиллѣ другія минушы, другія розы. Агаша спросила у Пилигрима; можно ли помолишься у сего полеваго алшаря?—“Войдише, если угодно, ошвѣчаль онъ, и посмоприте на жершвенникъ., Камилла услыша его голось, зашренешала и скрывая лице свое на груди Агашы, вскричала внѣ себя: “О Свяшная Розалія! шы меня услышала!.,— Камилла! сказаль шогда Рикардо нѣжнымъ голосомъ; могу ли вѣришь симъ приашнымъ словамъ, предвѣщающимъ мое счаспіе?—И онъ обнялъ ее одною рукою.

“Но кто вы? какого рода и какъ имя ваше?,, спросила она прерывающимся голосомъ и шихо опшпалкивая опъ себя его руку.—Я шопъ, опвѣчалъ онъ, кошорый любишь васъ цѣлый годъ безъ всякой надежды: я вашъ родспвенникъ; имя мое Рикардо.—“Боже мой! сказала Камилла: ишакъ эшо вы, кошораго подвиги удивляли и восхищали мое дѣшпство: вы слава и чеспъ моей фамиліи, и вы же предметъ всѣхъ моихъ помышленій! Ахъ! какъ я счасплива!,, — Рикардо, упоенный любовью, бросился къ ногамъ прекрасной Камиллы..... — годъ его испышанія кончился.

М. Шкловъ.

Съ Франц. Гр...скій.

~~~~~

ЗАВѢЩАНІЕ МАГИСТРАТСКАГО ПОВѢТЧИКА.

Азь, окаянный червь, и плѣнный человекъ,
Влача до шароспи свой многгрѣшный вѣкъ.
Послѣдній изъ рабовъ, и изъ меньшихъ ни-
жайшій,
Оспавлю Магисшрапъ, дѣшею и свѣпъ дра-
жайшій,

Но что прискорбнѣе, дражайшій мой ла-
 рець!—
 Иденьгамъ и Судамъ, всему ешь свой конецъ!
 Увы! ни въ мѣръ семъ, ни въ помъ не
 успокоюсь;
 Повышьемъ управляшь уже не удоспоюсь!
 Изъ брѣннаго Суда—прейду въ небесный Судъ.
 Увы, мнѣ грѣшному! Тамъ денегъ не дадутъ:
 Я буду шамъ ничто, какъ Секретарь въ
 опсшавкѣ.
 Не вспомнешь шамъ о просьбицѣ, иль
 справкѣ,
 Не подведешь тогда спашейку, иль Указъ:
 Указы полковашъ—шамъ знаюшь лучше насъ.
 Гдѣ будущъ равны всѣ: Судья, купецъ, по-
 садской,
 Не спрашенъ никому Повышчикъ Магистр-
 рапской!
 Тамъ рангъ у всѣхъ одинъ: Лука, Андрей,
 Наумъ,
 Съ прешензій въ дѣлахъ осшавягъ споръ и
 шумъ;
 И я, кончая пушь сей жизни, смершной,
 крапкой,
 Обьяшый внутренно шрясучей лихорадкой,
 Все плѣнно, вопію! все прахъ и снѣдь чер-
 вямъ . . .
 И чупъ ли за свинець—я серебра не дамъ!—
 То правда, что дойдя въ высокій рангъ по-
 вышья,

Несправедливыя чинилъ я челобитья;
 Предъ свѣтомъ исповѣсь, кривилъ душой,
 по вѣмъ!
 Но въ томъ съ мірянами не разнюся ни-
 чемъ.
 И если бранямъ былъ участникомъ и спо-
 рамъ,
 Стараясь угождашь Дьякамъ и Прокурорамъ,
 То въ оправданье мнѣ пускай хопъ, по воз-
 мупъ,
 Что я хошѣлъ шакъ жишь, какъ многіе жи-
 вушь.
Духъ бодръ, плоть не мощна! При жалованьи
 маломъ
 Пробавишься нельзя указнымъ капиталомъ!
 Купцы насъ голодомъ гошovy уморить;
 Такъ намъ ли за пруды съ нихъ денегъ не
 просить?
 То не доспанешъ дровъ, по въ домъ худы
 пруды,
 То дѣши безъ сапогъ, женѣ — зимой нѣшь
 шубы;
 Проси мнѣ, Господи! себя ли не жалѣшь?
 Тогда бы я не могъ и шелеха имѣшь!

1. Пунктъ.

Законные плоды Пульжеріи Пепровны,
 Бавила и Евспрашъ, служилели церковны,
 За доброголасіемъ на клиръ возведены,
 Къ вамъ нынѣ обращусь, возлюбленны сыны!

Въ залогъ бывшіе ошь барыни Мошовой,
Капошы: бархашной, да шелковой лиловой—
Въ приданое даю родной сестрѣ моей,
Да жемчугъ въ тысячу, да серьги въ сто
рублей.

Ошцу Духовнику пуховую перину;
Кумѣ Цѣпляевой Голландскую каршину,
Органы спарые, да съ бронзою бюро,
Тафтянную маншиль, апласное фуру,
И давнюю ошь ней не помянуеши злону,
Въ придачу ошдаю глазешовую робу!
А книгъ любилелю, кошорый мнѣ чипаль—
Газешы, прейсь-кураишь въ шаможиѣ доспа-
валь,

Опказываю я Указы въ насшавленье,
Словарь...пришелъ мой часъ!...Словарь и Уло-
женье:

Да вникнешъ въ глубину премудрости зем-
ной,
И какъ богашымъ бышь — ошщепиъ ключъ
злапой.

Пришелю Кузьмѣ, бесѣду помия сладку,
Дашъ шубу съ собольми, да чернолисю
шанку,

И алыи, золошомъ весь вышитый мундиръ,
Кошорый заложилъ покойникъ Бригадиръ:
Пусть грѣшнаго меня не лихомъ поминаюшь!

3 Пунктъ.

Вышереченное да свяшо исполняюшь,
И всѣ наслѣдники согласно волѣ сей

Я скажу, любезный Князь!
 Много ппичекъ между нами!
 Точно поже въ жизни сей:
 Мы плѣняемся дарами
 И наружносью людей!
 Сердце по виду гадаемъ
 И съ улыбкой довѣряемъ
 Лестни мнимыхъ намъ друзей.
 Насъ въ бѣду ведешъ оплошнось;
 Будемъ поздно мы жалѣшь,
 Если спутницей имѣшь
 Не, хотѣли оспорожнось.

Б. Оѣдоровѣ.

~~~~~

САДОВНИКЪ.

Притга.

Расли левкои на грядѣ,
 И къ нимъ Репейникъ прилѣпился!
 Садовникъ Фирсъ въ шакой бѣдѣ
 Поплакаль, пошужилъ—и наконецъ рѣшилъся,
 Чшо бы усилишься Репейнику не дашь,
 Гряды не поливашь.
 Репейника въ три дни какъ будшо не бывало...
 Да чшожь съ Левкоями-шо спало?

*

Кшо споришь! надобно худое испребишь;
 Но съ нимъ хорошаго не надобно губишь.

— но —

~~~~~

Надеробіе Н. В. Смирнову.

Другъ чести, правошы, онъ блеска не искалъ,
 Могъ далѣе иди во слѣдъ своей Форшуны:
 Но уклонясь суешь—въ полу-пуши онъ спалъ;
 Презрѣлъ ея дары, презрѣлъ ея перуны.

Б. Федоровъ.

~~~~~

Къ нарисованнымъ цвѣтамъ, подѣ
 которыми изображенъ Амуръ.

Темира! здѣсь цвѣшы прекрасны;
 Но прелестъ ихъ обманъ для глазъ:
 Мѣста шѣ болѣе опасны,
 Куда приащность манишь насъ.

*

Будь осторожна! подѣ цвѣшами
 Коварный мальчикъ часто скрываетъ:
 Онъ беззаботную стрѣлами,
 Шуша, невинность уязвитъ.

Б. Федоровъ.

~~~~~

М. Н. С—ой.

(Къ портрету ея брата, погибшаго въ сраженіи подъ Рущукомъ въ 1810 году.)

Недолго здѣсь гостилъ небесъ достойный
жизель:
Отчизнѣ, какъ герой, онъ въ жершву жизнь
принесъ,
И время медленный, но вѣрный ущѣшилъ;
Родныхъ не осушило слезъ:
Хоть не даль мнѣ узнатьъ Рокъ, юношѣ зло-
счастной,
Его любезныхъ свойствъ, его души прекра-
сной —
На эпошъ милый видъ довольно бросить
взглядъ;
Чтобъ отгадать, что онъ вамъ
братъ.

Б. Федоровъ.

~~~~~

Надѣробіе Н. В. Смирнову.

Другъ чести, правоты, онъ блеска не искалъ,
Могъ далѣ идти во слѣдъ своей Форшунѣ:
Но уклонясь суешь—въ полу-пуши онъ спалъ;
Презрѣлъ ея дары, презрѣлъ ея перуны.

Б. Федоровъ.

~~~~~

САДОВНИКЪ!

Притга .

Ра́сли левкой на грядѣ,
 И къ нимъ Репейникъ прилѣпился!
 Садовникъ Фирсъ въ такой бѣдѣ
 Поплакалъ, пошужилъ—и наконецъ рѣшился,
 Что бы усилился Репейнику не дасть;
 Гряды не поливать,
 Репейника въ три дни какъ будто не бывало...
 Да чтожь съ Левкоюмъ-то спало?

*

Кто спорить! надобно худое истребить;
 Но съ нимъ хорошаго не надобно губить.

— но —

~~~~~

*Кѣ нарисованнымъ цвѣтамъ, подѣ
 которыми изображенъ Амуръ.*

Темира! здѣсь цвѣшны прекрасны;
 Но прелестъ ихъ обманъ для глазъ:
 Мѣша шѣ болѣе опасны,
 Куда приятность манишь насъ.

*

Будь осторожна! подѣ цвѣшами
 Коварный мальчикъ часто скрываетъ:
 Онъ беззаботную спрѣлами,
 Шушя, невинность уязвитъ.

, Б. Федоровъ.

~~~~~

О ПУТЕШЕСТВИИ ПО СИЦИЛИИ Г. САИВА ВЪ 1820 И 1821 ГОДУ.

Въ путешествіи моемъ, говоритъ Г. Саивъ: старался я научиться; въ описаніи же онаго стараюсь познакомить моихъ читателей съ землею, заслуживающею особенное любопытство и мало посѣщаемою.

Г. Саивъ разсуждаетъ Сицилію преимущественно со стороны ея древностей и Натуральной Истории. Потомъ дѣлаетъ замѣчанія объ учрежденіяхъ какъ древнихъ, такъ и новыхъ, о характерѣ и обычаяхъ Сициліанцевъ, хлѣбопашествѣ, торговлѣ, наукахъ и искусствахъ. Наконецъ обозрѣваетъ онъ происшествія историческія съ самаго ихъ начала до нашихъ временъ. При описаніи его путешествія приложены топографическая карта, два lithographированныхъ вида и планы.

Вообще, говоритъ нашъ путешественникъ: Сициліянки, исключая чешу волосъ, слѣдуютъ во всемъ Парижскимъ модамъ. Въ Палермѣ, столичномъ городѣ Сициліи, вуали, называемые те-

заго, весьма длинны. Онѣ облегающъ квадратно лице и покрывающъ до половины спину. Я часно досадоваль, что эти длинныя вуали закрывали большую часть прелестнаго личика; но вскорѣ однако замѣшилъ, что красавицы, подѣ предложомъ поправитъ вуаль, открывали свое лице даже и тогда, когда не было въ помѣ ни малѣйшей нужды. Сицилианки имѣющъ глаза живые, огненные, ножку маленькую, а поспуць величественную и прищипную.

Г. Саивъ говоришь, что по всей Сициліи можно путешествовать безопасно одному, безъ конвоя. Въ другихъ же частяхъ Италіи нельзя сего сдѣлать, особенно въ Калабріи и Папскихъ владѣніяхъ.

Въ Сициліи всѣ республици весьма худо снабжены.

Жители Сежеса, во время царствованія Тиверія, воздвигли храмъ Церерѣ. Вънѣшній портикъ изъ 36 колоннъ сохранился еще въ совершенной цѣлости. Г. Саивъ срисоваль и вылипографироваль сію прелестную часть зданія, которое находишь теперь въ снѣзи и видно

издалека. Къ сему храму не проложено никакой дороги, и всякій любопытствующій путешественникъ долженъ его отыскивать среди степей. Въ первый еще разъ случилось мнѣ видѣть Греческія развалины и сіи развалины, приведя на память величіе древнихъ памятниковъ и то время, въ которое люди стремились ко всему изящному, наполнили душу мою неизъяснимою горестію и погрузили меня въ глубокія размышленія; но ружейный выстрѣлъ, раздавшійся близь ушей моихъ, прекратилъ мои мечтанія. Это были Номадскіе охотники. Одинъ изъ нихъ заспрѣлилъ сидѣвшую подле меня пшцу. Ихъ было трое, съ женами, съ однимъ маленькимъ ребенкомъ и съ тремя лошадьми. По всей справедливости можно было бы назвать ихъ Сицилійскими Бедуинами, ибо и они, подобно тѣмъ, ведутъ кочевую жизнь, скипаются по горамъ и живутъ подъ открытымъ небомъ, питаются охотою.

Вообще въ Сициліи находятъ галлическую форму вазъ. Въ пракширѣ, гдѣ останавливался нашъ путешественникъ

въ городѣ Салеми, поставили на столѣ солонку вышины необыкновенной; а вазы, упошребляемыя для вина, имѣли по двѣ ручки, горлышко узенькое и дно широкое.

Въ городѣ Трапани считающъ 24.000 жишелей. Церквы, говоритъ Г. Саивъ: не только чшо въ семь городѣ, но даже и въ другихъ мѣстахъ Сициліи украшены мозаикомъ.

Трапанскія женщины слывущъ красавицами. Молва сія по словамъ Г. Саива: хошя и не совсемъ справедлива; но по крайней мѣрѣ имѣющъ оубъ прелестный цвѣтъ лица.

Для осмопра сѣрнаго рудника въ Сатопликѣ, Г. Саивъ принужденъ былъ свернушъ съ большой дороги. Сѣру добываютъ заснѣпами. Для очиспки же оной кладущъ сѣрную массу въ печи, имѣющія въ окружности ошъ 15 до 20 фушовъ и въ коизъ края обмазаны глиною. Верхнюю часть сѣрной массы зажигающъ соломомъ. Сѣра загорается и по мѣрѣ распощенія печешъ въ нижнюю часть печи, оставляя на поверхности земляныя часницы и черную

пѣну. Небольшое отверзстіе, проведенное къ самому дну печи, во время сей операціи, замазывается глиною. Коль же скоро распопится вся сѣра, то пропыкающъ отверзстіе и сѣра вышекается изъ него въ деревянныя формы, внутри вымоченныя.

Путешественникъ нашъ замѣпилъ, что Джирдженскія женщины имѣють томный, печальный видъ, и нигдѣ, говоришь онъ : ревнивоспѣ Сицилянцевъ не свирѣиствуешь сполько, какъ здѣсь.

Изъ Джирдженши отправился онъ во внутренность Сициліи. Въ 1482 и 1483 годахъ Греки, пѣснимые Турками бѣжали и поселились въ Сициліи. Всѣ они выходцы изъ Албаніи. Женщины и по сіе еще время сохраняющъ древнее свое одѣяніе. Чепвероугольная косынка со складками покрываетъ плеча ихъ. Волосы собраны вмѣстѣ и завязаны въ кошелькѣ, отъ кошораго до самыхъ почпи ногъ висятъ двѣ ленты. У рубашекъ рукава такъ широки, что подбирающъ ихъ и завязываютъ назади. Богатыя, или знатныя женщины носятъ прозрачныя пояса изъ чистаго массивнаго серебра.

Въ городѣ Аликашѣ (древней Геллѣ) счисляется около 11.000 жителей. Изъ Аликате въ Тегга-пиова, говоришь Саивъ: пролегаетъ дорога по оплогому морскому берегу, какъ и во многихъ мѣстахъ Сициліи. Но дорога эша, при проѣздѣ моемъ весьма мнѣ понравилась пошому, что песчаные ея холмы покрыты были цвѣшущими растѣніями. Въ эшопъ день имѣлъ я случай возобновишь замѣчаніе, сдѣланное уже мною на многихъ берегахъ Сициліи о перелешныхъ пшицахъ. Изъ лешавшихъ по берегу пшицъ узналъ я обыкновенную ласпочку, большаго каменнаго сприжа съ голубымъ брюхомъ и береговую ласпочку. По всему кажется, что сіи пернатыя, вмѣстопото; что бы оплешать въ Африку, весьма часто остаюшся въ Сициліи. Замѣчанія, непрерывно дѣлаемыя около двухъ спольшій опышнѣйшими напуралишями, доказываюшъ, что почти всѣ роды перелешныхъ пшицъ, живущихъ по обѣимъ споронамъ эквапора, соединяюшся между собою поясами, сжимающимися зимою и расширяющимися лѣшомъ, шакъ что пшицы одной ашмо-

сферы не перелешаютъ въ другую. Пелешь ихъ бываешь неравень. Въ семь случаѣ сообразуются онѣ съ насшупающимъ холодомъ; съ пшажестію своего корпуса, дозволяющю имъ лешѣшь иногда ближе, иногда далѣе, и съ мѣспами, изобилующими пищею.

Г. Саивъ, подшверждая описаніе Маркиза Форесіны о пышности Сиракузь, говоритъ между прочимъ о шеапрѣ сего города. Великолѣпіе древнихъ шеапроевъ было чрезмѣрно, и это великолѣпіе вовсе не покажется удивительнымъ, когда приведемъ себѣ на память, что сіи шеапры, не служили, какъ нынѣ, для одного толькo народного увеселенія и предспавленія обыкновенныхъ піэсь, но были, съ самага начала учрежденія ихъ, мѣспами священными, потому что въ нихъ воздвигались храмы, въ кошорыхъ пѣли гимны. Народъ весь, ма часшо собирался въ нихъ для сужденія о дѣлахъ государшвенныхъ и для исполненія важныхъ церковныхъ обрядовъ.— Сиракузскій шеапръ напоминаешь Тимолеона, того почшеннаго старца, кошораго велѣнія, подобно велѣніямъ

Оракула были исполняемы въ точности до послѣднихъ дней его жизни. Тимолеонъ, по слѣношъ своей, хощя и не могъ уже болѣе видѣшь народа, но всякій разъ, когда появлялся онъ въ собраніе, по народъ, во время шеспвія его, не переспаваль наполняшь воздухъ похвалами ему, давая шемъ знашь о своемъ присутствіи.

Въ XVI столѣтїи бошанишпы нашли въ Сициліи проспникъ, подобный Егидепскому папирусу. Но никто, говоришь, Г. Саивъ : и не думаль дѣлашь изъ него бумага. Въ 1780 году нашуралиспъ, выѣхавшій изъ Египта, сличивъ Сиракузскій папирусъ съ папирусомъ Нила, сообщилъ замѣчанія свои Кавалеру Ландалини, копорый зналь всѣхъ древнихъ авторовъ, писавшихъ о эпомъ папирусѣ и о выдѣлкѣ онаго. Онъ послѣдовалъ ихъ наспавленіямъ, и по многократнымъ и шщешнымъ опышамъ доспигнулъ наконецъ до желаемаго успѣха. Растѣніе эшо мочиль онъ въ водѣ въ продолженіи двухъ часовъ, пошомъ раздѣливъ по слоямъ, рѣзаль на часши, кошорыя разспилая на столѣ, клалъ на-

крестъ одну на другую, и выжавъ изъ нихъ пресомъ воду, полировалъ и дѣлалъ бумагу.

Хотя Сиракузы и весьма часто мѣняли своихъ влaspелиновъ; но древніе обычаи все еще въ нихъ сохранились. Каждый годъ въ Маіѣ мѣсяцѣ, въ память разбиія Аѣинянь и освобожденія Сиракузь, сущесwвуютъ разные обряды, между прочимъ денежный сборъ для выкупа плѣнныхъ.

Въ Сициліи—по словамъ—Г. Саива—нижній классъ народа обходится съ женщинами весьма сурово. Это бываетъ по большей части въ селеніяхъ: тамъ верѣдко увидите вы женщину, сидящую въ углу и прудящуюся съ особеннымъ прилежаніемъ въ то время, когда мужъ ея, сложа руки, сидитъ спокойно на большихъ креслахъ. Во время переходовъ принуждены онѣ таскать тяжелыя ноши. Въ спашьѣ о Джирджентіи упомянулъ уже я, что на лицахъ всѣхъ женщинъ видно какое-то уныніе. Изъ меланхолическаго, но благороднаго взгляда сихъ несчастныхъ, легко можно замѣшить, что онѣ родились плѣннати

если бы тиранское иго мужей ихъ не подавляло при самомъ рожденіи всѣхъ добрыхъ ихъ качествъ.

Всѣ жители провинціи Италіи склонны къ шѣлдвиженіямъ; а Сициліанцы, говоритъ Г. Саивъ: не могутъ произнести ни одного слова, не прибавя къ нему какого нибудь шѣлдвиженія, и эта привычка дала имъ возможность сообщать молча на довольно большомъ разстояніи свои мысли. Между ними существуютъ также разнаго рода знаки, о которыхъ первоначально услѣдливаясь: они между собою, и часто случается, что азбука однихъ бываетъ совершенно непонятна для другихъ. Когда спрашиваете вы у Сициліанца о чемъ нибудь, то онъ не иначе отвѣчаетъ вамъ какъ однимъ лишь шѣлдвиженіемъ, вовсе для васъ невразумительнымъ, и иностранецъ, непривыкшій къ такому шайнспвенному разговору, бываетъ, сначала приѣзда своего въ Сицилію, въ самомъ затруднительномъ положеніи. Изобрѣшеніе сихъ знаковъ относится ко временамъ Сиракузскихъ Тирановъ, которые, опасаясь шайныхъ

заговоровъ, запретили своимъ подданнымъ собираться въ общества. Необходимость въ сообщеніи своихъ мыслей заставила жипелей выдумать эпопу *молгаливъй* разговоръ, и съ того еще времени сохранили они сей обычай, который вѣроятно подалъ поводъ Едмарму Сиракузскому изобрѣсть паншомиму.

Сициліанцы особеннымъ образомъ, чрезвычайно для насъ удивительнымъ, воздають честь Провидѣнію. Въ храмовые праздники, говорятъ Г. Саивъ: подумаешь скорѣе, что они предаются удовольствіямъ, а не молишвѣ. Они выпускають радостные крики, распочая самыя нѣжнѣйшія имена Мадонѣ и Спасителю; а что бы болѣе придасть силы своимъ выраженіямъ, сопровождають ихъ разными пѣлодвиженіями.

Греки, основавъ колоніи въ Сициціи, распроспранили въ нихъ свои искусства и сдѣлали изъ сей земли землю классическую. Если остающіяся нынѣ въ Сициліи памятники древности и не въ споль большомъ количествѣ и не такъ хорошо сохранены: то это про-

изошло, по мнѣнію Г. Сайва, не отъ чего инаго, какъ отъ того, что невѣжество, варварство и предрасудки весьма часто восставали противъ нихъ и стремились къ ихъ уничтоженію. Срацины и Норманы находили удовольствіе наказывать сопротивленіе народовъ, ими побѣжденных, разрушеніемъ самыхъ прелеснѣйшихъ зданій, и изъ остатковъ ихъ строили себѣ хижины.

Сициліанцы приспособлены къ музыкѣ. Г. Сайвъ велѣлъ выгравировать голосъ пѣсни, кошорую пѣлъ въ деревнѣ одинъ слѣпецъ, играя на скрипкѣ. Не возможно мнѣ было, говорить оны: списать словъ; но музыку положилъ я самъ на ноты: она весьма оригинальна и имѣетъ особенную мѣру.

Сб Франц. А. Е.

СКУПОЙ И СЫНЪ ЕГО.

Сказка *).

Скупѣйшій изъ скупыхъ зашѣялъ какъ-то
чудо:

Полакомисья вздумалъ вдругъ!

На рынкѣ яблоковъ купилъ большое блюдо,

Принесъ домой, открылъ сундукъ,

Счель, перечель ихъ, спрячалъ,

Въ двойномъ замкѣ ключемъ два раза по-
вернулъ,

Замкнулъ

И воскомъ, какъ казну, покупку запечаталъ.

Не зналъ ужь и цѣны онъ яблокамъ своимъ

И въ сушки разъ всегда навѣдывался къ
нимъ.

Чтобъ смѣлъ онъ къ свѣжимъ прико-
снуться,

Какъ бы не шакъ? Онъ ихъ жалѣлъ;

Которыя же загниются,

Тѣ только бѣдненькой, вздыхая тяжко, ѣлъ.

Былъ у него сынокъ единородной,

Прелакомой и преголодной,

И свѣдалъ какъ-то онъ про яблоки скупца—

Да какъ поддѣнешь ихъ у спротаго опца?

Не знаю, шайно, или явно,

Но малой ухищрился славно,

*) Чтшана въ Обществѣ люб. С. Н. и Х. 8 ч. сего
Февраля.

Успѣлъ же—вора неучи—

Спроворишь наконецъ ключи.

На помощь одного, другаго забіяку,

Такихъ же, какъ и самъ, изъ школы при-
гласиль,

И съ ними, на сундукъ расположивъ ашаку,

Скомандоваль и къ штурму приспу-
пиль.

Въ проемъ голодные, судите, далиль маха?

И малолъ яблоковъ погибло шупъ въ ко-
нецъ?

Всѣмъ былъ бы мапъ! да на бѣду ску-
пецъ

Заспанъ ихъ, ахнулъ онъ, чупъ не упаль со
спраха.

“Злодѣи! возопиль

“Вы какъ здѣсь? Кто васъ зваль? Кто васъ
сюда пушилъ?

“Зачемъ? Ъспъ яблоки! На шоль я ихъ ку-
пиль?

“Расплашитесь со мной, не бойтесь,

“Я...,—Успокойшесь!

За что вы сердитесь? прерваль его сынокъ:

Вамъ нѣшъ убышка никакова.—

“Какъ нѣшъ? а яблоки . . . ., — Считайше,
вошъ они;

Мы ни ошвѣдали ни одного гнилова,

А съѣли свѣжія одни.—

Изъ Флоріана—Иллитевскій.

Возраженія прошивъ замѣчаній на *Благонамѣреннаго* въ *Revue Encyclopedique*.

Для читателей *Благонамѣреннаго*, можетъ быть, любопытно знать, что сказано объ этомъ Журналѣ въ одномъ изъ самыхъ лучшихъ Французскихъ періодическихъ изданій. Сообщаемъ вѣрнѣйшую выписку:

Le bien-intentionné, journal littéraire, publié par Ismailoff. *Cinquième année*. S. P. 1822. Imp. de la marine. Tome 17 и 18. in 8. Prix de la souscription pour l'année, 35 Roubles.

Ce journal a commencé en 1818, et paraissait tous les quinze jours. Depuis le premier Janvier de cette année il est devenu hebdomadaire, et parait, tous les lundis, par livraison de 2 à 3 feuilles. Les deux derniers volumes contiennent un grand nombre de pièces curieuses et amusantes. Telles sont: *la manière de lire les fables*, par Ismailoff; *cinq ans de mariage*, traduit du français de Jouy; *sur l'origine des proverbes*; troisième scène de *Phèdre*, traduit par *Tcheslavsky*; *analyses de meilleurs ouvrages russes*; quelques *epigrammes*, et autres poésies *légères*. Il est fâcheux que ce journal l'un des meilleurs qui se publiaient en Russie, commence à perdre de son crédit, par le mauvais choix qui préside depuis quelque tems à sa rédaction., *Revue ency-*

clopédique, 16 volume, 47 livraison, Novembre 1822. page 329.

(*Благонаименный*, литературный Журналъ, изд. Измайловымъ. *Пятый годъ*. С. п. б. 1822. Въ Морской шип. Томъ 17 и 18. Подписная цѣна за годъ 35 р.

Сей Журналъ начался съ 1818 года и выходилъ чрезъ каждыя двѣ недѣли. Съ 1го Генваря нынѣшняго года сдѣлался онъ еженедѣльнымъ и выходитъ по понедѣльникамъ; каждый номеръ содержитъ въ себѣ ошь двухъ до трехъ листовъ. Въ послѣднихъ двухъ номерахъ очень много любопытныхъ и забавныхъ піесъ. Таковы на примѣръ *О теніи Басень*, соч. Измайлова; *Пять лѣтъ супружества*, переводъ съ Франц. изъ Жуи; *О Пословицахъ и поговоркахъ*; прешья сцена изъ *Федры*, перев. Чеславскаго; разборы лучшихъ Русскихъ сочиненій; *Эпиграммы* и другія легкія стихотворенія. Жаль, что сей Журналъ, одинъ изъ лучшихъ издававшихся въ Россіи, начинаешъ теряшъ во мнѣніи Публики ошь дурнаго выбора піесъ, замѣшнаго уже съ нѣкотораго времени.)

Ишакъ въ шомъ самомъ Журналѣ, въ кошоромъ прежде назвали *Издашеля Благонаименнаго Рускиибъ Тениеролб* *)— хошя онъ

---

*) "Il est le *Teniérs des écrivains russes.*," *Révue encyclopédique*. Mars 1821. 9 vol. 27 livraison.

вовсе рисовать не умѣецъ—обвиняющъ нынѣ его въ дурномъ выборѣ піесъ—*О какъ все перемѣнилось!*

Не знаемъ, кто сообщаетъ въ *Révue encyclopédique* новости Русской Императорской, и сколько ли свѣдуещъ онъ въ нашемъ языкѣ, что бы могъ основательно судить объ ней; но считаемъ себя въ правѣ замѣнить нѣкоторыя явныя ошибки неизвѣстнаго Г. Корреспондента въ опзывъ его о нашемъ Журналѣ.

1. Подписная цѣна на *Благ.* въ прошедшемъ 1822 году была не 35, но 30 р. съ пересылкою же 37 р.

2. *Благонаименный* началъ выходить по двѣ книжки въ мѣсяць не съ 1818, но съ 1819 года; въ 1818 же году издавался онъ ежемѣсячно.

3. Ни одной книжки *Благ.* въ 1822 году не было ни въ два, ни въ три листа; а каждый Но содержалъ въ себѣ ровно $2\frac{1}{2}$ листа.

4. *Спашья: о Читеніи Басень*, не есть сочиненіе Издашеля, но вольный переводъ съ Французскаго. Въ концѣ оной помѣщено слѣдующее примѣчаніе Г. Переводчика: “Не желая присвоивать себѣ чужаго, долгомъ поспавляю объявить, что большую часть изложенныхъ здѣсь общихъ правилъ заимствовалъ я изъ *Discours sur la manière de*

“lire les Fables, par l’Abbé Aubert, переменявъ
 “въ нихъ то, что мнѣ показалось неспра-
 “ведливѣмъ и прибавивъ то, что почелъ
 “нужнымъ; собственно же мнѣ принадле-
 “жать только раздѣленіе чтенія и примѣ-
 “неніе. *Аннот. Откинѣ.*, (Благ. 1822, № II,
 стран. 64 и 65.)

5. Опырывокъ: *Пять лѣтъ супружества*,
 шакъ какъ и многіе другіе въ семь же са-
 момъ родѣ: *Супруга, Исторія Ванюши, Дер-
 венская жизнь, Два портрета, Материнская
 любовь, Журналъ франта и модной дамы*,
 напечатанныя въ 17 и 18 часпи Благ. пе-
 реведены изъ l’Hermitte de Londres.

6. Разборовъ *лучшихъ* Русскихъ сочине-
 ній въ 17 и 18 часпи Благ. не было, а по-
 мѣщены шупъ крипики на нѣкопорыя хо-
 рошія и посредственныя книги и стихопво-
 ренія. Изъ сихъ крипикъ только деѣ за-
 служиваютъ особенное вниманіе: разборъ
Херсониды, Поэмы Боброва, и разборъ Идил-
 ліи: *Рыбаки*.

Что же касается до *дурнаго* выбора пі-
 эсѣ въ *Благонаимѣренноиѣ*: то какъ согласишь
 сіи слова съ шѣми, которыя сказаны выше
 за нѣсколько строкъ: *въ послѣднихъ двухъ
 томахъ* очень много любопытныхъ и забав-
 ныхъ піэсѣ. Конечно не всѣ піэсы, напеча-
 танныя въ 17 и 18 часпи Благ. любопыш-
 ны и забавны, особенно стихопворенія. На-

прасно называетъ сіи послѣднія *легкими* неизвѣстный Корреспондентъ Издательей Журнала: *La Revue encyclopedique*: есть и весьма, весьма *тяжелыя*, напримѣръ нѣкоторыя переводы изъ Шиллера новыми размѣрами. Но какъ бышь? Эпо почти неизбежное зло въ *недѣльноиѣ* Журналѣ. И по сему - по, какъ сказано въ программѣ *Благ.* на нынѣшній 1823 годъ, Издапель онаго рѣшился, вмѣсто чепырехъ книжекъ въ мѣсяць по 2½ листа составлять только двѣ, вдвое болѣе прежнихъ, ш. е. по пяти листовъ.

Казалось слѣдовало бы Г. Рецензенту *Благонаимѣреннаго* упомянуть о помѣщенныхъ въ ономъ оригинальныхъ прозаическихъ сочиненіяхъ, заслуживающихъ вниманіе какъ по содержанію своему, такъ и по слогу. Таковы напримѣръ: *Общество несчастныхъ, довольныхъ собою — Чувствительное Путешествіе по Невскому проспекту въ 1818 году и Описаніе южнаго берега Крымскаго полуострова.* — Кромѣ отрывковъ изъ *L'Hermite de Londres*, смѣемъ сказать, были и другіе очень хорошіе переводы, какъ по: *О достоинствѣ* (изъ *Вейса*); разныя ученія спашьи изъ Энциклопедіи (*Искусство письма — о письмѣ Китайцевъ, Египтянъ — о школахъ, или училищахъ*); *о вліяніи бури на теловѣка* (Изъ *Lettres à Sophie*); повѣсти: *Король Акилскій, Женихи*, и проч. Сверхъ того въ каждой почти книжкѣ *Благ.*

были сшашьи о Русскомъ Театрѣ. Не всё, но многія изъ нихъ, написаны весьма основательно и остроумно. Издашель *Блгг.* можешь сказать это, потому что самъ онъ въ прошедшемъ 1822 году не писалъ ни строки о театрѣ.

И.

~~~~~

НОВЫЙ ГОДЪ.

Элегія.

Госъ радостный! себя я съ горестью встрѣ-
чаю:
Ты не принесть съ собой конца моимъ бѣ-
дамъ,
Знашь не дошли мои молитвы къ небесамъ
И вздохи, съ коими гласъ скорби изливаю?
Или мнѣ суждено дней красныхъ не видашь?
Или при горестномъ моемъ рожденьи
На мнѣ положена завѣтная печаль,
Чтобъ жизнь моя щекла въ спраданыяхъ
и шерпѣньи?

Ужасенъ жребій мой.

Меня уныніе усыновило,

Веселье сердцу измѣнило,

Сказавъ безжалостно: "будь въ мірѣ сиропой,
Несчастью обреченъ, ты долженъ ввѣкъ ски-
шашься

Изъ края въ край другой и изъ спраны въ
спрану,
Съ душею пламенной безчувственнымъ ка-
зашься,
На лицахъ и въ сердцахъ холодность зря
одну.,,
Жестокій приговоръ! Одинъ во всей вселен-
ной

Съ тѣхъ поръ блуждаю я какъ пѣнь,
Съ печалью на челѣ, съ душею угнетенной
Меня находишь ночь и озаряешь день.
Вокругъ меня гроза — шакъ мнѣль надеждой
льспишься,
Что ушлый мой челнокъ доспигнешъ бере-
говъ,
Гдѣбъ въ стихой приспани опъ бури приу-
пишься
Подъ сѣнь любви и дружесшва подъ
кровь.

Счаспливъ, кто опъ роднаго дома
За придевяшь земель напрасно не бѣжишь;
Въ очахъ его—спраны опеческой солома
Прелестный мишуры заморскихъ спранъ
блестишь
Счаспливъ, кто не лишенъ безцѣнныхъ благъ
свободы,
Доволенъ ближними, не угнетенъ судьбой:
Какъ бѣглый лучъ небесъ, надъ нимъ мель-
кающъ годы,
Его веселыхъ дней не унося съ собой.

Спокрашъ счастливые, кто съ добрыми
друзьями

Одними чувствами, одной душой живешь,
Кто съ вѣрною женой и милыми пшеницами
Спезею скромною въ храмъ радости идетъ;
Ему даровъ своихъ природа не жалѣетъ,
Любовь живишь его и дружество лелѣешь.
И ябъ могъ счастливъ бышь въ опеческой
спранѣ,

Гдѣ улыбаются привѣпливо ко мнѣ
Сердечная пріязнь и искренность священца!
Съ какою радостью я полетѣлъ бы къ нимъ;

Но пламеннымъ желаніямъ моимъ
Не шылъ преградою, судьба ожесточенна!
Ты выгнала меня изъ подъ роднаго крова
И удалила въ край чужой,

Гдѣ къ довершенью бѣдъ, швоя рука свин-
цова

Опяжелѣла надо мной;

Но я бы весь швой гнѣвъ забылъ и не роп-
шаль,

Когдабъ ты съ милыми меня соединила:
Безъ нихъ моя душа и мрачна и уныла;
При нихъ и для меня ошрадный лучъ сіялъ,
И я вкушалъ воспоргъ, пилъ нектаръ на-
слажденья

И цѣну жизни зналъ въ объшійхъ друзей;
Но гдѣ шеперь мечшы моихъ счастливыхъ
дней

Гдѣ вы, прошекшихъ лѣшъ минушы восхи-
щенья?

Исчезли— и воще я къ нимъ ищю слѣдовъ,
 Которые открытъ моглабъ одна любовь.

Любовь! побою озаренный,

Я снова бы расцвѣлъ душой,

За дальней синевою, подъ кровлею смиренной,

Я вижу мысленно прелестный образъ твой;

Но наслаждашься мнѣ не суждено побою

И жизнь моя въ краю пустынномъ проше-
 чешъ—

Кто окропишь мой прахъ сердечною слезою,

Когда меня поскоа въ могилу низведешъ.

Увядшій въ юности, подъ гробовой доскою

Сномъ мирнымъ не усну близъ кровныхъ
 и друзей;

Съ вечернимъ сумракомъ, съ разсвѣшною
 зарёю

Никто не посѣшишь обители моей.

Ни ель задумчива, ни шѣнь вѣшвиссой ивы

Друзей родной справы ко мнѣ не привле-
 кушь;

Не сбудушя мои мечшы неприхошливы

И чуждые мнѣ долгъ послѣдній ошдадушъ.

1 Января 1819.

Ө....Р....

Таганрогъ.

~~~~~

ВСЯКАЯ ВСЯЧИНА,

или

Собрание мыслей и замѣчаній, родившихся при чтеніи разныхъ журналовъ и книгъ.

Сколько разъ Русскіе журналисты и сочинители смѣялись надъ иностранцами, а особливо надъ Французами, что они коверкають безъ милости наши собственныя имена и пишутъ: *Шереметью*, *Романзовъ*, *Суваровъ*, и ш. п. Теперь, кажется, мы рѣшились опмщашь имъ и плашимъ шою же монешою. Такъ многіе журналы наши Австрійскаго Министра Графа *Зити* величаютъ Графомъ *Цихи*; такъ *Прибавленія къ Сыну Отечества* изъ дѣвицы *Скюдери* сдѣлали дѣвицу *Скудери*; такъ наконецъ *Инвалидъ* (см. № 33) Богемскаго заводчика Графа *Букву* пожаловалъ въ Графы *Бюккуа*.

Боже мой! до чего мы дожили! Бывало жаловались мы на модныхъ нашихъ дамъ и кавалеровъ, что они любяшъ шолько все Французское, говоряшъ не иначе какъ какъ пофранцузски; нынѣ — о верхъ просвѣщенія! — нынѣ журналисты наши начинають уже объа-

сняпъ намъ Русскія слова Французскими. *Благонамѣренный* въ первой книжкѣ на нынѣшній годъ предосерегаешъ писателей ошъ смѣшенія словъ: *чувство* и *чувствованіе*, *святой* и *священный*, говоря, что между первыми шакое же различіе, какъ между *sens* и *sentiment*, а между вторыми какъ между *saint* и *sacré*.

Хошишель знаешь самое лучшее *опредѣленіе*—лучшее пошому, что даешъ понятіе о вещи *теоретически* и вмѣстѣ *практически*?— Не помню, въ какомъ-шо *филологическомъ* сочиненіи случилось мнѣ читашъ, что *смѣхъ* ешъ: *дѣйствіе души*, раждающееся отъ *приятныхъ чувствованій*, оказывающееся на *лицѣ* *отдаленіемъ* въ стороны *угловъ рта*, *составленіемъ* на *щекахъ* *продолговатой ялинки* *между ртомъ* и *сторонами лица*; къ *сему* *присовокупляется* *скорое испусканіе* изъ *легкихъ* *воздуха*, а при *натяганіи смѣха*, *бываетъ* *стягиваніе* онаго; при *усилившемся* же *смѣхѣ* *испусканіе* *воздуха* изъ *легкихъ* *дѣлается* *звучнымъ*, *густымъ* и *малымъ*; *потому* *остальной* *воздухъ* въ *груди*, *нажимаяся* въ *глоткъ* и *стѣсняя* *оную*, *исходитъ* со *слышимымъ* *звучкомъ*.—Тушъ не шолько узнаешъ *тѣ* ешъ *смѣхъ*, но и не можешъ *удержаться* отъ *смѣха*.

Для охотниковъ до географическихъ свѣденій замѣшимъ, что по *новѣйшимъ* *извѣ-*

спіямъ Кавказъ лежить опъ Пешербурга за Тифлисомъ. Кпо намъ не вѣришь, пошь можешъ прочешъ эшо въ *Сынъ Отечества* 1823. (N° 1, стран. 3 и 4.)

Изъ того же Журнала (N° 1, стран. 6.) узнаемъ мы, что вышедшая недавно *Жизнь Али Паши*, переведенная изъ Пуккеиля, имѣеть *временное* достоинство, но можешъ удержаться и *долге*. Желали бы мы попросишь Сочинишеля *Писемъ на Кавказъ* (изъ копорыхъ фраза сія заимствована) изъяснишь намъ, какъ *долго* можешъ *продолжиться* эшо *долге*? Если оно имѣеть какой нибудь предѣлъ во времени, по *но* Г. Сочинишеля ничего не значить и достоинство книги *Жизнь Али Паши* не перестаетъ бышь *временнымъ*; если же подъ эшимъ: *долге*, разумъшь должно *всегда*, по къ чему же было и говоришь о *временности*?

“Одна печь дымной избы его (крещянина — поэта Сл . . .) можешъ составишь поэму!., говоришь почтенный Издашель *Отечественныхъ Записокъ* (1823. N° 33. стран. 13.) Ахъ, Боже мой! сколько у насъ и безъ того поэмъ . . . достойныхъ печи!

13 Февр. 1823. Порховъ. П....

(Продолженіе обѣцано.)

А. В. Л—ой.

Акростихъ.

Алмазы лишнее для вашего убора;
 На что блестящие наряды красощъ?
 Не придадутъ они уму и доброшъ;
 А вы богаты всемъ для сердца и для взора.
 Всѣ лучшіе дары Природой вамъ даны;
 А шолько лишъ въ одномъ я упрекнушъ васъ
смѣю:

Себя вы болѣ цѣнишь и знашь должны,
 И довѣряшь тому, кто съ искренней душою
 Любилъ достоинства, въ комъ шолько ви-
дѣшь могъ.

Едвадь когда солгалъ—по всемъ правамъ по-
эпа!—

Вы споромъ скромности не убѣдите свѣша,
 Не разувѣрите насъ прошивъ васъ самихъ,
 А вспомните о томъ — прочтя сей Акро-
стихъ.

Б. Федоровъ.

~~~~~

Анекдоты.

1.

М . . . . извѣстный Философъ, первый
 началъ носить очки съ черными боковыми
 стеклами. Однажды, прогуливаясь по буль-

вару встрѣшилъся онъ съ лучшимъ своимъ приятелиемъ Аббапомъ Ж...—Послѣ обыкновенныхъ разговоровъ о погодѣ и модахъ, когда Философъ жаловался своему другу на неспособностю нравовъ своего вѣка, Аббапъ сдѣлалъ ему вопросъ: почему онъ, подобно великому Лафатеру, такъ скоро и безошибочно можешь оцѣнивать каждого человѣка? Эта наука едва ли не труднѣйшая въ нашей жизни, прибавилъ Аббапъ: и вѣроятно въ семь случаевъ помогаешь себѣ очки съ черными стеклами?—“Такъ, ошвѣчалъ М . . . . я смогрѣлъ, и сожалею, что долженъ былъ смогрѣть на свѣшъ въ эти черныя стекла; но знаешь ли что скажу себѣ? Скоро и переднія стекла закажу сдѣлашь черныя, что бы яснѣ видѣшь и ошпѣнишь всю черноту человѣческаго сердца—или выколю себѣ глаза, что бы ничего не видашь!,,

2.

“Зачемъ ты носишь лорнетъ, въ которомъ только полстекла?,, спросилъ я у Г.—Это кришика на молодыхъ дамъ, ошвѣчалъ онъ: попому что онѣ глядяшь всегда въ *полглаза* на пригожихъ мужчинъ.

Э.

Шарада-Омонимъ-Анаграмма.

Наталомъ я спрану вселенной означаю;
 Концомъ же города и замки облегаю,
 И имъ защишою бываю.

Я *цѣлое*: кругомъ меня вода—
 Она въ моемъ *концѣ* бываетъ иногда—
 Я индѣ въ городѣ, а индѣ города—
 И царства на себѣ обширны помѣщаю.—
 Поймите *инате*—другой видъ принимаю:
 Ужъ самымъ городомъ себя шущь предспав-
 ляю,
 И онъ на мнѣжъ споишь.— Но вопшь, меня
слибшати—
 И городъ я опять!—Какой же? Какъ узнашь?—
 Извольте близъ Москвы искашь.

Вятка.

Ө. Слуткинъ.

Анаграмма на новый ладъ.

Писатели шарадъ! къ вамъ обращаюсь я;
 Прошу васъ отгадать меня.
 Предметъ мой полна мысль изъ нѣсколькихъ
 рѣченій.
 Когда узнаете о смыслѣ ихъ значеній,
 Чишайте все шогда, хощь *сѣ головы*, хощь
сѣ ногъ:
 Измѣны никакой имѣшь не будешь слогъ;

Мысль таже, шѣжь слова, что-входяшь здѣсь
въ загадку;

Извольшежь, выслушашь, скажу ихъ по по-
рядку:

Вошь мѣсто первое одна изъ буквѣ займешь—
Ея названіе—какъ всякъ себя зовешь.

За нею дѣйствіе, кошорое свершаю,
Когда подь часъ въ пуши безъ лошади бываю;
Граммашика же по глаголомѣ назовешь.

Съ безгласной лишерой предлогѣ попомъ идешь,
А съ нимъ въ соединенни

Въ единственномъ числѣ и далѣе въ склоненни
Съ шворительнымъ мы падежемъ

Такою вещь найдемъ,

Съ кошорою въ рукахъ Θεмида ужасешь
Преступника, когда въ судѣ онъ отвѣчаешь
И приговоръ надъ нимъ конецѣ произнесешь.

Какой же—сей конецѣ—предметъ?—

Узнайте въ немъ лице почтенно,

Что свѣпомъ самыя Θεмиды озаренно,
Имѣеть сильну власть въ присущственныхъ
мѣстахъ.

Вы многихъ видите судьбу въ его рукахъ.
Подъ именемъ другимъ мы всѣ его имѣемъ
Внутри себя; но жаль, что часто не умѣемъ
Послѣдовашь ему.—Но цѣлое воземъ:

Согласныхъ лишеръ семь и гласныхъ восемь
въ немъ.

Вошь все, читатели! шеперь меня увольше
И сами отгадашь мои слова извольше.

Вятка.

Θ. Слуткинѣ.

ВОПРОСЫ И ОТВѢТЫ *).

Гдѣ мы болѣе наслаждаемся жизнью: во снѣ, или наяву?

Львѣшай во снѣ, мудрецъ наяву. (80.40.)

Какимъ путемъ скорѣе можно достигнуть храма безсмертія?

Прямымъ. (180.)

*) Присланы къ *Изд. Благ.* при слѣдующей запискѣ: «Помнитса нѣскольکو лѣтъ шому назадъ предлагали вы въ своемъ журналѣ разные вопросы и помѣщали присылаемые къ вамъ на оныя отвѣты. Не угодно ли напечатать въ *Благом.* препровождаемые при семъ *Вопросы и Отвѣты*? Они написаны à l'impromptu, и вошь какъ эшо случилось. Въ одномъ дружескомъ обществѣ, гдѣ кромѣ прелестной и остроумной хозяйки, было два записныхъ липперашора и два любителя опечесшвенной словесности, предложили играшь въ *вопросы и отвѣты*, пошому что ни боспонъ, ни виспъ не сосшоился. Подали бумагу, чернилицу—и начали писатьъ кшо перомъ, кшо карандашемъ. Чшо написано, посылаю, съ общаго согласія, къ вамъ; выберите и напечатайте что вамъ понравится. 13 Февр. 1823. Читатель *Благонаимѣреннаго.*

Отъ чего Н. Н. дѣлаетъ странные во-
просы?

Опъ того, что не обдумываешь ихъ (80. 40.)

Челъ болѣе всего можно понравиться пре-
дестной и цлной женщиѣ?

Искусствомъ любить, дарованіемъ и
нѣжнымъ, добрымъ сердцемъ. (80. 40.)

Кто лучше Музы, или прекрасныя жен-
щины?

Любезности съ умомъ, съ шаланцами союзъ
Прелеснѣе всего — Ахъ! чпобъ сказала Го-
рацій

О шой, кошорая умна какъ девашъ Музы,
Любезнѣе прехъ Грацій! (18.)

Что такое любовь?

Души шоска, души веселье
И смершь и жизнь чувшвишельнымъ серд-
цамъ,
Прекраснымъ женщинамъ бездѣлье,
Дурная шупка намъ. (24.)

Можетъ ли кто хранить въ душѣ любовь
и ненависть въ одно и то же время?

Здѣсь невозможнаго не вижу

И про себя не ушаю:

Я все прекрасное люблю,
А все дурное ненавижу. (24.)

Научите: какъ не любить?

Какъ бышь!

Не знаю средства никакова.

И можноль пребывать лѣкарства ошъ боль-
нова? (18.)

---

*Какъ сдѣлать, чтобъ отгадали то, чего
нельзя сказать?*

На сей вопросъ — ошвѣпъ

Даль Лафоншенъ Поэпъ:

Soyez amant et vous serez inventif.

Не правда ли? ошвѣпъ довольно справед-
ливъ. (18.)

Отъ чего вездѣ мало авторовъ—женщинъ?

Ошъ воспитанья.

А еспъ прекрасныя у женщинъ дарованья. (18.)

---

*Отъ чего не многилъ называютъ душень-
кой, когда у всякаго еспъ душа?*

У всякаго конечно еспъ душа;

Но не у всякаго наружность хороша.

А душенькой—скажу я дамамъ не въ обиду—

Зовушь не по душѣ—всегда почши по виду. (18.)

ДОВРАЯ ОБЕЗЬЯНА.

(изъ *Lettres sur le Bosphore.*)

Посылаю вамъ еще одну Воспочную исторію, сообщенную мнѣ недавно прибывшимъ сюда путешественникомъ: онъ слышалъ ее отъ пуспынника, у котораго останавливался.

Вошь какъ повѣствуетъ пуспынникъ:

“Святой мужъ, жившій прежде меня въ сей пуспынѣ, часто рассказывалъ мнѣ странное происшествіе, случившееся въ этомъ развалившемся домѣ, который видите вы на покапѣ холма.

Тамъ жили покойно мужъ съ женою; чешырехлѣпная дочь, по имени *Пальмира*, была единственнымъ плодомъ ихъ супружества; прислуга состояла изъ стараго Негра и большой обезьяны, которую называли *Макою* и которая приучена была къ домашней работѣ. Довольные супруги забывали въ тихомъ уединеніи прежнія свои несчастія, претерпѣнные ими въ Великой Индіи, откуда за нѣсколько лѣтъ принуждены были они удалиться.

Старый Негръ далъ нѣкогда присланище двумъ вельблюдамъ, не зная чьи они; онъ радовался, видя, какъ эпитирныя живошныя работающъ для дома и ничего не стоющъ господамъ его; но ахъ! дорого заплашили они всѣ за сие неблагообразное присвоеніе!

Бедуины заѣхали въ сію почти необитаемую землю и узнали своихъ вельблюдовъ: Негръ хотѣлъ было защищаться; но варвары умерщвили и его и хозяевъ. Во время сего ужаснаго смятенія обезьяна взяла маленькую *Пальмиру*, спавшую въ колыбели и опнесла ее на пальму. *Мака* оставалась съ нею на деревѣ до шѣхъ поръ, пока Бедуины не удалились изъ дома, изъ копорого похищали все, что только могли. Тогда обезьяна перенесла опять ребенка въ домъ—и какое ужасное зрѣлище представилось шущъ глазамъ *Пальмиры*! Отецъ ея, мать и старый Негръ лежали мертвые и обагреныя своею кровію.

Какъ будто по нѣкому внушенію обезьяна перенесла колыбель *Пальмиры* въ хижину, построенную опцемъ ея; пущынникъ, живщій близъ сей хижи-

ны, находился тогда въ опшустствіи и
возвращился не прежде слѣдующаго дня.
Онъ не зналъ о семъ пагубномъ проис-
шествіи и думалъ провести ночь день
у своихъ сосѣдей. Спучатся въ дверь
его; онъ опворяетъ и видитъ *Пальми-
ру*, принесенную къ нему обезьяною, что
и прежде она всегда дѣлала. *Пальмира*
изъяснила какъ могла постигшее ее
несчастіе. Въ ночь же самый день
пустынникъ похоронилъ несчастныя
жертвы на холмѣ между кипарисами,
положилъ шупъ камень и начерпалъ на
ономъ имена ихъ. Кипарисы исчезли, но
камень оспался.

Опшельникъ хопѣлъ удержашъ у
себя *Пальмиру*; но она просила его,
чтобъ онъ оставилъ ее въ хижинѣ съ
Макою, которую почипала своею нянь-
кою. *Мака* пеклась, чтобъ пишомица ея
не имѣла ни въ чемъ недоспапка. На
шесшнадцапомъ году *Пальмира* сдѣлалась
совершенною красавицею; но увы! юный
цвѣшокъ сей вскорѣ увянулъ. Она зане-
могла грудью и скончалась послѣ же-
сшокихъ спраданій, продолжавшихся
около года. Обезьяна, въ опчаяніи, не

сходила съ мѣста, заключавшаго останки *Пальмиры* близъ праха ея родителей; она непрерывно спенала и вскорѣ нашли ея мершвую на могилѣ юной госпожи ея.

Съ Франц. П. Яковлевъ.

~~~~~

ПОЗДРАВЛЕНІЕ ШВЕЙЦАРА.

(*Дула въ передней Биргеръ-Клуба.* *)

Весь годъ по цѣлому я дню
 Всѣмъ Членамъ двери опворяю,
 Шинели, сершुки храню,
 Колоши рядомъ усшавляю,
 И зоншики беру изъ рукъ;
 И палки въ шемный уголь спавлю,
 И шляпы вѣшаю на крюкъ;
 И ихъ хозяевъ добрыхъ славлю!

Въ передней шемной вечеркомъ
 Сидя въ углу съ Швейцарской палкой
 И на нее склонясь челомъ,
 Я жалуясь на жребій жалкой:
 Ахъ! сколько здѣсь собольихъ шубъ;

---

*) Сообщено однимъ Членомъ Биргеръ-Клуба. Стишки, по гести хороши! Право лучше многихъ модныхъ Элегій, Романсовъ и Послаій. Изд.

Ахъ! сколько шапокъ, шляпъ пуховыхъ!
 Богатъ и славенъ Биргеръ-Клубъ!
 И сколько въ годъ здѣсь Членовъ новыхъ!

Въ согласи Члены всѣ живутъ,
 Читають про себя Журналы,
 Въ лопы играютъ, кофе пьютъ,
 Курятъ табакъ и почтають балы.
 Лишь я безсмѣнно осужденъ
 Глядѣть на чуждыя забавы!
 Когдажь я буду награжденъ?
 Я здѣсь служу вѣдь не изъ славы.

Для денегъ я служу весь вѣкъ!
 Такъ подарите хоть изъ шупокъ:
 Я право бѣдный человекъ;
 Мнѣ надо прокормить малюшокъ.
 А я, повѣрьте, Господа,
 Вамъ счастья отъ души желаю,
 Гопоеъ служите для васъ всегда
 И съ новымъ годомъ поздравляю.

*Швейцаръ Биргеръ Клуба, бывшій Кински
 Шеволержъ Австрійской службы.*

КИТАЙСКОЕ СВАТОВСТВО.

Письмо Идамии къ подругѣ ея
Ало-зе.

Пекинѣ.

Милая и вѣрная Ало-зе! Участь подруги швоей зависишь теперь только отъ двадцати тысячъ тэелевѣ 1), которыхъ бапюшка 2) за меня требуетъ. Женихъ увѣряетъ, что онъ не подорожишь такою бездѣлицей.

О любезная моя Ало-зе! какъ буду я счастлива, если это исполнится!

Ты знаешь Ки-Кианѣ-Тсонга, ученѣйшаго, мудрѣйшаго и знамениѣйшаго человека во всемъ государствѣ, Мандарина съ синюю пуговицею 3), одного изъ первыхъ любимцевъ августѣйшаго нашего Монарха — онъ - то, милая моя

1) Кишайская монета, цѣною въ 8 Французскихъ франковъ.

2) Въ Кишаѣ не дають за дочерью приданаго, а напрошивъ шого родители невѣсты получаютъ отъ жениха назначенную ими сумму денегъ.

3) Вшорый классъ Мандариновъ.

ищешь руки своей *Идалии*. Въ первый разъ увидѣла я его на праздникѣ, который давалъ нынѣшнею зимою великій Гупонъ 4) во дворецѣ своемъ. Я сидѣла въ первомъ ряду за бамбуковою рѣшеткою, вмѣстѣ съ другими дѣвушками, и занималась только величественнымъ зрѣлищемъ, смотря на прыгуновъ и шпукарей, которые вверхъ ногами и внизъ головой скакали впередъ и назадъ, или вершѣлись, какъ колеса, держа въ рукахъ острые дропки. Въ минушы восторга попала я ногами по шелковому ковру, посланному за перилами. Вдругъ замѣчаю, что одинъ человекъ — отличный по своей наружности и по богатому плащю — не сводитъ глазъ съ перилъ. Удивленіе написано было на его лицѣ. Ты знаешь, любезная *Ало-эе*, какая у меня маленькая и красивая ножка. Этому неоцѣненный даръ природы усовершенствованъ еще болѣе сравненіемъ моей машушки. Много вышерѣла я въ ребячествѣ! шнуровки жестоко жали

---

4) Главный Начальникъ по финансовой части.

бѣдныя мои ноги—но теперь съ избыткомъ за это награждена. Ножка моя едва ли не самая маленькая и не самая лучшая во всемъ Пекинѣ *): я не могу совсемъ ходить — а шебѣ извѣстно, какъ дорого это у насъ цѣнится!

Но возвратимся къ *Ки-Кіангъ-Тсонгу*. Желая узнать, кому принадлежали шаки прелестныя ножки, взглянулъ онъ мнѣ въ лице—и удивленіе его примѣшно увеличилось. Въ самомъ дѣлѣ, любезная моя *Ало-эе*, никогда бѣлила, копырыми я пришираюсь, и сурикъ, украшающій мои щеки, не имѣли никакого ослѣпительнаго блеска, какъ въ эшопъ разъ 5). *Ки-Кіангъ-Тсонгъ* еще однажды взглянулъ на меня—и побѣда моя была рѣшена. На другой же день знаменишій любовникъ велѣлъ спросить у бабюшки, какую сумму желаетъ онъ получить за меня. Переговоры производились со всевозможною учтивостію и

---

*) Въ Петербургѣ есть еще меньше и лучше.

5) Всѣ Кишайки, начиная съ 14 лѣтъ, чрезвычайно бѣлашся и румяняшся.

наконецъ назначили ему день для посѣщенія. О милая моя *Ало-эе!* Какъ описать тебѣ эти бесчисленные поклоны, колѣнопреклоненія и прочіе и прочіе знаки взаимнаго уваженія при первомъ свиданіи! Батюшка и *Ки-Кіангъ-Тсонгъ* спарались превзойти другъ друга въ учтивостяхъ. Они ходили на упокъ царскаго пруда, кошорья попеременно опускающъ въ воду и высовывающъ изъ нее свои головы.

Цѣлый часъ прошелъ, пока успѣли они дойти до той комнаты, въ копорой я сидѣла. Тупъ Мандаринъ съ необыкновенною ловкостію поклонился три раза, дѣлая жесты правою рукой. Батюшка не хотѣлъ отстаивать отъ него и поклонился четыре раза такимъ же образомъ. Мандаринъ снова началъ кланяться—и по крайней мѣрѣ десять минутъ, если не больше, прошло въ этихъ комплиментяхъ.

По обыкновенію сидѣла я съ машушкою за ширмами; но мудрый *Ки-Кіангъ-Тсонгъ* былъ такъ благоразуменъ, что ни разу не взглянулъ на то мѣсто, гдѣ находилась его возлюбленная. Онъ сѣлъ

съ важностію , положилъ руки на колѣна, устремилъ взоры свои на стѣны и мнѣ кажешся самое забавное и смѣшное приключеніе не принудило бы его улыбнуться и позабышь на мгновеніе свое достоинство .

Зачемъ милая *Ало-эе*, не могу я дать тебѣ хотя слабаго поняшя о любезности этого человѣка? Ты позавидовала бы благополучію швоей *Идалии*! — *Ки-Кіангъ-Тсонгъ* прекрасенъ собою: низенькой, толстенъкой . . . одѣвается съ рѣдкимъ вкусомъ! — Вся голова у него, исключая макушку , обрита — и чиста какъ ладонь. Онь макушки до самыхъ плечъ волоса черные и съ глянцомъ, а на концѣ ихъ влечень букетъ желтыхъ розъ. Онь носитъ обыкновенно съ собой коробочку съ крѣпкими духами — и аромать есть знакъ его присутствія. Ушонченая разборчивость примѣшна въ его нарядѣ — словомъ *Ки-Кіангъ-Тсонгъ* соединилъ въ себѣ всѣ милыя качества — и не знаю , какая бы дѣвушка не плѣнилась имъ.

Послѣ двухъ, или трехъ часовъ почтительнаго молчанія, попросилъ онь

позволенія впустишь танцорокъ и пѣвиць, наняпыхъ имъ, что бы меня позабавишь. Вошли, начали пѣшь, танцовать—мнѣ было очень весело. По окончаніи каждаго танца любезный мой, желая показашь мнѣ свою нѣжность къ моему полу, вспаваль, подходиль съ важностію къ каждой дѣвушкѣ, обнималъ ее и поцѣловавъ при раза, опускаль за шею золошья монешы; попомъ возвращался на свое мѣсто и сидѣль неподвижно, подобно спашуѣ великаго *Сапальта Гонга*.

Пришло время прощашься—и снова начались учпивости. Башюшка хотѣль проводить *Ки-Кіангѣ-Тсонгѣ* до дверей; но знаменишый Мандаринъ увѣрляль, что онъ скорѣе умрешъ, чемъ согласишя на эшо. Башюшка принужденъ былъ устпуишь. *Ки-Кіангѣ-Тсонгѣ* вышель и шолько что хотѣль сѣспъ на носилки, какъ вдругъ опецъ мой подбѣжалъ къ дверямъ—и опяшь посыпались съ шой и съ другой спороны комплименшы. Башюшка въ другой разъ былъ побѣжденъ. Мандаринъ съ шоржешствомъ сѣль уже на носилки; но шолько что успѣ

ли ошойши шаговъ десяшь, какъ благородный опецъ мой, не желая оспавашься въ долгу, отвориль двери и закричалъ послѣднее *прости*. Мандаринъ въ шужь минушу соскочиль съ носилокъ, подбѣжалъ къ дверямъ, и башюшка захлопнулъ ихъ шакъ, — чшо чущь, чущь не прищемиль носа *Ки-Кіангъ-Тсон-гу*, безъ чего вся ночь прошла бы въ подобныхъ увѣреніяхъ.

На другой день получила я двадцашь, или шридцашь записочекъ отъ моего взлюбленнаго, въ которыхъ изъяснялъ онъ спрасшную любовь свою и просиль позволенія сдѣлать мнѣ подарокъ. Всѣ эти записочки написаны были на самой тонкой бумагѣ, украшенной цвѣтами, съ синею шелковою бахрамою и перевязаны желшыми б) леншми въ знакъ шого будущаго счасшя, которое гошовишь мнѣ *Ки-Кіангъ-Тсонгъ*. Ввечеру

б) Желшый цвѣшъ исключительно принадлежишь царской фамиліи. Несмотря однакожь на эшо нѣкоторыя любимцы получаюшь позволеніе упошребляшь оный по своему произволу. Цвѣшъ сей служишь эмблемою уваженія и благосклонности.

принесли ко мнѣ свадебные подарки: бумажное плашье съ золошыми чешыреглапными драконами 7), хребешъ варенато осепира—прямо со стола царскаго—и сошню ушиныхъ яиць, вызолоченныхъ и раскрашенныхъ разными красками.

Батюшка съ радости, что Богъ даешъ ему шакого зяпя, подарилъ мнѣ при эпомъ случаѣ нѣсколько пзелей. Я размѣняла ихъ и купила себѣ множествво бездѣлокъ, копорыя давно хопѣла имѣть, а шакке прекрасный женскій уборъ. Любезная *Ало-зе!* у меня ешь фонгъ вангъ 8), весь вызолоченный, а самая верхушка, загнувшись, достаешъ почши мнѣ до носа. Суди о моемъ благополу-

---

7) Драконы шакке опличительная принадлежность царская, и если Кишайцы изображающъ ихъ у себя на плашьѣ, шо не иначе какъ съ чешырьмя лапами, что и составляетъ все различіе.

8) Родъ колпака изъ золоша, дѣлаемый на подобіе ппицы съ распущенными крыльями. Уборъ сей носятъ въ Кишаѣ однѣ шолько замужня женщины.

чи!..Женихъ; или почти мужъ—знаменишѣйшій изъ всѣхъ Мандариновъ въ Государствѣ—и такой прекрасный уборъ!!

Послѣ свадьбы сама приѣду къ тебѣ, чшобъ подробнѣе обо всемъ разсказать.

Съ Франц. Р.

САТИРИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА.

П....26 Генваря 1823.

Одинъ изъ здѣшнихъ помѣщиковъ старый заслуженный Шшабъ - Офицеръ разсердился чрезвычайно на своего сосѣда, молодого человека, недавно вышедшаго изъ училища и получившаго первый Офицерскій чинъ, за то, что сей послѣдній, въ письмѣ своемъ къ нему, написалъ: *Милостивый Государь!*—“Какъ смѣешь мальчишка писать шакъ грубо ко мнѣ!”, говорилъ онъ своимъ приятелямъ. “И Губернскій Превоидишель нашъ и самъ Губернашоръ, несмотря на то, что одинъ изъ нихъ 4, а другой 5 класса, всегда писали въ письмахъ своихъ ко мнѣ: “Милоспивый Государь мой!”, Посмотрише—я вамъ покажу, а ему докажу, докажу! Одинъ (военный) изъ приятелей почтеннаго нашего вешерана, копорый *граматѣ не зналъ за недосцеолѣ*, совѣ-

шоваль ему вызвать сосѣда на поединокъ; а другой (спашскій) подашь на него просьбу о взысканіи бесчестія: но къ счастью приѣхаль въ самое это время Секретарь изъ Земскаго Суда, человекъ дѣловый, кошорый располоковаль и хозяину и гостямъ его, что въ перепискѣ слова: *Милостивый Государь!* означающъ болѣе учтивости, нежели: «Милоспивый Государь мой!», Такимъ образомъ предупредень былъ у насъ дуель, или по крайней мѣрѣ процессъ, кошорый не много принесъ бы чести безграмотному испцу.

В . . . 28 Генваря 1823.

Уѣздный Судья нашъ въ день своего пезоименипства даваль сыпный обѣдъ. Къ оному приглашены были всѣ уѣздные чиновники, какъ по: Городничій, Спряпчій и Казначей съ ихъ супругами, шакже нѣсколько изъ уѣзда дворянъ. Въ два часа приѣхали всѣ къ имениннику, кромѣ Городничаго, кошорый по дѣламъ службы опсправился въ губерпскій городъ. Послѣ обѣда сѣли играшь въ боспонъ: супруга Г. Городничаго, супруга Г. Спряпчаго, Казначей и одинъ опспавный за ранами Офицеръ, весьма скромный и любезный молодой человекъ, но къ сожалѣнію бѣднѣйшій помѣщикъ изо всего уѣзда. Хозяинъ съ хозяйкою и съ прочими гостями сидѣли въ другой комнашѣ. Вдругъ до

ходишь до ушей ихъ пронзительный крикъ Гжи Городничихи. “Какъ могли вы, сударь, “шакъ забыться! Какъ смѣете поступать “шакъ съ *благородною* дамою! Счастливы вы, “что нѣтъ здѣсь моего мужа, а то пока- “заль бы онъ вамъ, проучилъ бы васъ!”, — Хозяинъ, хозяйка, всѣ госпи бросились въ шу комнату, гдѣ шакъ шумѣла за боспо- номъ Гжа Городничиха. — Что шакое? Что шакое? — спрашиваюшь ее всѣ вдругъ. — “Я “не ожидала получишь здѣсь въ домѣ шакого “оскорбленія”, — ошвѣчала она, задыхаясь ошъ гнѣва. — “Предсшавьте себѣ: у меня *франка-* “шройка; я пошла съ шройки, а эшопъ гос- “подинъ (*показывая на Офицера*) покрылъ ее “kozyремъ!!!”, — Ну, машушка, сказалъ почшен- ный и просподушный хозяинъ: эшо могъ онъ сдѣлать и при вашемъ сожипелѣ. — Гжа Го- родничиха разсердилась, уѣхала домой и не заплашила проигранныхъ ею денегъ.

Приглашенія.

1.

Содержатель . . . . театра приглашаетъ молодыхъ любипелей драматическаго иску- ства брать у него уроки на слѣдующихъ условіяхъ: 1) надобно, чшобъ молодому чело- вѣку было не болѣе 15 лѣтъ ошъ роду; 2)

чшобъ онъ умѣлъ кой - какъ чипашь (чемъ хуже, темъ лучше); 3) росшомъ былъ не болѣе 2 аршинъ и 3 вершковъ; 4) имѣлъ бы слабый органъ; 5) лице всегда спокойное и 6) швердо вѣрилъ, что училель его есть первый чшець въ Россійскомъ Государствѣ.— Вышеозначенный содержашель... театра обязывается, безъ всякой плашы, *въ одинъ годъ* произвеспи такого молодаго челоука въ первые прагическіе аршисшы.

2.

Попребна актриса для роли *львицы* въ *Драмѣ: Джонъ, или добродѣтельный Иванъ*.— Явишься на пробу въ маленькій лубочный театръ, что на Невѣ у ледяныхъ горъ.

3.

Попребны для мѣлочныхъ криптиковъ здравый смыслъ и нѣскольکو совѣсши. Спросишь въ книжныхъ лавкахъ.

т т т т т

Извѣстіе о бѣдномъ сѣиствѣ.

На Пешербургской споронѣ, 3 го квартала, въ широкой улицѣ, въ домѣ Прапорщицы Голубицыной, подъ № 898, живель не-

счастный осмидесятилѣтній спарець *Василій Михайловъ*, Онъ почти совсемъ лишился зрѣнія и онъ спароспи чувствеуетъ разслабленіе во всѣхъ членахъ. Жена его, 67 лѣтняя спарушка, и дочь, слишкомъ 30 лѣтъ, прешерпѣвають вмѣстѣ съ нимъ крайній во всемъ недоспашокъ и очень часто проводятъ цѣлые дни безъ куска хлѣба.

Н—ой.

~~~~~

О подпискѣ на новыя книги.

1.

Царствованіе Карла Великаго, Короля Французскаго, Императора Западнаго. 3 часпи. Перевель съ Французскаго Н. Коншинъ, Дѣйств. Членъ С. П. бург. Вольнаго Общесства Любиселей Рос. Словесности.

Авторъ начинаетъ книгу свою обзорѣніемъ состоянія Франціи при послѣднихъ Короляхъ перваго поколѣнія.—Упадокъ власти законной служилъ средствомъ къ возвышенію Палатинныхъ Меровъ.—Пепинъ Короткой, покровительствуемый Папой и сильною партией, заключаетъ въ монастырь Хильдерика, царствовавшаго Короля, и помазанъ на царство рукою Папы.—Характеръ Пепина.

Послѣ сего начинается уже исторія сы-

на его Карла Великаго, со всѣми подробностями его 48лѣшняго царствования, бывшаго достопримѣчательнѣйшею эпохою въ Европѣ.—Карль покровительствуетъ вѣрѣ, наукамъ и художествамъ—поражаетъ Гунновъ—переселяетъ Саксонцовъ—уничтожаетъ быспрошой своихъ военныхъ дѣйствій предприятия заговора, въ который вступили противъ него Гишпанія, Испалія, Германія и Воспокъ—описание Ронцевальскаго дня, споль извѣснаго по баснословнымъ преданіямъ—взглядъ на Грецію и полипику Императрицы Ирины—Карль коронованъ въ Императоры и возстановляетъ Римскую Имперію на западѣ, и пр.

Книга сія есть подарокъ любителямъ Истории, ибо на отечественномъ языкѣ не было еще описанія жизни Карла Великаго, сего страшнаго завоевателя, Государя нанесшаго (какъ говоритъ Юнгъ Шпиллингъ въ своей побѣдной повѣсти), послѣдній ударъ язычеству на западѣ, и, можно сказать, перваго законодателя, начавшаго преобразование Европы.

Книга сія печатается хорошими литерами на бѣлой бумагѣ въ 8 долю листа. Цѣна за всѣ при часши 10 рублей.

Подписка принимается:

Въ С. П. бургѣ у Коммисіонера Высочайше утвержденнаго С.П.бургскаго Вольнаго

Общества Люб. Рос. Словесности И. В. Сле-
вина.

Въ библіотекѣ для чтенія Коммисіоне-
ра Имп. Рос. Академіи В. А. Плавильщикова.

Въ Москвѣ—у содержателя Университет-
ской книжной лавки А. С. Ширяева.

Н. К.

2.

Памятникъ для дѣтей на 1823 годѣ.

Полезное и приятное чтеніе, служащее
къ образованію ума и сердца, въ 4 часпяхъ,
содержащихъ въ себѣ 12 книжекъ, съ раскра-
шенными эстампами, виньетами и портре-
тами. Эстампы представляютъ каждый мѣ-
сяцъ въ видѣ прелестнаго юноши (Генія), а
вокругъ его народныя занятія; виньеты
изображаютъ: зиму, весну, лѣто, осень, и
Европу, Азію, Африку, Америку; а портреты
великихъ мужей Греціи и Рима.

Въ семь изданіи помѣщены:

I. Описаніе историческихъ происшествій,
бывшихъ въ Европѣ и другихъ странахъ
свѣта, съ означеніемъ спольмія, года и чис-
ла, въ которое что достопамятнаго случи-
лось.

II. Родословная всѣхъ Великихъ Князей,
Царей и Императоровъ Россійскихъ. При
каждомъ Государѣ показано время царство-

ванія; также означены лѣта его, годъ кончины и мѣсто, гдѣ онъ погребенъ.

III. Описаніе губернскихъ и нѣкоторыхъ другихъ достопримѣчательныхъ городовъ Россійской Имперіи, съ замѣчаніемъ когда и кемъ каждый изъ оныхъ былъ основанъ и съ вѣрнымъ показаніемъ рѣдкостей въ немъ, промысловъ, фабрикъ, заводовъ, и проч.

IV. Словарь Историческо-Минералогическій, расположенный по алфавиту.

Подписка принимается у Краснаго моста въ первомъ отдѣлѣ Морской домъ Г. Спаш. Сов. и Кав. Тулубева, въ кн. лавкѣ. — Иногородныя особы присылку денегъ благоволяше надписывать Книгопродавцу Ив. Ильину въ вышеозначенный домъ. Подписная цѣна здѣсь и съ пересылкою 15 р.

И. И.

~~~~~

(1го Марта.)

БЛАГОНАМЪРЕННЫЙ.

1823. № V.

ТОРЖЕСТВО ИСКУПИТЕЛЯ *).

Туманень восходъ пробужденной денницы
Роса не горитъ на расцвѣтшихъ холмахъ,
Лишь изрѣдка въперъ лепечеть въ ку-
спахъ
Окрестъ осѣненной Христовой гробницы.
Въ безмолвіи спражи близъ камня сшоятъ
Съ мечемъ и съ орлами сполиты вселенной;
Торжественной злобой пылають ихъ
взглядъ.
Внимайте! раздался ихъ гласъ дерзновенной:

“Вотъ и послѣдняя ночь пролетѣла!

“Царь Іудейскій! гдѣжь швой объшь?

“Духъ не исхишишь хладнаго шѣла:

“Рашникъ Пилаша его спѣрежешь.

“Спи, Назарянинъ, сномъ безмятежнымъ,

“Вѣшникъ молодой пробужденья да-
лѣкъ,

“Други! ко граду! рдѣешь Воспокъ—

“Камень да будешь спражемъ на-
дежнымъ.,,

---

*) Чисано на публичномъ экзаменѣ С. П. Бургскаго
Высшаго Училища 22 Декабря 1822 года.

Вдругъ синій сводъ небесъ на часпи раз-
 двоился,
 Безвѣстный разлился по доламъ еиміамъ,
 Въ огнисномъ облакъ Таинственнѣй спус-
 спился,
 Покровъ, какъ свѣшлый снѣгъ . . . лучъ
 вѣшся по власамъ.

И рашники пали къ преддверью
 гробницы,
 Божественнѣй Вѣшникъ ударомъ
 десницы
 Гранишь сокрушилъ — Искупитель
 возспаль;
 Блескомъ небесъ вершоградъ запы-
 лаль.

Грѣмъ возвѣспилъ пробужденіе Бога:

“Царь Искупитель, Свѣшлый воскресъ!”
 Гласъ Херувимовъ грянулъ съ небесъ,
 Вшорить земля восклицанье Восшока.

Райскимъ свѣшомъ облеченной,
 Въ длани съ знаменемъ побѣдъ,
 Возносясь ошъ шьмы подземной,
 Зришь Хришось міровъ при-
 вѣшь.

Радости полонъ Богъ — Искупитель:

“Ошче! въ швою пренесуся обидель!”

Върой свяшой озарень мой народъ!

Тяжкихъ шпраданий сладостень плодъ!”

Пл. Ободовскій.

И шпебель мой склонишся
 На сей пусшынный прахъ! ...
 Не буду веселишся
 Я солнцемъ въ небесахъ,
 Ни крошкой луною,
 Ни юностию дня,
 Ни свѣплою росою
 Сребрящею меня! ....
 И шпебель мой исплѣшъ,
 Увянешъ цвѣшъ въ лиспахъ,
 И вѣшеръ ихъ развѣшъ
 Въ долинахъ и поляхъ ...
 И звѣроловъ съ зарею
 Напрасно въ лугъ придешъ;
 Плѣнявшаго красою
 Цвѣшка—онъ не найдешъ!
 Напрасно будешъ въ полѣ
 Смошрѣшъ со всѣхъ споронъ—
 Меня не будешъ болѣ,
 Меня не узришъ онъ.
 ‘Гдѣ ты цвѣшочикъ милый—
 ‘Краса долины сей?’,
 И слезъ пошокъ унылый
 Покашишся спруей!...,,
 Такъ нѣкогда увянешъ
 И спарець Оссіанъ,
 И арфы пѣснь преспанешъ
 Плѣняшъ Героевъ странъ! ...
 ‘Гдѣ славный сынъ Фингала,
 Такъ скажешъ звѣроловъ:

«Чья пѣснь воспламеняла
 Героевъ на враговъ! ...
 Чшо персшы не лешающъ
 По пламеннымъ спрунамъ? ... »,
 И слезы заблещаютъ,
 Спруся по щекамъ! ...
 И шамъ, гдѣ арфъ спрунами
 Я бившы воспѣвалъ,
 Гдѣ ты Фингалъ съ сынами
 Въ день брани пировалъ,
 Гдѣ кубки круговые
 Сшучали по споламъ,
 Тамъ будущъ вебри злые
 Скишашся по лѣсамъ;
 Умолкнешъ гласъ гремящихъ
 Фингалу Бардовъ гимнъ;
 Не будешъ отъ горящихъ
 Дубовъ взвѣвашся дымъ;
 И башни наклоненны
 Одѣнешъ мохъ съ правой,
 И чернъ уединенный
 Съ крапивою сѣдой;
 И въшрѣ, играя лисшомъ,
 Въ чершюгахъ восшумишъ;
 «Нѣтъ Барда!», эхо съ свисшомъ
 Уныло повторишъ! ...
 Лишь небо озлапишся
 Янпарною зарей—
 На гробъ придушъ рѣзвисься
 Лань и олень молодой;—

Лишь звѣроловъ—спрѣлами
 Спѣшацій сернь разишь —
 Съ играющими псами
 Могилу лосѣшишь, —

II. Шкляревскій. *)

~~~~~

КЪ ПАНАЕВУ.

Сонетъ.

За дарованіемъ и зависть и гоненье
 Всегда Пѣвецъ! слѣдило и слѣдишь;
 Но не всегда завистникъ повредишь
 Любимцу Музь въ слѣпомъ ожеспоченьѣ.

Презрѣнное завистниковъ шипѣнье
 Хопя Пѣвца на поприщѣ язвись;
 За то оно отъ леспи вѣрный щипъ
 И спящее въ немъ будишь вдохновенье!

Пусть недруги клеветушъ на Пѣвца,
 И въ слѣдъ ползуть змѣею подкодной;
 Избранникъ Музь за огонь души свободной,
 За даръ свяшый благодарись Творца,
 И ждешь въ вѣкахъ прекраснаго вѣнца,
 Вѣнца прудамъ съ надеждой благородной.

4.

~~~~~

*) Воспитанникъ бывшаго Учительскаго Института,
 что нынѣ С. П. бургская Гимназія.

КЪ ПРИЯТЕЛЮ.

(на убѣжденіе выпить третій бокалъ.)

Нѣшъ, мой Лукулль, я не для шуцокъ —
 Прошу не принуждашь.
 На мигъ веселья, намъ разсудокъ
 Не выгодно мѣняшь.

*

Бокалы Роскошь наливаєшь;
 Ты говоришь мнѣ: пей!
 Но принужденъе убѣгаешь,
 Гдѣ пѣсень кругъ друзей.

*

Пускай хвалиль вино Горацій,
 Не стану болѣ пишь;
 Мнѣ лучше плѣнникомъ у Грацій,
 Чемъ въ плѣнѣ Вакха бышь!

*

Пусть льется въ хрустали Донское;
 И яншаремъ кипишь;
 Намъ крапко время золотое,
 Чась дорогъ, жизнь лепишь.

*

Зачемъ Морфею покорисься,
 До вечера — вздремашь?
 Вѣнкомъ цвѣшовъ дай намъ увишься,
 Зачемъ цвѣшны подшашь?

Б. Федоровъ.

КЪ СЕСТРЪ

(При посылкѣ ей Сочиненій Жуковскаго.)

Тому кто, съ раннихъ лѣтъ, душою
 Свящую правду возлюбилъ,
 И первыхъ мыслей чистотою
 Себя опъ черни оградилъ;
 Кто смѣлымъ, огненнымъ желаньемъ
 Законы Неба одолѣлъ,
 И въ горній мѣръ перелетѣлъ
 Воспоргомъ, чувствомъ и мечтаньемъ:
 Тому—шумъ зависши презрѣвъ—
 Цѣнишь, въ порывахъ благородныхъ,
 Балладника прекрасныхъ дѣвъ
 И лѣтописца библейскихъ народныхъ.
 Тому любишь и понимаешь
 Высокихъ чувствованій сладость,
 И тихихъ думъ живую радость
 И беспокойныхъ думъ печать,
 И голосъ сердца покаянный
 О благахъ дальнихъ, но священныхъ....
 Блаженъ, кто свыше вдохновенный,
 Поэза чистый огонь постигъ!
 Но славенъ и блаженъ спокрапню
 Писомецъ избранный Судьбы—
 Опъ колыбели непонятный,
 И вождь и властелинъ полны.
 Приавшій жизнь съ безсмертнымъ правомъ
 На лирѣ воспѣвашъ боговъ;
 И лиры сладостнымъ ушавомъ

Вогамъ, въ гармоніи стиховъ
 Передавать мольбы сыновъ.
 Ему не спрашно міра мнѣнъ!
 Хвалу людей отвергнувъ самъ,
 Онъ бросивъ міръ, въ уединеньѣ,
 Хранишь въ душѣ одно презрѣнъе
 Къ его тиранамъ и рабамъ —
 Одну веселость и беспечность
 И равнодушье проснопы,
 Съ надеждой шайною, что вѣчность
 Его наслѣдуетъ мечшы.

1822.

Туланскій.

О ШКОЛАХЪ ЖИВОПИСИ.

Школа Живописи — сіе выраженіе употребляютъ обыкновенно для означенія класса, или многихъ, бывшихъ сряду одинъ за другимъ живописцевъ, прославившихся въ одной землѣ и слѣдовавшихъ вкусу оной; а иногда и для того, что бы показати учениковъ какого нибудь знамениаго живописца, или работавшихъ въ его вкусѣ; и пошому въ семъ послѣднемъ смыслѣ говорятъ: *школа Рафаэля, Рубенса, и пр.*

Но принимая слово: *школа*, въ просраннѣйшемъ его значеніи, счищаютъ

въ Европѣ восемь школъ, а именно: Римскую, Флорентинскую, Ломбардскую, Венеціанскую, Нѣмецкую, Фламандскую, Голландскую и Французскую.

Подъ названіемъ каждой соберемъ первѣйшихъ художниковъ, произведенныхъ ими; испорія сихъ художниковъ содержишь испорію самаго художества и не можешь бышь отдѣлена отъ оной.

Нѣмецкая школа. Произведенія сей школы отличаются вѣрнымъ изображеніемъ природы, какою представляется она глазамъ нашимъ со всѣми ея недостатками, а не какою могла бы она бышь во всемъ своемъ совершенствѣ. Кажется изъ сего слѣдуешь то, что произведенія *Нѣмецкой школы* не должны различивоваться отъ произведеній Голландской и Фламандской, копорымъ дѣлають одинакіе упреки, что онѣ изображаютъ природу, не облагораживая ее; но въ семъ отношеніи между ими находишь величайшее распояніе. Полевья сцены, деревенскіе праздники, каршины во вѣсѣ проспонародномъ и другія произведенія сего рода живописцевъ Нѣмецкихъ вообще не имѣють

шого искусства въ накладываніи красокъ, шой выразишельности, приащности, шого духа, характера истины и ошкровенности, исполненной прелестями, наконецъ не имѣюшь шой совершенной ошдѣлки, кошорую находяшь въ произведеніяхъ Нидерландскихъ живописцевъ; здѣсь говорю я вообще и не безъ исключенія.

Дюреръ Албертъ. (Durer Albert), одаренный обширнымъ умомъ, обнимавшимъ всѣ художества, родился въ Ниренбергѣ въ 1470 г. и умеръ въ томъ же городѣ 1528 г. Онъ положилъ основаніе *Нѣмецкой школы* и чрезвычайно прославился первыми своими произведениями. Государи старались имѣть у себя его каршины, осыпали его похвалами, почестями и богатствомъ. Эшпаппы сего опличнаго художника сдѣлались драгоценными даже для Италіянскихъ живописцевъ, извлекавшихъ изъ оныхъ большую для себя пользу. Сей знаменитый человекъ вырѣзывалъ на деревѣ и мѣди каршины, кошорыя и послѣ него гравировали. Извѣстно, что онъ писалъ о Геометрии, Перспективѣ, Форшифи-

каціи и о пропорціи часпей чловѣческаго тѣла.

Голбеинъ Іоаннъ . (Holbein Jean) родился въ Балѣ, 1498 г., умеръ въ Лондонѣ 1554 г. Сей знаменитый живописецъ, причисляемый мною къ классу Нѣмецкихъ (хотя и родился въ Швейцаріи), имѣлъ у себя наставникомъ одного полково своего родителя. Съ помощію счастливаго своего генія достигъ онъ степени первѣйшаго архиста въ первоначальныхъ своихъ произведеніяхъ. Занимался также и миниатурою, писалъ водяными красками, на клею и на маслѣ. Обезсмертилъ имя свое произведеніями кисти своей, находящимися въ Балѣ и Лондонѣ. Если Голбеинъ не можешь сравниться въ картинахъ своихъ поэзою съ учениками Рафаэля, то превосходишь ихъ колоритомъ.

Ротенамеръ Іоаннъ (Rothemann Jean) родился въ Минхенѣ 1564 г.—Дарованія свои раскрылъ во время пребыванія въ Испаніи и прославился многими произведеніями, въ числѣ кошорыхъ полагаюшь *пиръ боговъ*, писанный имъ для Императора Рудольфа; *танць Нилфъ*

для Фердинанда Герцога Мантуи и картину *всѣхъ святыхъ*; сіи двѣ послѣднія картины находились еще въ 1772 г. въ Аусбургѣ. Ропенамеръ работалъ во вкусѣ Фламандскихъ и Венеціанскихъ живописцевъ; колоритъ картинъ его блестящъ и вообще всѣ труды его имѣють хорошую опдѣлку, только упрекають его за то, что мало исправлялъ рисункъ.

Эльзаймеръ Адамъ (Elshaimer Adam), родился во Франкфуртѣ 1574, умеръ въ Римѣ 1620 г. Сочиненія его имѣють весьма много замысловатости, а работа мастерскую опдѣлку. Онъ занимался почти одними только мѣлочными предметами и удивительнымъ образомъ представлялъ явленія ночи и свѣтъ луны; способъ его накладываѣть краски имѣеть весьма много искусства и прищности. Эльзаймеръ очень хорошо понималъ *мрачный свѣтъ* (obscure). Всѣ фигуры изображалъ онъ съ большимъ вкусомъ и истиною. Картины его рѣдки и драгоценны.

Башуйзенъ Людольфъ (Bachuysen Ludolphe) родился 1631 г. въ Емденѣ, умеръ

въ 1709 г. Сей артисшъ изображалъ на-
туру съ величайшею точностію. Онъ
предспавлялъ морскіе виды, а особливо
бури съ большимъ искусствомъ.

Нетшеръ Гаспаръ (Netscher Gaspard)
родился въ Прагѣ 1636, умеръ въ Гайѣ
1684 г. Опличень своими поршретами,
искусшвомъ изображашь предметы въ
маломъ видѣ и особеннымъ шаланшомъ
писашь на апласѣ и холспѣ. Онъ имѣлъ
обыкновеніе, прежде окончательной оп-
дѣлки, покрывашь картины лакомъ, по-
шомъ исправлялъ қолера, соединялъ ихъ
и смѣшиваль.

Миньонъ Авраамъ (Mignon Abraham)
родился во Франкфуршѣ 1640, умеръ
1679 г. Эпо Ванъ-Гусейнь (Van Huysen)
Нѣмецкой школы; шворенія его драго-
цѣнны по шому искусству, съ какимъ
изображалъ онъ цвѣшны во всемъ ихъ
блескѣ и плоды во всей ихъ свѣжести;
по выбору шѣхъ и другихъ и по удач-
ному соединенію ихъ въ группы; по
особенному колоритш, кошорый казал-
ся какъ бы прозрачнымъ и слышимъ
безъ сухости; наконецъ по чудесному
подражанію росѣ и каплямъ воды, ко-

порыми природа осыпаетъ цвѣты и плоды. Сей любезный арписшъ оставилъ по себѣ двухъ дочерей, писавшихъ въ его вкусѣ. Голландцы высоко цѣнятъ его карпины и собрали ихъ сколько могли.

Меріанъ, Марія Сибилла (Merian Marie Sibille) родилась во Франкфуртѣ 1647, умерла въ Амстердамѣ 1717 г. Прославилась склонностію своею къ исторіи насѣкомыхъ, искусствомъ изображать ихъ, путешесствіями для сего предмета въ Индію, и наконецъ своими сочиненіями, оппечатанными съ приложеніемъ фигуръ.

Кнеллеръ Годафруа (Kneller Godefroi) родившійся въ Любекѣ 1648, а умершій въ Лондонѣ 1717 г., прославился и обогатился въ Англіи отъ портретовъ. Онъ писалъ иногда и историческія карпины, въ которыхъ видна рисовка швердая безъ грубости и колоритъ *тутный* (опстнеух). Основаніе карпинъ сихъ вездѣ у него украшено пейзажами, или архитектурными видами.

Клингстетъ (Klingstet) родился въ Ритѣ 1657. Умеръ въ Парижѣ 1734. Ми-

віаіюры его превосходны. Онъ рисо-
валь обыкновенно Китайскою тушью.
Предметамъ рисовки своей даваль чрез-
вычайную свободу.

Изъ Энциклоп. А. К. л. к. в.

т т т т т

ВЗГЛЯДЪ НА ДИДАКТИЧЕСКІЯ РУССКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ *).

Поэзія *Дидактическая*, имѣющая пред-
метомъ или наставленіе въ искусстввахъ,
наукахъ, или развитіе нравственныхъ
испий и душевныхъ способностей, при-
надлежитъ безъ сомнѣнія къ числу за-
нятій Поэта самыхъ благороднѣйшихъ
и самыхъ трудныхъ—попребна вся сила
генія, все богатство искусства, что бы
предметъ, часто самъ по себѣ сухой,
сдѣлать занимательнымъ и наставле-
нія приятными. *Дидактическую* Поэзію
можно заключить въ двухъ родахъ: въ
Посланіяхъ и *Поэмахъ*.

---

*) Читано въ Обществѣ любителей Сло-
весности, Наукъ и Художествъ 22 ч. Фев.

1. Посланія.

Ломоносовъ , справедливо называемый опцемъ Россійскаго Спихопворства, первый далъ намъ достойный образчикъ Поэзіи сего рода въ *Посланіи* своемъ къ Шувалову о пользѣ стекла. Богатый дарованіями и знаніями, умѣлъ онъ сдѣлать привлекательнымъ предметъ самый обыкновенный. Кто не помнишь спиховъ его, въ кошорыхъ изображаетъ онъ рожденіе стекла.

Съ Напурой нѣкогда онъ (*огонь*) произвешъ
кошя

Достойное себя и оныя дшя,
 Во мрачной глубинѣ, подѣ шягосшью земною,
 Гдѣ вѣчно онъ живешъ и борешся съ водою,
 Всѣ силы собралъ вдругъ и хляби зашворилъ,
 Въ кошоры Океанъ на брань къ нему входилъ,
 Напрягся мышцами и рамена подвигнулъ
 И шягошу земли превыше облакъ вскинулъ:
 Внезапно черный дымъ навель густую шѣнь—
 И въ ночь ужасную перемѣнился день.
 Не баснопворнаго здѣсь ради Геркулеса
 Двѣ ночи сложены въ едину опшъ Зевеса;
 Но Эшна правдѣ сей свидѣшель вѣчный намъ,
 Кошорая дала пушь чуднымъ симъ родамъ.
 Изъ ней разженная рѣка шекла въ пучину,

И свѣпъ, опчаясь, мнилъ, что зришь свою
судьбину.

Но ужасу шому послѣдовалъ конецъ:

Довольна чадомъ мать, доволенъ и отецъ.

Прогнали долгу ночь и жаръ свой погасили

И солнцу ясному рожденіе ошкрыли.

И чшожь изъ нѣдръ земныхъ, родясь, прои-
зошло? —

Любезное дитя, прекрасное стекло! —

Графъ Хвосповъ написалъ много Посланій о предметахъ, ошносящихся бѣльшею часпю къ Литпературѣ, какъ то: объ Исторіи, Критикѣ, красотѣ Россійскаго слова, Оперѣ, Комедіи, и проч.—но въ особенноти заслуживаетъ вниманіе Посланіе его о *Притгахъ*, въ кошоромъ Сочинитель, посвятившій бѣльшую часпъ литпературныхъ своихъ заняпій Дидактической Поэзіи, излагаетъ правила *Басни*, забытой Буало въ его *Наукъ Стихотворства*. Посланія Графа Хвоспова опличаются истинною мыслей и благородными чувствованиями. Такъ на примѣръ, въ одномъ изъ Посланій своихъ онъ прекраено говоритъ о истинныхъ Поэтахъ слѣдующими стихами:

Поэтъ, Природою и Музой вдохновенный,
 Въ числѣ даровъ земныхъ для міра даръ
 безцѣнный.

О бытіи его пускай и слухъ умреть,
 Но мысль высокая всегда въ умахъ живеть.
 Безсмертенъ и великъ пѣвецъ народной славы:
 Онъ мысль плодотворить и назидаетъ нравы.

Въ другомъ мѣстѣ онъ превосходно
 изображаетъ двумя стихами прочность
 Литтературы, богатой истинными
 геніями. Вотъ его слова:

Оружьемъ, мудростью былъ древле Римъ ве-
 ликъ.
 Римъ палъ—не пали съ нимъ *Витіи* и языкъ.

Въ Посланіяхъ Графа Хвостова
 встрѣчается много стиховъ прозаиче-
 скихъ. Несмотря однакоже на сіе, ди-
 дактическія сочиненія Графа Хвостова
 заслуживають истинное уваженіе: онъ
 одинъ занимался у насъ симъ родомъ
 Поэзіи. По слогу лучшимъ изъ его По-
 сланій можешь почесться писанное имъ
 (1784 года) къ Княжнину о Трагедіи.
 Вотъ оно:

Княжнинъ! ты поприще *высокое* избралъ!
 Мой другъ! исполни то, что песнь *твоя*
 общалъ;

Театра нашего основанное зданье
 Усовершенствовашъ ты приложи старанье.
 Красы всеобщія плѣняющъ каждый въкъ,
 Коль ихъ постигъ, спѣсалъ великій человекъ.
 Умъ, сердце всѣмъ даны; не климатъ и не *рѣки*
 Виною, что въ сѣняхъ споль превосходны
 Греки.

Въ шуманномъ Лондонѣ большіе ешь умы;
 Коль даръ съ наукой *слишь—сіять* удобны
 мы.

Ты пѣсней сладостью Петрополь восхищая
 И зришелей своихъ лишь слезы заставляя,
 Огнь чувства почерпнулъ въ сердечной глу-
 бинѣ,

Примѣрами своей являешь ты странѣ,
 Что скудень хладный умъ Трагедію соства-
 вить,
 Что нужно чувствовашъ, чтобъ чувство-
 вать заставить.

Зря Ифигенію, забылъ я, кто Расинъ,
 И мнилъ, что мнѣ предсталъ Оеপিдинъ въ
 гнѣвѣ сынъ;

Увѣнчанною зрѣшь любовь его желаю,
 Съ нимъ изступленіе, съ нимъ горестъ раз-
 дѣляю,

Спрадаю вмѣстѣ съ нимъ и внемля спра-
 санный спонъ,

Страшусь, что бы Улиссъ, иль самъ Агамемнонь

Царевну юную не предали на жершву;
 Ее, какъ сродницу, боюсь увидѣшь мершву.
 Искусство ужасать и умилять сердца—
 Есть цѣль, обязанность Трагедіи шворца;
 Пусть лица дѣйствія свободно безъ искусства
 Свои природные являють нравы, чувшва.
 Любовь; иль ненависть шы власпень къ
 нимъ внушашь,

Но свойствѣ естественныхъ спрашись перемѣняшь,
 Чшобъ зрители швои, въ часъ сладкаго забвенья,

Собышье зрѣли бы, не плодъ воображенья;
 Чшобъ не примѣшилъ я нигдѣ спрасшей швоихъ;

Себя сокрой—представь героевъ намъ своихъ.
 Присвой себѣ, Княжнинъ, чужія шы напасши,
 Умѣй ихъ описашь какъ общешвенныя спрасши,
 Забудь вселенную и, взявъ крилъ ума,
 Пари безъ робосши и Муза пусть сама
 Вожашый, будешь швой—спихи всегда пре-
 красны,

Коль съ духомъ и умомъ писашеля согласны.
 Заемныя красы—хвала родившу ихъ!—
 Творца не поведешь чужой ко славъ спихъ,
 И если зрешеля на мигъ и ослѣпляешь,
 Творенье цѣлое въ попомшвѣ помрачаешь.

Будь подражашелемъ, но въ цѣломъ, не въ
 часпяхъ,
 Въ высокомъ, въ нѣжности и въ сладосп-
 ныхъ спихахъ.
 Кшо мыслишь побѣдишь Расина безъ пре-
 поны,
 Топъ въ Пиррѣ опиши гнѣвъ спраспный
 Гермюны,
 Своей красой плѣняй, самъ сдѣлайся шво-
 рець,
 Коль хочешь приобрѣсть безсмертія вѣнецъ.
 Поэщъ на Пиндѣ спремьясь съ эпической
 шрубою,
 Необозримое зришь поле предъ собою;
 Покоршвуюшъ ему всѣ часпи еспешсва,
 Всѣ швари, виды всѣ и сами божесшва.
 Дерзнувъ соорудишь огромное шворенье,
 Всему онъ можешь дашь жизнь, чувшво и
 движенье.
 Творцу Трагедьи кругъ опредѣлень шѣснѣй;
 Онъ долженъ сохранишь единшво мѣста въ
 ней,
 Единшво въ дѣйшвіи, единшво въ при-
 лѣпленьѣ,
 Чшобъ къ одному лицу спремилось сожа-
 лѣнье.
 Правдоподобіе вождемъ своимъ избравъ,
 Онъ долженъ предспавляшь героевъ спрасшъ
 и нравъ,
 Природѣ слѣдовашъ и скривъ свое искусшво,

Мы ихъ найдемъ, исчисля прекрасныя
 свойства Монарха:
 Царь АЛЕКСАНДРЪ щедръ, мудръ, храбръ,
 швердъ, быспръ, скромень, и смѣпливъ.
 Хочешь ли видѣшь поле сраженія: пыль, дымъ,
 огонь, громъ,
 Щипъ въ щипъ, мечъ въ мечъ, ядры жуж-
 жапъ и лопающъ бомбы,
 Сгрянулись рапи, брань закипѣла—и кровь
 полилася.
 Хочешь ли видѣшь мирное поле подъ жаш-
 вой богапой,
 Слышашъ въ гумнѣ на поку бой въ ладъ
 дѣновъ молопящихъ;
 Здѣсь сквозь доски пила визжишъ, зацѣпля-
 ясь зубами;
 Тупъ ковачи разъ въ разъ бѣюшъ спаль,
 спуча молошами;
 Тамъ раздаешся лай псовъ по мхамъ, по хол-
 мамъ, по долинамъ.
 Грянуль перунъ—и громкое эхо кругомъ по-
 кашилось;
 Свиснуль порывистый вѣспръ, буграми взду-
 лося море,
 Хлябъ ревешъ и клокочешъ, огромныя волны
 хлебещушъ,
 Ребра шрещашъ въ кораблѣ и скрыпяшъ на-
 тянушы скрѣпы,
 Руль раздроблемъ, и внезапно валъ, на ко-
 рабль набѣжавшій,

Перевернувъ его прижды, спремглавъ сшибъ
кормчаго въ бездну.

2. Поэмы.

Литтература наша не представляеть еще собощенныхъ Русскихъ Дидактическихъ Поэмъ, но по крайней мѣрѣ мы можемъ надѣяться въ скоромъ времени имѣть ихъ. Г. Норовъ давно уже занимается сочиненіемъ Дидактической Поэмы: *Астрономія*. Отрывки оной, напечатанные въ разныхъ Журналахъ, заславляють думашь, что сочинитель досшойно изобразить намъ высокій предметъ свой, раждающій столько мыслей и чувствованій. Для примѣра прилагаю слѣдующій отрывокъ:

Вы, коихъ искони Востокъ богопворилъ,
Везсмершнымиль насъ Богъ, о звѣзды! со-
шворилъ?
Нѣшь—солнцевъ тысящи, небесныя лампы
Пошухнушь—медльно дряхльють ихъ гро-
мады,
И смершь, чей алчности земли всей шѣсенъ
кругъ,

Вездѣ паришь, увы! гдѣ видишь жизни
духъ!

Такъ все преиши должно; сіи міры огромны,
Подобно какъ и мы рукѣ времянь покорны—
Подобно какъ и здѣсь, должныль въ нихъ
обишать

Творенья мысляци и жаждущія знать...

Невшоны, Лейбницы и шамъ ли процвѣша-
ютъ?..

Когда мечшы сіи мой разумъ занима-
ютъ,

Бышь можешъ, гражданинь одной изъ сихъ
планетъ,

Спремащихъ съ высопы по мраку блѣдный
свѣтъ

Однѣми мыслями со мною веселится!

Что, еслибъ мы могли на крыльяхъ думъ
сноситься?—

Онъ взоромъ ищетъ ли въ пространствѣ
шаръ земной,

Блиспающій предъ нимъ лишь почкою одной?

Предузнаетъ ли онъ, что въ сей странѣ
изгнанья

Есть бранны существва подъ игомъ наказанья?

Незримы жипели таинспвенныхъ міровъ!

Тѣль чувсшва и у васъ? Вашъ вѣкъ ужель
шаковъ?

Знакомыль скорьби вамъ, шруды и спраспи
наши?

Науками умы озарены ли ваши?
 О царства звѣздныя! о горнія спраны!
 Не вы ли сонмами духовъ населены,
 Кошорые текутъ, коль вѣришь въ помя
Плашону,
 Небесной лѣспвицей къ божеспвенному пропу?
 Но если дальній сей, безбрежный Эмпирей
 Естъ обиталище подобныхъ намъ людей—
 Не позавидуйте намъ, брашья челоуѣки!
 Познавши нашъ удѣль, вы слезь прольете
рѣки
 И воспенаете надъ унастью земной!—
 Событія земли, раскройшесь предо мной! —
 Вошь вѣки пошекли шумящими шолпами,
 Поправши олпари и шроны подъ спопами;
 Всечасны жалобы мой раздираюшь слухъ—
 И бѣдспвія земли предъ мной возспали вдругъ!
 Не слыщисель шумъ царспвъ, сіявшихъ
давнимъ блескомъ,
 Величья съ высоты падушихъ съ спраш-
нымъ шрескомъ?
 Сидонъ здѣсь рушишся, шамъ гибнешъ Ва-
вилонъ!
 Гдѣ боги, Бель, швои? гдѣ Ниновъ свѣшлый
шронъ?...
 Не сель развалины спѣнь Оивъ могушихъ,
дивныхъ,
 Зрю Нила гордаго на берегахъ пусшынныхъ?
 Поищемъ гдѣ цвѣла Пальмира въ сихъ спе-
пяхъ:

Добжаю съ претепомъ ея священный прахъ!
 О чудный солнца храмъ! Палашъ блестящихъ
 своды!

Вотъ что оставили ошъ славы вашей годы!—
 Обломки мраморовъ, куски драгихъ сполновъ,
 Ошъ грубыхъ презрѣнны Омаровыхъ сыновъ!
 И караванъ шеперь вкругъ капишелей древ-
 нихъ
 Привязывашъ обыкъ верблюдовъ подъярем-
 ныхъ;

И въ часъ, какъ знойный сводъ небесъ надъ
 нимъ горитъ,
 Арабъ блуждающій подъ древній храмъ спѣ-
 шитъ—

И засыпаетъ шамъ въ преддверіи священномъ
 На богъ мраморномъ, годами искаженномъ!

На сихъ ли берегахъ былъ нѣкогда Пирей?
 Деины?...гдѣ же вы?...гдѣ градъ великій сей?
 Чшо вижу я?—на немъ звучація оковы —
 И нынѣ, прислоня шалашъ свой шроспниковый
 Минервы капища къ разрушеннымъ стѣнамъ,
 Рыбаръ, беспечный взоръ пуская по водамъ,
 При свѣшъ мѣсяца сѣшъ длинную кидаетъ,
 И боль ничего ему не воспоминаетъ
 О тѣхъ Перикловыхъ гремящихъ славою
 дндхъ,
 Чшо свѣшъ наукъ сіяль въ забытыхъ сихъ
 странахъ,
 Чшо Ксерксовъ грозный флотъ на сихъ вол-
 нахъ носился

И съ славою своей въ пучинѣ погрузился!...
 Увы! гробницы царствъ молчаніе храняшь
 И чудныя дѣла—забвенья въ мракѣ спяшь.

Такъ бренности печать въ подлунной
 все имѣешь,
 Всемъ видимымъ мірамъ послѣдній часъ при-
 спѣешь;
 Все, что изъ хаоса Творцемъ извлечено,
 Все будетъ хаосу оцѣнь возвращено!
 Со пламенныхъ осей вдругъ звѣзды совра-
 шаясь;
 Планеты, набѣжавъ на солнца, задымаясь;
 Эфирнымъ запылавъ вселенная огнемъ,
 Чтобъ нову жизнь приять, должна погибнуть
 въ немъ;
 Царь свѣта и любви навѣки воцарится—
 И чувственный сей міръ въ духовный пре-
 вращится.

Г. Воейковъ занимается также со-
 чиненіемъ Дидактической Поэмы: *Иску-*
ства и Науки. Опрывки оной были на-
 печатаны въ *Сынѣ Отечества* и въ ли-
 тературныхъ *Прибавленіяхъ къ Русско-*
му Инвалиду. Если бы по часнямъ мож-
 но было судить о цѣломъ, то я сказалъ
 бы, что въ сочиненіи семъ видно болѣе
 краснорѣчія, нежели Поэзіи, и что въ

ономъ часто недоспаетъ гармоніи стиховъ. Вошь опрывокъ изъ сей Поэмы.

Кушуровъ—Музульманъ смиришель, Гал-
ловъ бичъ!

Но что? Я вижу блескъ, я слышу славы
кличь...

О Муза Сѣвера! Перескажи согласно
О сей эпохѣ намъ, столь славной и ужасной,
Когда нагрянули разбойничьи орды
И съ ними смѣръ, грабежъ, пожары и бѣды;
Когда смущенные и опсупномъ и слухомъ
О множествѣ враговъ—уныли Россы духомъ;
Когда Москва тряслась и градъ Пейпровъ
дрожаль,

И мѣръ надѣяшся уже переспаваль
Свободы, радости, любви и спокойства;
Когда казалася усиліемъ Геройства
Гѣшимость—спашь вождемъ разспроенныхъ
полковъ!

Уже нахлынули, ужь слышенъ спукъ
оковъ,

Уже въ развалины и пепель превращенный
У Бонапаршевыхъ Смоленскъ поверженъ ногъ,
И Гальскихъ полчищъ Днѣпръ оспановишь
не могъ,

Россіяне въ слезахъ взоръ къ Небу устрем-
ляли,

Въ рядахъ вождей родныхъ спасителя искали,
И Богъ Кушурова Монарху указаль!

Сей спарець опышный давно ужь пучи ждалъ,
 Которая въ пиши на западъ сгуспилась—
 И надъ Россією споль спрашно разразилась;
 И, мудрая глава, давно искалъ онъ средспвъ,
 Спассти опечесшно опъ угрожавшихъ бѣдспвъ,
 Опъ иноземцовъ памъ гошовимаго плѣна.
 Уже онъ перенесъ Россійскія знамена
 Изъ за Дуная; памъ пвердыни взорвалъ,
срылъ,
 Искусно Визирю здѣсь сѣпъ распановиль,
 И легковѣрнаго успѣхомъ обольщая,
 Переманилъ его на Русскій брегъ Дуная,
 Гдѣ пригошоблены перуны, голодъ, плѣнь....
 И лучшій плодъ побѣдъ безъ бипвъ приобрѣ-
пень—
 Миръ съ Опшоманами, полезавый миръ, во
время
 Тяжелыя войны онъ снялъ съ Россіи бремя,
 Забошь Царя опъ насъ въ сей край не оп-
влекалъ
 И къ средопочію всѣ силы обрацалъ....
 Но онъ въ Петрополъ, вождь избранный Мо-
нархомъ,
 Благословляемый на подвигъ Иерархомъ,
 Кольнопреклонень, сѣдинами во прахъ,
 Онъ молишь помощи Всевышняго въ сле-
захъ.
 И вопъ! Верховный есждъ, въ рукѣ съ жез-
ломъ сѣдъбины,
 Ведешъ къ Бородину опшеспителей дружины,

И очи ихъ глядѣшь, но жизнь слѣшла съ
вѣждь.

Тамъ шрупы черныя ошъ дыма, безъ одеждь,
Въ снѣгу, лишенныя и чесши погребенья,
И другъ и брѣшь забышь, нѣшь въ храб-
рости спасенья..

Все въ прахъ! Враги спѣшатъ нестройною
полпой;

И гибель ловишь ихъ нещадною рукой,
И погоняешь спрахъ карающія мѣщи.
Равно къ своимъ, къ чужимъ безъ жалости,
безъ чесши,

Врагъ человѣчества и врагъ столицъ бѣжишь:
Онъ сѣялъ бѣдствія—и пожинаешь спыдь!
И се нашъ АЛЕКСАНДРЪ, со старцемъ въ
колесницѣ,

Съ вѣнцами на главахъ, съ перунами въ де-
сницѣ,

Указываютъ путь за Нѣманъ знаменамъ.

Если мы не можемъ еще похвалить-
ся собственными Дидактическими Поэ-
мами, за то имѣемъ переводы лучшихъ
въ семь родѣ сочиненій иноспиранныхъ.
Наука Стихотворства Горация переве-
дена Мерзляковымъ и, несмотря на мнѣ-
нiе нѣкоторыхъ, смѣю сказать переве-
дена хорошо; *Наука Стихотворства*
Буало, переведенная шрудолубивымъ
Трешьяковскимъ, переведена вновь Гра-

фомъ Хвостовымъ и попомъ Буниною. Лучшимъ переводомъ сего превосходнаго яворенія, qui ne produit pas des poètes, mais qui les forme et les inspire, какъ говоряшь Французы, можно почестъ переводъ Гр. Хвостова. *Георгики* Виргилія переведены Раичемъ и Воейковымъ. Хотя оба сии перевода не представляющъ совершенствъ подлинника, но имѣющъ однако же свое достоинство; многіе отдающъ преимущество первому. Г. Воейковъ перевелъ также Поэму: *Сады*, и нѣкоторыя отрывки описательной Поэмы: *Воображеніе*, копорую полагающъ лучшимъ собственнымъ произведеніемъ Делиля. Весьма желательна, что бы Г. Переводчикъ окончилъ трудъ свой, начавый удачно.

Къ роду Дидактическихъ Посланій можно также отнести и *Посланіе* Палицына къ *Привѣтъ*, изданное въ 1807 году. Воспоминаніе о нѣкоторыхъ писателяхъ, упреки современникамъ въ приспирасшіи ихъ къ иностранной Словесности, и въ особенности къ Французской, составляющъ предметъ сего стихотворенія. — Стихи въ Посланіи

Палицына большею частію негладкіе, прозаическіе, наскучающъ слуху частымъ повпореніемъ однѣхъ риѣмъ и неправильными удареніями словъ. Вообще въ стихотвореніи семь недоспаешъ вкуса, но видна любовь къ опечественной Словесности и нерѣдко вспрѣчающіяся справедливыя замѣчанія о языкѣ и писателяхъ.

ДЯДѢ И БЛАГОДѢТЕЛЮ И. А. К. *)

О шы, для всѣхъ насъ драгоцѣнный!
Возможноль мнѣ тебѣ воспѣшь?

---

*) Стихи сіи присланы къ Издашелю почтеннымъ лицѣсператоромъ нашимъ И. И. М. при запискѣ слѣдующаго содержанія: “Одинъ, изъ спаривныхъ моихъ “прияшелей прислалъ комнѣ экспромпшъ, какъ онъ пишеть, одной пашнашадѣшней дѣвицы, опличающейся рѣдкими дарованіями не въ одной Поэзіи. Желая поощришь ее къ дальнѣйшимъ упражненіямъ въ “стихотворствѣ, просишь онъ меня доставишь ея “произведеіе къ вамъ, М. Г. м., для напечатанія въ “вашемъ журналѣ. Посылаю къ вамъ оное, будучи увѣренъ, что вы не откажешесь покровишельствовашъ “возникающія дарованія., и проч.—Эшо одна изъ самыхъ приашишѣйшихъ обязанностей Журналистовъ. Судя по симъ стихамъ, утвердишельно можно сказашь, что юная дѣвица Косоговская пишеть несравненно лучше многихъ юныхъ нашихъ баловней поэшовъ и даже многихъ престарѣлыхъ стихотворцевъ. Желаемъ ей большихъ еще успѣховъ. *Изд. Бл.*

Пѣвецъ Фелицы несравненный
Одинъ лишь могъ бы въ помѣ успѣшь.

*

Ты щедрою своею рукою
Несчастливымъ помощь раздаешь,
И угнѣвленныхъ для покою
Подъ кровопильство берешь.

*

Худыхъ людей ты наставляешь;
Какъ имъ на свѣтѣ должно жить;
Своимъ примѣромъ обучаешь,
Что можно и враговъ любить.

*

Твердишь всегда въ своихъ урокахъ:
“Не дѣлай никому ты зла,
Спрашисъ и думаешь о порокахъ:
Богъ видишь всѣ свои дѣла.,”

*

Въ швоей деревнѣ обитаешь
Веселье, радость и покой,
И бѣдности ни что не знаешь —
И всякъ доволенъ въ ней побой.

*

Да сохранишь себя Всесильный
Ошъ всѣхъ несчастій жизни сей;
И что бы радости обильны —
Текли всегда въ душѣ швоей.

Надежда Косоговская.

МАКАРЬЕВНИНА УХА.

Басня.

Макарьевна уху сварила.

Десятка при ершей,

Налимовъ двухъ и двухъ лещей *)

Со сперлядью большой въ коспрюлю положила,

Да лучку, корешковъ—и соли не забыла.

Кондраша Кузмича съ хозяйкой пригласила,
И дорогимъ гостямъ ушицу подаешъ.

Отвѣдали—но въ душу имъ неидешъ.

Чшожъ шакъ? Проклятая уху пересолила!

*

Иной ошрякъ, иль баловень—Пишъ

Ужъ такъ шихи свои пересолишъ,

Или—какъ говорятъ Поэты—обезьяны—

Положишъ густо такъ *руляны*,

Чшо смысла не видашъ.—

Охоша же кому безмыслицу читайшъ!

И.

~~~~~

---

*) Лещи по нуждѣ идушъ здѣсь въ рѣому, а въ уху совсемъ негодятся. *Прим. Сог.*

ВСЯКАЯ ВСЯЧИНА,

или

*Замѣтанія на нѣкоторыя статьи
Журналовъ, и т. п.*

(Продолженіе.)

“Длиныя процессіи шествовали (въ Палермѣ) по улицамъ и площадямъ, *покрытымъ* богатыми коврами и усыпаннымъ розами., (Благонамѣренный 1823, № IV, стран. 241.) — Осмѣливаюсь усумниться въ точности сего выраженія. Не можешь быть, чшобъ *улицы и площади*, для какой бы то ни было процессіи *покрывались богатыми коврами*. Въ южныхъ католическихъ земляхъ есть обыкновеніе при процессіяхъ, торжественныхъ въздахъ и другихъ подобныхъ случаяхъ, дома на улицахъ и площадяхъ, чрезъ кошорыя проходящъ церемоніи, *убирать* богатыми коврами, маперіями и цвѣточными гирляндами. Не по ли же разумѣль здѣсь и авторъ, а переводчикъ не точно выразился и вмѣсто: *увѣшанныхъ*, употребилъ слово: *покрытыхъ*?

До сихъ поръ не знали мы, что *правописаніе* можетъ иногда заключать въ себѣ нѣкоторую остроту и легкость слога. Любопытные могутъ видѣть это въ № 34 *Отестественныхъ Записокъ* на сшран. 298 въ примѣчаніи.

Вѣкъ живи, вѣкъ учись! Изъ 9 № *Сына Отечества* (1823, сшран. 64) узнаемъ мы что такое значить *Разговоръ отъ Полярной Звѣзды*. Для читателей *Благонамѣреннаго*, нечипавшихъ сего разговора, посшараемся объяснить это. *Разговоръ отъ Полярной Звѣзды* не значить того, что разговоръ о Полярной Звѣздѣ; однако же съ темъ вмѣстѣ и значить это, т. е. разговоръ отъ Полярной Звѣзды есть разговоръ о томъ мѣстѣ въ Полярной Звѣздѣ (не въ настоящей, а въ алманахѣ сего имени), которое не показалось сочинителю этого разговора.

Насилу досказалъ!

Но, можетъ быть, читатели спросятъ меня: въ чемъ же состоитъ сущность сего разговора? Въ томъ, что сочинитель онаго—подобно мнѣ, кошо-

рый для объясненія чепырехъ словъ: *Разговоръ отъ Полярной Звѣзды*, написала чепырнадцать спрокъ — по, что могъ бы сказать въ 14 строкахъ, расплодилъ на печашномъ полулиспѣ. Лучше всего показалось мнѣ заключеніе, въ которомъ авторъ поржественно вступаешся за своихъ *говядъ* *) противу *козлицъ*. Впрочемъ кромѣ *новаго* рода заглавія, любопышно шупь еще *новаго* рода выраженіе: *уйти вонъ*. До сихъ поръ говорили мы только *пойти вонъ*, а при словѣ: *уйти*, почипали уже излишнимъ прибавляшь *вонъ*. Авось кто нибудь еще напишетъ: *убѣгать вонъ*, *уѣзжать вонъ*, *уплывать вонъ*, и проч. и проч.

Сочинишель спашьи: *Взглядъ на старую и новую Словесность*, въ опвѣтѣ своемъ на крипику *Полярной Звѣзды*, помѣщенную въ 4, 5, 6 и 7 № *Русскаго Инвалида* нынѣшняго года, говоритъ, что онъ при исчисленіи современныхъ Спихошворцевъ *никакому порядку не слѣдовалъ*. (С. О. № 4, стран.

---

*) Извѣстный и преизвѣстный спихъ:
Какъ громомъ по полю разгнанныя *говяда*.

184.) Почему же? — “Попому — продол-
жаешь онъ — что Паншеонъ не *рота*, и
ранжировашъ Поэшовъ значило бы по-
вторять анекдотъ Капрала, кошорый
песакомъ *выровнял органы подб роств.*,” —
Не понимаю, къ чему здѣсь это уподоб-
леніе! — Конечно не Г. Б назначашъ мѣ-
ста, или сшепени нашимъ Поэшамъ и
Липшерашорамъ. Право сіе принадле-
житъ едва ли не одному только по-
помсшву, кошорое всегда безприспращ-
нѣе современниковъ. Но развѣ не мож-
но было расположитъ нашихъ Стихо-
шворцевъ и прозаиковъ по времени, съ
кошораго начали они писашъ, или по
роду ихъ сочиненій? — Что бы сказашъ
Г. Б., если бы при смѣшалъ какого ни-
будь войска смѣшали въ одну гуспую
колонну *безъ всякаго порядка* и грена-
деровъ и драгуновъ и егерей и кираси-
ровъ и мушкетеровъ и гусаровъ и ар-
шиллерійшовъ и піонеровъ? — Порядокъ
вездѣ и во всемъ необходимъ.

Онъ же сочинилъ сшашъ: *Взглядъ
на старую и новую Словесность въ Россіи*,
сшарается доказашъ, будто можно ска-

зашь: *разсказь природный*, попому чшо
 “у насъ говорихся: онъ *природный* дво-
 рянинъ — *природный* умъ, хомя первое
 значиншь *урожденный*, а второе *есте-*
ственный—заняшый ошь природы, или
 данный природою., (С. О.-№ 4, стран.
 185.) Кажешся, *природное* естшь по, что
 мы получаемъ при рожденіи, или ошь
 природы; а *естественное* по, что сход-
 но съ природою, въ чемъ не видно
 искусства, поддѣлки, приготоовленія. И
 шакъ, если можно сказаць: *природный*
 разсказь, по почемуде не говорихшь и
 не писашь: *естественный* румянецъ,
естественныя дарованія, *естественный*
 дворянинъ?—Но всякому свое мило: одно-
 му *природный* разсказь, другому *говяда!*

“Почемуде не употребихшь слово:
 “*свѣтскость*, если оно поняшно выра-
 “жаешшь мысль? Почемуде сказаць *все-*
 “*литный* (omniforme), когда естшь слова:
 “*двулитный, безлитный*? Припчи *портрет-*
 “*ны*, когда онъ заключаюшь въ себѣ
 “*портреты*—или какъ *портретный* жи-
 “*вописецъ* изображаюшь ихъ?., (Тамъ же
 стран. 186.) Почемуде же, скажу и я, не

говоришь и не пишешь намъ: Поэмы эпизодны, когда онѣ заключающъ въ себѣ эпизоды—Оды картинны, когда находясь въ оныхъ живыя описанія, или картины — Эпиграммы острословны, когда есть въ нихъ острья слова? — О какъ скоро обогатится Русскій языкъ, благодаря смѣлымъ и опважнымъ нашимъ писателямъ!

Въ Элегіи, на конгину Натальницы, Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ Ордена Св. Екатерины, Гжи Дѣйствительной Статской Совѣтницы Анны Ивановны фонъ Брейткопфъ, урожденной Парисъ, напечатанной въ 7 N^о С. О., неволью остановился я на слѣдующихъ двухъ стихахъ:

Она была вашъ другъ, она была для васъ
Вторая мать, второе Провидѣнье!

Похищенье! похищенье! — Это счастливѣйшее выраженье: второе Провидѣнье, безъ всякой довѣренности ошъ Сочинителя, взяшо изъ Шѣвца во станѣ Русскихъ воиновъ. Каково же фуражирующъ молодые наши Поэты на поляхъ Опечесшвенной Словесности? Нельзя

не замѣшишь также въ сей самой Эле-
гии вѣснаго льда, покрывающаго тѣ ру-
ки, на коихъ по трудахъ вкушали на-
слажденье—и разцвѣтающаго вѣнка. Спра-
ведливость пребуешь сказать, что вы-
раженія сіи ниопкуда незаимствована
ны и принадлежатъ собственнѣ Авто-
ру, копорому, по собственнымъ словамъ
его, *посудилъ* Г. Кюхельбекеръ *вѣнокъ*
безсмертія. (См. *Благ.* 1821, № XI и XII
страж. 186.)

Порховъ.

П . . . б.

ОБЪЯВЛЕНІЕ

о стихотвореніяхъ моего прияше-
ля N. N.

Кшо изъ живущихъ въ уѣздѣ нашемъ
не знаешь моего прияшеля N. N. и со-
чиненій его? Всякой! всякая! всѣ! Нѣшь
дѣвушки, у копорой бы не нашлось въ
альбомѣ Балладъ и Романсовъ N. N! Нѣшь
дворянина, копорый бы не зналъ наи-
зусь Трагедій и Комедій моего прия-
шеля! И, о жалкая участь чловѣчества!

Въ Москвѣ, въ Петербургѣ не знаюшь
 прияшеля моего! ни его Балладъ, ни
 его Пѣсень, ни его Комедій, ни Трагедій!

Я испыталъ это прошедшей зимой.
 Приѣзжаю въ Москву... ъду въ пеапръ,
 и между дѣйствій начинаю разговоръ
 съ однимъ, другимъ, третьимъ... Ни
 одинъ, ни другой, ни третій не знаюшь
 Комедій и Трагедій моего прияшеля! ъду
 въ Клубъ—нарочно сажусь въ *Газетной*,
 слышу разговоры объ авторахъ, о но-
 выхъ сочиненіяхъ... Спрашиваю какъ
 нравятся стихотворенія *М. М.* О стыдъ!
 Стихотворенія его — неизвѣсны въ
 Москвѣ. Въ Петербургѣ по же! Сколько
 ни старался я узнать о славіи моего
 прияшеля—мнѣ осталась одна печальная
 увѣренность, что прияшель мой—извѣс-
 тень и славень только въ нашемъ уѣздѣ.

Эта несправедливосшь, эта жесто-
 кая несправедливосшь заставила меня
 написашъ это объявленіе, и я хочу по-
 короче познакомить Публику съ сочи-
 неніями моего прияшеля. Надѣюсь, что
 Публика будешъ благодарна за удоволь-
 ствіе, которое ей доставляю.

Мой прияшель началъ писашъ сти-

хи въ самыхъ молодыхъ лѣпахъ. Ему было 10 лѣтъ отъ рода, когда онъ написалъ *Пѣснь къ Нянюшкѣ*. И до сихъ поръ она поется и прославляется въ нашемъ уѣздѣ, и вѣрно сохранена будешь для потомства!

Вскорѣ послѣ этой Пѣсни пришла моя написанная Трагедія: *Видостанъ*. И эта Трагедія: *Видостанъ*, была играна на домашнемъ театрѣ нашего Предводителя десяти разъ сряду... Не правда ли, что это и много и легко для молодого Поэта? Надобно отдать справедливость и Актеру, представившему *Видостана*... Молодецъ! двухъ аршинъ, двенадцати вершковъ!

Послѣ этого три, или четыре года пришла моя проза въ Губернской Гимназіи... Мы почти лишены были удовольствія слышать звуки его лиры. Наконецъ — онъ явился! съ двумя Комедіями, съ тремя Трагедіями, и нѣсколькими десятками Балладъ! Не могу описать восшорга всего уѣзда! Скажу только, что уже и лѣтъ неизмѣнно, мы видимъ на нашихъ театрахъ пьесы *N. N.*, а въ альбомахъ — читаемъ его Балла-

ды ... Кажется этого довольно, и предба
вольнѣ? А въ Пшербургѣ и въ Москвѣ
и прочихъ губерніяхъ и уѣздахъ (изклю
чая нашъ) не знаютъ стихотвореній
моего приятеля! Эшо ужасно!

Могу увѣришь всю читающую Пуб
лику, что приятель мой — Геній! Если
начнетъ говорить — слова льются рѣ
кою! Начнетъ читать — вы изумлены,
поражены — всѣ въ восторгѣ! — Начнетъ
писать ... стихи его лучше всѣхъ сти
ховъ на свѣшѣ! Его Трагедіи, его Коме
діи — чудо совершенства! Его Валлады —
единственны.

Прошу почтеннѣйшую Публику чи
тать со вниманіемъ сочиненія моего
приятеля Н. Н. — и вѣришь, что онъ
Поэтъ — какихъ не бывало въ Русскомъ
царствѣ ...

Приятель моего приятеля.

~~~~~

ЕЩЕ ВСЯКАЯ ВСЯЧИНА,

или

Замѣтанія на разныя статьи журналовъ.

Въ IV N^o *Благонамѣреннаго* замѣчено, что нынѣшніе писатели коверкають имена иноспранцевъ въ отмщеніе имъ какъ видно за то, что они коверкають наши. Но мщеніе нѣкоторыхъ изъ нашихъ соотечественниковъ проспирается уже слишкомъ далеко. Въ *Вѣстникѣ Европы* (N° 3 и 4, спран. 212) читаемъ слѣдующую выписку изъ Бюргеровой *Леноры* *):

Der Mond der scheint so helle
Die Todten rieten so schnelle.
Graut Liebchen auch dir nicht?

---

*) Не во гнѣвъ Сочинителю спашьи: *О стихотвореніяхъ Г. Катенина*, и я, не смощря на его строгое замѣчаніе (*В. Е.* спран. 211), называю эту піэсу не *Леонорой*, а *Ленорой*; ибо—отшвѣчаю его же словами—такъ называется она у Бюргера. Въ доказательство привожу всѣ возможныя изданія Бюргеровыхъ стихотвореній—N. В. на Нѣмецкомъ языкѣ.

Не находя шуть не полько стиховъ, не полько порядочной прозы, не полько хорошаго Нѣмецкаго языка, но даже и смысла, я удивился, попчасть опы- скаль оригиналь, сличиль — и что же вышло? Бюргеръ говоритъ въ первомъ мѣспѣ:

Sieh hin, sieh her! d r Mond scheint hell.
Wir und die Todten reiten schnell.
Ich bringe dich, zur Wette,
Noch heut in's Hochzeitsbette.

Во второмъ:

Graut Liebchen auch?.. Der Mond scheint
hell!
Hurrah! die Todten reiten schnell!
Graut Liebchen auch vor Todten?

Въ шрешьемъ по же.

Въ чешверномъ слово въ слово поже.

Ошкуда же взяпы выписанныя въ Вѣспникѣ Европы *строки* (не смѣю сказать: *стихи*, боясь оскорбить пѣнь Бюргера)? Пущь въ глаголѣ: *gieten*, вмѣ- сто: *reiten*, будешъ и пипографская оши- бка. Соглашаюсь охотно; но оспальныя слова выписки шакъ далеки ошъ словъ оригинала, что—не осмѣливаясь пред- полагашь, будшо сочинилель спашь,

приводя ихъ въ примѣръ, не кошѣль справишься съ подлинникомъ, а выпи- саль наизусть, или изъ какого нибудь стариннаго, наполненнаго ошибками списка, или (чего Боже сохрани и по- думаешь) не понималъ самъ, что пи- саль — заключаю, что едва ли не съ на- мѣреніемъ искажены шакъ стихи Бюр- гера, что бы приблизить ихъ къ пере- воду Г. Кашенина.

Тамъ же на спран. зоб сказано: “нѣтъ сочиненія, въ кошоромъ бы нельзя бы- ло найти чего нибудь смѣшнаго.,—Замѣ- ченное мною выше и нѣкопорыя другія мѣста шой же спашьи доказывають, что эти слова могли бы служить при- личнымъ для нее эпиграфомъ.

Почтенный Издашель *Сѣвернаго Ар- хива*, защищая *Исторію Русской Литте- ратуры* Г. Греча прошивъ ея рецензен- шовъ, говоритъ (N° 5, спр. 383.): “Долж- но замѣнить, что всякой авторъ со- вершенно свободенъ въ избраніи пущи, по кошорому онъ вознамѣрился слѣдо- вать. Кришикамъ оспраешя разсуждашь

только, съ честію ли авторъ прошелъ назначенное , поприще и достигнулъ ли своей цѣли , но не предписывать , какимъ путемъ именно ему идти надлежало.,—Мнѣ кажется это не совсемъ справедливо , или лучше скажешь совсемъ несправедливо. Всякой авторъ долженъ избиратьъ для достиженія своей цѣли лучшей и удобнѣйшей путь и оповѣстувешь въ томъ передъ публикою, ибо, такъ скажешь, ведешь ее за собою къ той же цѣли , потому же пути. Такъ напримѣръ , если бы кто вздумавъ ѣхать изъ Пешербурга въ Кіевъ , взялъ дорогу чрезъ Архангельскъ , и приглашалъ ѣхать съ собою и другихъ , то всякой изъ сихъ послѣднихъ конечно имѣлъ бы право сказать ему: *Счастливыи путь! Для меня эта дорога далека; я поѣду прямою.*—Скажу еще болѣе. Всякой авторъ , который желаетъ принести прямую пользу , избирая для достиженія цѣли своей лучшей путь , долженъ углаживашъ и очищать его , чшобъ другимъ было удобнѣе и легче идти за нимъ. Мало пользы , если бы кто вздумавъ взобраться на высокую гору , по-

лѣзь шуда по скаламъ чрезъ спремни-
ны, и взошѣдъ на вершину, кричалъ сво-
имъ товарищамъ: *Господа! ступайте за
мною! Я достигъ своей цѣли!*—Не всякой
рѣшился подвергать жизнь свою опас-
ности, чѣшбъ слѣдовать за нимъ ша-
кою дурною дорогою. И пошъ конечно
правъ останетсѣ, кшо бы сказала ему:
“чемъ лѣзшь прямо очершя голову, луч-
ше бы ты посмопрѣлъ гдѣ взойши лег-
че и удобнѣе, да и намъ сказала, чѣшбъ
не шеряшь силъ и времени понапрасну.

Давно уже замѣчено, чшо многіе
изъ нынѣшнихъ нашихъ криптиковъ раз-
бирающъ и бранящъ, или хвалящъ—не
рѣдко и весьма важныя сочиненія, вовсе
не читавши ихъ. Замѣчаніе это болѣе
и болѣе нынѣ подтверждается. Возьмемъ
для примѣра сужденія о вышедшей не-
давно книгѣ: *Опытъ Василья Перевощи-
кова*, кошорая-странное несчастіе!—уже
нѣсколько разъ подвергалась самымъ
несправедливымъ опзывамъ. Приведу
здѣсь только два:

Въ 36 № *Сына Отечества* 1822 г. помѣ-
щено разсмопрѣніе оной Г Бесшужева.

Между прочимъ на спран. ии онъ говоришь:

“Для полноты представлений Г. Авторъ приводитъ изъ Басни Сумарокова:

Въ рѣкѣ пилъ Волкъ, Ягненокъ пилъ;
 Однако въ низъ рѣки гораздо опешупилъ;
 Такъ пилъ онъ ниже
 И слѣдственно, что Волкъ къ тому былъ
 мѣспу ближе,
 Ошколъ пока водъ спремленіе влечешъ:
 Извѣсно, что вода всегда на низъ печешъ.

Кажешся, такое многословіе скорѣе годится для примѣра плеоназмовъ, нежели *для полноты картинъ.*,

Посмотримъ, для *полноты ли картинъ* привелъ эшошь примѣръ Г. Перевощиковъ. Выписавъ вышеупомянутые стихи Сумарокова, онъ говоритъ:

“Изъ первыхъ двухъ стиховъ я понимаю, что ягненокъ пилъ въ ручьѣ ниже волка: къ чему же служашъ чешыре послѣдніе? Но слѣдующіе:

И мнишь (ягненокъ): не буду я съ ягняшами играшь,
 Не спанешъ на руки меня пастушка брашь,
 Не буду голоса я слышаши свирѣди,

И пшички для меня въ послѣднее пропѣли;
 Не на зеленомъ я скончаюся лугу,
 Умру на семь песчаномъ берегу.

не шокмо не еспешшвенны (придешь
 ли въ голову ягненку, обмершему опъ
 спрахѣ, такаѣ элегія!) но и для главной
 цѣли Басни, еѣ нравоученія не нужны,
 и проч.

Кто же правъ: авторъ, или рецен-
 зентъ?

Далѣ Г. Беспужевъ говоритъ (спран.
 112): “Отправивъ Теорію изящныхъ ис-
 кусствъ, перейдемъ къ переводнымъ Идил-
 лиямъ изъ Броннера и Гердера., Пере-
 смашривая *Опыты Г. Перевощикова*, на-
 шелъ я въ нихъ переводы шолько Брон-
 неровыхъ Идиллій, а изъ Гердера одно
 Надгробное слово: *О свѣтлыхъ и темныхъ*
видахъ при гробѣ, которое ни на какую
 Идиллію, или Эклогу, ни мало не похо-
 дишь.

Нынѣ въ послѣднемъ номерѣ *Сѣвер-
 наго Архива* (№ 5, спран. 401) Издашель
 въ сшашѣ о Русской Литтературѣ
 1822 года говоритъ о шой же книгѣ:

“*Опыты Василья Перевощикова*, за-
 ключающіе въ себѣ прозу и стихи, со-

чиненія и переводы.—Въ семь собраній примѣшна ученость почтеннаго Автора, но слогъ его нѣсколько тяжель; обороты языка и употребленіе словъ также не всегда согласуются съ разборчивымъ вкусомъ. Въ стихотвореніяхъ же видно, что это усиліе чуждаго теловѣка, а не питтисескіе порывы.,,

Перебирая по одному листочку всю книгу: *Опытъ В. Перевощикова*, кромѣ приводимыхъ примѣровъ изъ другихъ авторовъ, не нашель я въ ней ни одного стихотворенія. Даже стихи въ нѣкоторыхъ изъ Броннеровыхъ Идиллій переведены прозою. Развѣ, пересматривая бѣгло книгу, не счель ли рецензентъ стихами цыпашы въ Житіи Князя Я. Ѳ. Долгорукаго, которые, также какъ и стихи, напечатаны мѣлкими буквами.

Возможно ли же, чшобъ эти Г.г. рецензенты прочли со вниманіемъ кришкующую ими книгу?

Послѣ столь легкаго и несправедливаго опзыва о такой важной книгѣ, какова: *Опытъ В. Перевощикова*, Издашель Сѣвернаго Архива въшой же спашьѣ

говоришь о *Лондонскомъ Пустынникѣ*: “переводъ очень хорошъ и общается въ переводчикѣ *отличнаго* лирическаго таланта. Излишняя похвала не ободряешь, но порицаетъ юные таланты. Мы видѣли много шому примѣровъ какъ на актерахъ, такъ и на лирическихъ талантахъ, а потому скажемъ со всею опроверженностью и безпристрастиемъ: переводъ *Лондонскаго Пустынника* не дурень *); но чтобы переводчику стать въ рядъ отличныхъ лирическихъ талантовъ, то много еще ему надобно трудиться: опрабатывать таланты свои съ большимъ вниманіемъ и меньшею поспѣшностью, а пуще всего учиться основательно Русскому языку **), прошивъ правилъ котораго весьма часто онъ погрѣшаетъ. Для примѣра довольно сослаться на двѣ статьи, напечатанныя въ 3 и 4 N° *Вѣстника Европы* на нынѣшній годъ.

---

*) И очень не дурень. *Прим. Изд. Влаг.*

***) И самой теоріи Словесности, которую такъ много пренебрегаютъ молодые наши писатели. *Прим. Изд. Влаг.*

У насъ такъ часто хваляшь спашью *Библіографію* въ *Сынъ Отечества* и такъ часто говоряшь, что она заключаетъ въ себѣ извѣстія о *всѣхъ*, вновь выходящихъ въ Россіи книгахъ. Сочинитель *Обозрѣнія Русской Литтературы* 1822 года (№ 5 *Сѣверный Арх.* 1823, стран. 410) говоришь также: “Весьма важная спашья въ семъ Журналѣ есть Библіографія, или извѣстіе о *всѣхъ* вновь выходящихъ въ Россіи книгахъ, о копорыхъ почтенный Издашель *отдаетъ краткій ответъ* своимъ читателямъ., — Отдавая всю должную справедливосшь почтенному Издашелю С. О., скажу только, что въ библіографіи его весьма часто помѣщаютъ одни только *названія*, или *титулы* книгъ, безъ всякаго объ нихъ описыва, и что она извѣщаетъ не только не о *всѣхъ* вновь выходящихъ въ Россіи книгахъ, но едва ли упоминаетъ и о половинѣ ихъ. Любопытныя пусть сравнятъ извѣстія о книгахъ, вышедшихъ въ 1821 году, помѣщенные въ *Сынъ Отечества* и въ *Благонамѣренноиѣ*, хотя и въ последнемъ о многихъ не упомянуто. Верусь даже доказашь, что С. О. позабываетъ

иногда извѣщаютъ и о нѣкошорыхъ изъ стѣхъ книгъ, кои печатающа въ типографіи его Издателя.

Русскій Инвалидъ (въ 55 N^о нынѣшняго года) сообщаетъ намъ, что въ Башавіи въ концѣ прошедшаго лѣта были ужаснѣйшіе жары, какихъ давно не запомнятъ и въ знойномъ климатѣ острова Явы, такъ, что 17 Августа Фаренгейшовъ термометръ, висѣвшій въ стѣни, показывалъ: въ 7 часовъ утра 85 гр., въ 9 часовъ 89, въ 11—102, въ 2 часа пополудни 97, въ 4—93, а въ 6—85 градусовъ. Для приведенія сихъ градусовъ на градусы обыкновенно употребляемаго у насъ Реомюрова термометра, Издатель *Инвалида* въ выноскѣ замѣчаетъ для нѣкоторыхъ читателей, что 9 градусовъ Фаренгейтова термометра соотвѣтствуютъ 4 мѣ Реомюрова. По такому расчету 102 градуса тепла, бывшаго 17 Августа въ Башавіи, составятъ по Реомюрову термометру $45\frac{1}{3}$ градусовъ. Въ самомъ дѣлѣ жаръ непомерный! Что бы однакожь не испугать нѣкоторыхъ читателей *Инвалида*, прибавимъ, что хо-

шия дѣйствительно Фаренгейтѣ и Реомюрѣ раздѣляющъ свои термометры опшъ почки замерзанія до почки кипѣнія воды, первый на 180, а послѣдній на 80 градусоѡ, и пошому 9 градусоѡ Фаренгейта почно равняющся 4 гр, Реомюра; но Издашель Инвалида позабыль присовокунишь, что при почкѣ замерзанія у Фаренгейта снѡишь 32 гр., а у Реомюра 0. Инакъ если изъ 102 градусоѡ вычесишь напередъ 32, то оспальныя 70 соспавяишь по Реомюрову термометру шолько 31 градусъ — жаръ не споль необычайный и даже извѣспный и жителямъ полуденной Россіи.

Красное Село.

В—нѣ.

Объявленіе о новомъ Журналѣ.

Съ Апрѣля сего 1823 года будешъ издавашся здѣсь въ Санктпешербургѣ *Журналъ Изящныхъ Искусствъ*. Въ составъ онаго будущъ входишь слѣдующія сшашьи:

I, *Исторія Художествъ*: извлеченіе изъ лучшихъ швореній ученыхъ мужей, писавшихъ о семъ предметѣ. Не одни теоретическія и пракшическія свѣдѣнія полезны для Художниковъ: знаніе Исторіи вообще и Исто-

рии Художествъ въ особенності для нихъ равно необходимо; ибо, знакомясь посредствомъ оной съ вѣками минувшими, они могутъ узнать и опличительныя черты совершенства, и истинныя пуси, ведущіе къ оному.

II. *Обычаи, обряды и костюмы древнихъ и новыхъ народовъ.* О сихъ предметахъ будетъ говорено кратко, но впрочемъ достаточно, что бы дасть Художникамъ понятіе о приличіи и вкусу сообразно временнымъ и мѣстнымъ обстоятельствомъ каждаго народа, разумѣется, сколько цѣль и предѣлы періодическаго изданія позволяютъ могутъ. — Известно, что величайшіе Художники, прославившіеся по возрожденіи Искусствъ въ Европѣ, неприспешельно погрѣшали противу обычаевъ и костюмовъ: герои Греціи и Рима нерѣдко представляемы были, какъ рыцари среднихъ вѣковъ, или въ одеждахъ XV и XVI столѣтій.

III. *Словесность.* Краснорѣчіе и Поэзія суть Искусства Изящныя, поелику живописуютъ природу, дѣйствующъ на душу, прогаютъ сердце. — Выборъ лучшихъ картинъ изъ древнихъ и новѣйшихъ Авторовъ, разборъ ихъ твореній, картины изъ Исторіи Всемирной и отечественной, разсужденія о предметахъ, имѣющихъ отношеніе къ Художествамъ, и проч. будутъ наполнять сію часть Журнала.

IV. *Біографія.* Въ сей статьѣ предпо- лагаешя помѣщать крашкія жизнеописанія знаменистѣйшихъ Художниковъ, людей, при- несшихъ пользу Художествамъ познаніями и изысканіями по части Древностей, и шѣхъ особъ, копорыя, покровительствуя шѣхъ и другихъ, оказали важныя Искусствамъ услуги.

V. *Художества въ Россіи.* Свѣдѣнія, мо- гуція служишь матеріалами для Исторіи Искусствъ въ Россіи, какъ по: обозрѣніе на- чала, постепеннаго хода и нынѣшняго со- стоянія Художествъ; любопытнѣйшія извѣ- стія о старинныхъ и нынѣ живущихъ на- шихъ Художникахъ, отечественныя Древно- сти, и проч. Доселѣ не было еще на Русскомъ языкѣ ни одного сочиненія, въ которомъ бы говорено было о сихъ предметяхъ съ долж- ною подробностію. Свѣдѣнія, копорыя пред- полагаешя помѣщать въ семь отдѣленіи, подадуть, какъ надѣяшся можно, соотече- ственникамъ нашимъ и иностранцамъ пра- вильнѣйшее понятіе о степени, коей достиг- ли Искусства въ Россіи.

VI. *Критика.* Въ семь отдѣленіи подвер- гаемы будущъ критическому разбору, какъ древнія, такъ и новѣйшія произведенія Ху- дожествъ.—Ничто столько не образуетъ вку- са, какъ основательная и безпристрастная Критика произведений искусственныхъ: ука- зывая. достоинства и недосадки ихъ, она даетъ вѣрное понятіе объ изящномъ.

VII. *Смѣсь*. Новости по части Художествъ; открытія, анекдоты, теоретическіе очерки, объясненіе техническихъ терминовъ, въ языкѣ Художествъ употребляемыхъ, и п. п.

Журналъ сей будетъ выходить книжками, содержащими въ себѣ по 10 листовъ въ четверку, чрезъ каждые два мѣсяца. Къ каждой книжкѣ приложенъ будетъ гравированный эстампъ. Шесть книжекъ составяшь годовое изданіе. Первая книжка выйдетъ въ Апрель мѣсяцъ сего года, а послѣдняя въ Февраль 1824. Поелику сей Журналъ не заключаетъ въ себѣ такихъ спашей, кои могли бы поперять цѣну свою отъ выхода ихъ въ свѣтъ не въ началѣ года, по сіе распоряженіе (вмѣсто изданія книжекъ съ Января по Декабрь) не можетъ имѣть никакого вреднаго вліянія на порядокъ и содержаніе онаго.

Цѣна годовому изданію, или 6 книжкамъ въ С. Петербургѣ 30 рублей, съ пересылкою въ другіе города Россійской Имперіи 35 р. Подписка принимается у самаго Издашеля, В. И. Григоровича, живущаго на Васильевскомъ острову, въ 5 линіи въ домѣ Косцюриной подъ No 41, въ типографіи Коллежс. Совѣщ. Греча, въ книжныхъ лавкахъ Гг. Плавильщикова, Сленина и прочихъ. Иногородные благоволяшь адресоваться въ Газет-

ную Экспедицію С. Пешербургскаго Почта-шамша.

т т т т т

Объявленіе о новой книгѣ *).

Въ книжныхъ магазинахъ Гг. Плавильщикова, Слѣнина и Глазунова, а въ Москвѣ у Коммиссіонера Императорскаго Университета Г. Ширяева, поступила въ продажу вновь вышедшая книга подъ заглавіемъ: “Лондонскій Пуспынникъ, или описаніе нравовъ и обычаевъ Англичанъ въ началѣ XIX столѣтія. Переводъ съ Французскаго С. де Шап-леша. Дѣль часпи съ гравированными картинками. С. П. б. 1822. Въ типографіи Н. Греча.,—Для лучшаго понятія о содержаніи сей книги, прилагается при семъ красное оглавленіе спсашей, въ оной заключающихся:

Ч а с т ь   п е р в а я .

Но I. Лондонскія площади. II. Входъ въ гостиную. III. Гайдъ-Паркъ въ Воскресенье. IV. Неизвѣстный. V. Супруга. VI. Офицеръ Гвардіи въ первый разъ на службѣ. VII. Пяшь лѣтъ супружества. VIII. Никого нѣтъ дома. IX. Романъ. X. Шотландскіе нравы. XI. Упоминельныя забавы. XII. Половинное жалованье. XIII. Собранія и *Conversazione*. XIV.

---

*) И весьма занимательной. Прил. Изд. Благ.

Тщеславіе и бѣдность. XV. Наставленія модной маперіи. XVI. Ньюгетская шюрма, или Элиза Феннингъ. XVII. Регеншовъ Паркъ. XVIII. Заѣмъ. XIX. Искашель богашества. XX. Маскарадъ. XXI. Дамскіе наряды. XXII. Вешминстерское Аббашство. XXIII. Клубъ Набобовъ. XXIV. Упро въ Лондонъ. XXV. Лондонскія улицы. XXVI. Рамсгешъ и Маргешъ.

Ч А С Т Ъ   В Т О Р А Я .

Но XXVII. Всё не въ попадъ. XXVIII. Ни одной минушы свободной. XXIX. Женщина-кучеръ. XXX. Маперинская нѣжность. XXXI. Вспылчивость. XXXII. Опъѣздъ изъ Лондона. XXXIII. Моды. XXXIV. Общество *синихъ тулковъ*. XXXV. Сосѣдъ за споломъ. XXXVI. Зачемъ заспавляшь себя дожиданья? XXXVII. Осень въ Лондонъ. XXXVIII. Романическая дѣвица и молодой Бакалавръ. XXXIX. Спрасъ къ игрѣ въ женщинахъ. XL. Портретный живописецъ. XLI. Книжная лавка. XLII. Это часпо бываетъ. XLIII. Педантъ. XLIV. Провинціаль въ Лондонъ. XLV. Воскресные люди. XLVI. Приятность въ обращеніи. XLVII. Принцесса Шарлотта. XLVIII. Журналь франпа и модной дамы. XLIX. День въ деревнѣ. L. Церковные обряды въ Лондонъ. LI. Карпинная галлерей. LII. Ученая женщина. LIII. Слуга повѣренный. LIV. Выборы и Членъ Парламента.

LV. Балы. LVI. Возвращеніе изъ Парижа. LVII. Побочная дочь. LVIII. Продажа жень въ Лондонѣ. LIX. Открытія. LX. Сцена изъ свѣтской жизни.

Книга сія, представляя въ занимательныхъ, сапирическихъ и прогашельныхъ картинахъ, изображеніе нынѣшнихъ нравовъ и обычаевъ Англичанъ, по разнообразности своей и любопытному содержанію, можетъ доставить удовольствіе и пользу любителямъ всякаго рода чтенія, отъ чего она и имѣла большой успѣхъ во Франціи. Достоинство перевода, по приговору здѣшнихъ литераторовъ, соотвѣтствуетъ изданію, которое оплывается какъ чистополою печати и лучшею бумагою, такъ и искусно выгравированными извѣстнымъ художникомъ Г. Академикомъ Ческимъ картинками. Цѣна за обѣ части, содержащія до 700 страницъ, въ цвѣтной оберткѣ здѣсь въ С. Петербургѣ 12, а въ Москвѣ 13 рублей. Гг. иногородные, адресуясь къ вышеупомянутымъ книгопродавцамъ, благоволящъ прилагать за пересылку вѣсовыхъ на чепыре фунта.

ПОДРАЖАНІЕ XXXIV ПСАЛМУ.

Возстань, Господь! и ополчися
 На обижающихъ, на злыхъ;
 Во всеоружіи явися,
 Рази прошивниковъ моихъ,
 Копьемъ содѣлай имъ преграду,
 Да не преслѣдуютъ меня:
 Поспавъ душѣ моей ограду,
 Рѣки: “пвое спасеніе Я!”,
 Покрой спыдомъ и посрамленьемъ
 Гонимелей души моей;
 Да вспяшь бѣжипъ съ уничиженьемъ
 Ковъ умышляющій злодѣй!
 Какъ прахъ отъ дуновенья бури
 Всклубатся предъ Тобой они!
 Да смеркнешь свѣтъ небесъ лазури!
 И мрачнымъ ихъ пушемъ гони!
 Почто злодѣи ровъ изрыли
 И яму скрыли средь сѣпей?
 Невиненъ я—почто сложили
 Ловипву для души моей?
 Пустьъ умыслъ надъ побой свершится,
 Души моей гонимель, врагъ!
 И въ ровъ сей самъ злодѣй ввалится —
 Да будетъ съ нимъ погибель, спрахъ!
 А я, о Господи! спасенный
 Тобой, возрадуюсь тогда,
 Твоей защитой огражденный,
 Въ весельи буду жить всегда.

Изъ нѣдръ костей моихъ родися,
 Тебѣ, о Господи! хвала.
 Съ тобою, Боже! кто сравнися?
 Коль славны всѣ швои дѣла!
 Страдальца бѣднаго спасаешь
 Опъ припѣснителей его;
 Убога, нища избавляешь
 Опъ возстающихъ на него.—
 Пропивъ меня враги воспали,
 Лжедоносили на меня;
 О помъ извѣшы предлагали,
 Чему былъ непричасень я.
 Лишь зломъ, хулою, оскорбленьемъ,
 Воздашь мнѣ за добро хопяшъ,
 И душу скорбью, огорченьемъ,
 Неблагодарные мершвяшъ.
 Когда Ты, Господи! недугомъ
 Плошь злыхъ, въ казнь имъ, посѣщаль,
 Молился я за нихъ—и духомъ
 Скорбѣль—посшился и спрадалъ.
 Сидѣлъ при ложѣ ихъ съ поскою,
 Въ печальны ризы облечень —
 Какъ бы надъ машерью родною
 Душевной скорбью угнепень.
 Но имъ болѣзнь моя—забава;
 Мое паценъ—шѣшишь ихъ;
 Мое безчестіе—имъ слава!
 И я спалъ презрѣннымъ опъ нихъ!
 Въ бесѣдѣ съ злыми глупцами
 И съ шуеядцами въ кругу,

Скрежещушь на меня зубами.
 Доколь снисходишь къ ихъ грѣху?
 Отпоргни обрѣченну жертву
 Отъ нападенія сихъ львовъ,
 Какъ беззащитную, полмершву —
 И я Тебя прослаблю вновь,
 Я воспою Тебѣ во храмѣ,
 Средь сонма, тысящи людей,
 Возжгу куреня въ еиміамъ,
 При блескъ жершвенныхъ огней.
 Не будешь радости прошивнымъ,
 Не будешь радости врагамъ;
 Не будешь пици ихъ спропшивымъ,
 Зломъ веселящимся очамъ.
 Не миръ, предметъ ихъ совѣщаній,
 Но прошивъ мирныхъ ихъ глаголь;
 Успа, исполнены вѣщаній
 Лукавыхъ, хипрыхъ—ѣдкихъ золь.
 Возри, о Боже! ополчися,
 Не удаляйся отъ меня;
 Твоею правдой заступися;
 Твоимъ судомъ спасуся я.
 Не будешь въ славъ мой гонитель,
 Не поржешшвуешь надо мной;
 Не скажешь въ радости губитель:
 “Погибъ, смирился овъ предъ мной!”,
 Да въ стыдъ ихъ радость обратишся,
 И ихъ щеславіе въ позоръ;
 Да гордый врагъ въ бѣдахъ смиришся,
 Кичливый не возносишь взоръ.

Но шоржештвуютъ, веселятся,
 Лишь мнѣ желаючи суда;
 Да возмогу я оправдаться,
 Тобой избѣгнушь отъ стыда.
 Они рѣкутъ: "Великъ хранящій
 Господь, рабовъ своихъ подъ щипъ!,"
 И мой языкъ, всякъ день гласящій
 Хвалу шебѣ, не умолчишь.

М. С—сб.

~~~~~

Благотворенія *).

Издашеть *Благонаимѣреннаго* получилъ отъ
 неизвѣстныхъ благошворителей для раздачи
 бѣднымъ по его распоряженію, а именно:

въ 1822 году.

5 Октября	5 р.
16 ———— изъ <i>Казани</i>	25 —
2 Ноябрь изъ <i>Казани</i> же	10 —
25 ————	25 —
27 ———— изъ <i>Казани</i>	25 —
9 Декабря	10 —
21 ————	25 —
24 ———— отъ <i>М. О.</i>	100 —
— ———— <i>Н. Н.</i>	25 —
— ————	10 —

Итого . . 260 р.

*) Спасѣнїя сія помѣщаема будутъ впредь въ *Благонаимѣренномъ* въ послѣдней книжкѣ каждаго мѣсяца.

31	Генваря 1823	10 р.
14	Февраля	30 —
23	————	10 —
5	Марша	5 —

Итого 55 р.

А всего 315 р.

Изъ нихъ роздано:

Бѣдному чиновнику 7 класса съ женою
и премою малолѣтними дѣтьми (см.

XLVІ N^o Благ. 1822, стран. 275) . 110 р.

Женѣ бѣднаго отставнаго чиновника *Е.*

В. П—ой съ семерыми дѣтьми . 20 —

Бѣдной больной дѣвицѣ *Исаковой* . . 20 —

Бѣдному и больному чиновнику *Т.* . 10 —

На похороны одному бѣдному чиновнику 10 —

— — — — вдовѣ *Александровой* . . 20 —

Вдовамъ:

Зайцовой . . . . . 25 —

Жемайловой . . . . . 20 —

Разживиной . . . . . 10 —

Кузовлевой . . . . . 10 —

Гринблатъ . . . . . 5 —

Кудлай . . . . . 5 —

Раецульской . . . . . 5 —

Пряхиной . . . . . 5 —

Бурковой . . . . . 5 —

Софроновой . . . . . 5 —

Федотьевой . . . . . 5 —

<i>Шестаковой</i>	5 —
<i>Булавкиной</i>	5 —
<i>Моляндеръ</i>	5 —
Несчастному осмидесятилѣтнему спар- цу <i>Василью Михайлову</i> (см. IV N ^o Благ. 1823, стр. 314)	5 —
<i>Мѣщанину Яковлеву</i>	5 —
Всего 315 р.	

Присланная къ Издашелю *Благонамѣ- рѣннаго* опѣ почтенной Гжи К...уничтожен- ная ею росписка въ должныхъ ей за квар- тиру покойнымъ Тип. Сов. *Желайловымъ* 75 р. доставлена бѣдной его вдовѣ и принята съ чувствованіемъ живѣйшей благодарности.

~~~~~

Шарада - Омонимъ - Анаграмма, напеча- танная въ IV N^o Благ. значить: *Ост - ровъ* (часть земли и городъ того же имени) так- же *Ростовъ*.—а Анаграмма на новый ладъ: я *иду съ метелъ судія*.

~~~~~

БЛАГОНАМЪРЕННЫЙ.

1823. № VI.

ДѢТСКАЯ ПРИВЯЗАННОСТЬ.

Повѣств.

Письмо I.

Мина къ Луизѣ:

Леницѣ.

Итакъ, милая Луиза, приѣхала я въ Леницъ. Очаровательнѣйшее мѣстоположеніе! Съ пригорка, на которомъ построены домъ дядюшки, спешюся передъ глазами моими обширные луга, испещренные цвѣтами и зеленью. Быспрая рѣка пересѣкаетъ и освѣжаетъ эту долину; кругомъ непрерывная цѣпь холмовъ—и только изрѣдка видны синющіяся вдаль горы!...

Все здѣсь удивляетъ и очаровываетъ меня. Кажется, что и самое сердце бьется во мнѣ свободнѣе... Ахъ! чего лишена была я до сего времени!...забышы—совершенно забышы печальные дни, проведенные въ домѣ родительскомъ! Забываю даже и шушрашную минушу, въ кошорую должна бу-

ду снова возвратишься подъ власпъ моей мачихи.—Башюшка позволилъ мнѣ провеспи здѣсь цѣлое лѣшо — “Если шолько не помѣщаешъ что нибудь,, — прибавиль онъ, вздохнувши...Ахъ, Луиза! онъ очень хорошо знаешъ, что я перпѣла, и пощому-шо я думаю, когда бываль со мною наединѣ—спановилса ко мнѣ гораздо нѣжнѣе и спаралса показашъ любовь свою, кошорую долженъ былъ скривашъ при мачихѣ. Что сдѣлала я ей? Зачшо лишаешъ она меня горячнoshi добраго родишеля?...

Прощай, Луиза! Знаю, что эша мысль погрузишъ меня въ привычную меланхолю—Прощай!... не хочю шебя опечаливашъ.

твоя Мина Р.

Письмо II.

Леницъ.

Въ городѣ, любезная Луиза, все блестяшъ искусшвеннымъ, заелнымъ блескомъ: зеркала, бронза, каршины, золощо плѣняющъ насъ; но можно ли все эшо сравнишъ съ прелестію днѣ весеняго?...Здѣсь все велико, благородно!... И самая мрачнoshi лѣсовъ, угрюмая поверхнoshi скаль—равно говоряшъ сердцу невинному, чувшвенишльному къ прилшнoshiямъ сельской жизни!

. Кузины мои много насказали мнѣ о раз-

валинахъ древняго замка Саарбергъ, поспро-
еннаго въ окрестностяхъ. Мы согласились
осмотрѣть эти развалины — и отправились
въ путь, взявъ съ собою проводникомъ маль-
чика лѣтъ двѣнадцати. — Издали еще видны
были полуразвалившіяся стѣны замка, самой
старинной архитектуры. Огромная башня
гордо возвышалась. Плющъ, хмѣль и другія
растѣнія вились по ней и закрывали собою
ращелины. — Подошедъ поближе, обворочены
были мы картиною окружности мѣста;
а съ самаго замка долго не могли свести
глазъ.

Насмотрѣвшись добыта, сѣли въ прое-
рядомъ — и начали разговаривать. Анема раз-
сказала намъ чудесную исторію о старомъ
замкѣ. Амелія попросила попомъ меня про-
пѣть балладу въ древнемъ вкусѣ; я запѣла,
но на второмъ же куплетѣ смѣшалась. Мнѣ
послышалось, что кто-то аккомпанируетъ...
кузины вдругъ оглянулись — а это и увѣри-
ло меня, что я не ошиблась. Снова начала
я пѣть — и снова слышны были звуки флей-
ты. Когда окончила я послѣдній куплетъ —
прелестное адажіо заключило пѣніе. Мы слу-
шали и удивлялись.

Звукъ инструмента проходилъ, казалось,
изъ башни. Около развалинъ расщепъ гу-
сной рѣпейникъ — смотримъ... вдругъ онъ за-
шатался — мы испугались, соскочили благимъ

мапомъ со своихъ мѣстъ и убѣжали въ спорону.

Пошерявъ изъ виду замокъ съ его паинспвенными башнями, принялись мы смѣяясь надъ нашимъ спрахомъ и разсуждашь о приключеніи.

“Кшо бы эшо играль на флейшъ?, спросила я.—Молодой человекъ—опвѣчала Анеша—молодой человекъ, кошорый, безъ сомнѣнія, пришелъ осмошрѣшь замокъ и долину.—“Ахъ; Мина! перебила рѣзвая Амелія: слышалъ ли жшо шакую прелестную игру?, — Хопѣлось бы узнать, шакъ ли же хорошъ онъ и собою—сказали мы всѣ шрое въ одинъ голосъ.

Разсуждая такимъ образомъ, мы и не примѣнили, чшо сзади насъ шель прекрасный молодой мужчина — эшо былъ шопъ самый, кошорый играль на флейшъ. Мы оглянулись, и шы померла бы со смѣха, милая Луиза, еслибъ увидѣла насъ въ эшу минушу....Какъ мы смѣшались! Покраснѣли, перешопшали другъ дружкѣ ноги—не знали чшо дѣлашь!—Мужчина взглянулъ на насъ, снялъ шляпу, важно поклонился и продолжалъ пушь.

Вдругъ Анеша громко закричала: она нечаянно насшупила на ужа. Незнакомый кавалеръ подбѣжалъ...“Змѣя! змѣя!”, кричали мы, поблѣднѣвъ ошъ спраха. Онъ улыбнолся, посмошрѣлъ на ужа и сказалъ, чшо мы напрасно пугаемся, —“Но—продолжалъ незнако-

мецъ, указавъ намъ другую дорожку, не столь сырую, по которой мы шли—эша пропинка скорѣ выведешъ васъ на большую дорогу.,—Снова попомъ раскланялся и удалился.

Молча шли мы по новой дорожкѣ; но когда спустились уже съ горы, по принялись опять за разговоры о музыкантѣ. Каждая изъ насъ признавалась, что въ жизнь свою не слыхала такого приятнаго голоса, не видала такой ловкости и непринужденности въ обращеніи—короче: онъ успѣлъ сказать намъ не болѣе двухъ, прехъ словъ, а мы провозгласили уже его фениксомъ!

Цѣлые два дни только что и перешептывались мы объ немъ. На претій пошли опять смотрѣть замокъ и велѣли принести туда арфу. По просьбѣ кузинъ я пѣла мой любимой романсъ—играла, какъ нельзя лучше, старалась, и очаровательные звуки флейшы опять мнѣ вшорили, и самъ музыкантъ показался. Онъ подошелъ съ веселымъ видомъ; говорилъ съ нами, какъ будто нѣсколько лѣтъ уже былъ знакомъ—но что пощекотало немножко мое самолюбіе—не спросилъ, которая изъ насъ пѣла?

Пришедши домой, мы безумолку о немъ говорили. Вслухъ—смѣялись надъ нимъ... между щемъ, какъ внутренне находили его весьма любезнымъ. Таковы-по женщины!...

Съ общаго совѣта положили не сказы-

вашъ о жемъ ни дядинькѣ, ни шешинькѣ —
чшобъ не спшали надъ нами шупинь и спшы-
дишь насъ прелесшнымъ незнакомцемъ. Хо-
рошо ли мы сдѣлали, Луиза? . . .

Письмо III.

Ленцъ.

Приключеніе наше, милая Луиза, еще
не кончилось. Давно не писала я къ тебѣ о
любезномъ незнакомцѣ, но теперь есть что
поговорить.

Забавляясь чудною съ нимъ встрѣчею у
развалинъ спараго замка, рѣшились мы од-
кожь не ходить туда болѣе — еспешвенная
скромность молодыхъ дѣвушекъ! Нѣсколько
дней прошло, и мы забыли почти своего
музыканша... какъ вдругъ приглашаютъ насъ
на балъ къ одному сосѣду. Входя въ залъ,
Анета полкнула меня локтемъ... “Вошь
онъ!”, — сказала пошихоньку... Въ самомъ дѣлѣ,
онъ сидѣлъ на другомъ концѣ зала и разго-
варивалъ съ хозяйкой. Мы подошли къ ней
поздороваться — и всѣ трое чрезвычайно
оробѣли. Молодой человекъ раскланялся съ
нами весьма учтиво; показалъ видъ, какъ
будто видится въ первый разъ; вовлекъ насъ
въ общій разговоръ — и темъ избавилъ отъ
замѣшательства.

Начались танцы — онъ ушелъ въ другія

комнаты. Анеша не утѣрилась, чтобы не спросить хозяйку объ его имени... «Не знаю— ошвѣчала хозяйка— Паспоръ изъ Лейбаха рекомендовалъ его въ сосѣдствѣ за своего приятеля. Всѣ ушверждають, что онъ съ отличными достоинствами, и сколько же образованъ, сколько скромнъ.

При сей похвалѣ, милая Луиза, почувствовала я что-то необыкновенное. Сегласись, что рѣдко встрѣпишь внутреннѣя достоинства въ соединеніи съ такою выгодною наружносцію!

Онъ вошелъ опять въ залъ, танцовалъ съ Анешою, съ Амалією, со мной — и хотя цѣлый вечеръ занимался болѣе всего нами, но ни которая изъ насъ не можетъ похвалиться особеннымъ предпочтеніемъ.

Въ двѣнадцать часовъ онъ скрылся и вся прелесць бала исчезла вмѣстѣ съ нимъ. Мы приѣхали домой... задумавшись о незнакомцѣ.

Ты не можешь себѣ представить, Луиза, какъ онъ милъ! Черные глаза, открытое, благородное лице, привлекательная улыбка, стройный станъ... Вошь мужчина!.. Прибавлю къ этому нѣкоторыя подробности, чтобы покороче себя съ нимъ познакомишь.

Онъ—сказываютъ—приѣхалъ сюда повидаться съ однимъ своимъ другомъ — но заспалъ, какъ того клали уже въ гробъ; а

несчастную вдову нашелъ въ крайней бѣдѣности и опчаяніи. Натурально, что онъ помогъ женѣ покойнаго своего друга; но тонкая разборчивость, съ которою предлагалъ ей услуги, благороднѣйшее участіе его въ судьбѣ несчастной—превосходитъ всякую похвалу. Вдова, исполненная чувствомъ признательности, отправилась на свою родину; а онъ остался здѣсь на нѣкоторое время, потому что Ленцъ ему чрезвычайно понравился—и нанялъ маленькую кварширу, не далеко отъ развалинъ Саарберга. Говорящъ, будто онъ очень богатъ—это видно по его обращенію. Весьма ученъ, рисуешь чудесно — и вообще Пасторъ отзывается о немъ, какъ о самомъ прекраснѣйшемъ человѣкѣ.

Вошь его поршреть, Луиза! Кладу перо, чтобы не сказала ты, что Мина о немъ только и пишешь...довольно было бы и душамъ ... не шакъ ли?

Письмо IV.

Ленцъ.

Ты журишь меня, милая Луиза, и совѣщуешь осперегаться. Романическое мое сердце—говоришь ты—легко можешь обольститься ложными призраками...Луиза! эти упреки удивляютъ меня—ты не права. Какую опасность предвидишь ты?...Чего мнѣ

осперегаешься?...Излишнихъ разговоровъ?.. — Онъ говоритъ со мной сколько же, сколько и съ кузинами. Онъ совершенно одинаковъ съ нами—и я право не знаю, чего мнѣ спрашиваться? Онъ встрѣшилъ молоденькихъ, хорошенькихъ дѣвушекъ, и находить удовольствіе бытъ съ ними вмѣстѣ: это очень просто. Я признаюсь, люблю его слушаешь, потому что разговоры его умны, приятны и даже поучительны для меня—и это очень просто. Вошь все!.. будь же спокойна, осторожная и строгая моя Луиза!...

Мы видимся нынчѣ съ нимъ каждый день. Онъ познакомился съ дядюшкой. Фамилія сего Сежеръ. Обращеніе съ нами все шаково же: проситъ, ошкровенень, вѣжливъ и чрезвычайно скромень. Кузины сердятся немного на шакую скромность. Рѣзвая Амелія непременно хочешь вывѣдать, въ копорую изъ насъ Сежеръ влюбленъ.... “Всѣ мы хороши собою — говоритъ она — пусть скажешь — и мы прокричимъ *браво!* Будемъ, хоть разъ женщинами, употребимъ хитроспи и посшараемся ошкрышь шайну.,,

Какіяжъ хитроспи? — спросишь ты. Вошь какія! Лишь только Сежеръ въ первый разъ пришелъ къ намъ, Амелія пришворилась *недовольною, разсерженною*... Онъ не могъ ошь нее добишься ни одного пушнаго слова. Ахъ! какая она фарсерка! Ей хотѣлось,

что бы и мы сыграли такія же роли; но ни я, ни Анепа не рѣшились подражать ей, видя какъ искусно Сежеръ прунилъ надъ ея капризами. Онъ началъ попомъ уговаривать ее, задѣлъ слегка за спрунку самолюбія ... и довель наконецъ бѣдную дѣвушку до того, что она заплакала и призналась, что все это была одна шушка.

На другой день Анепа вадумала пошла-лишь. Ей пришло въ голову опшускать *сантиментальности*. Нѣжно, помно посмаширивала на Сежера, говорила съ такимъ чувствомъ — и казалось сначала успѣвала ... Но вдругъ Сежеръ — будто понялъ хипросшь — перемѣнился, сдѣлался серьезнѣе, молчаливѣе, и Анепины шруды пропали.

Что касается до меня, Луиза—я не хочу слѣдовать примѣрамъ кузинъ моихъ. Малѣйшее припворшво чуждо моему сердцу. И зачемъ?...Чтобъ узнать, можетъ быть, ужасную истину!—Нѣтъ, не хочу угадывать, опъ чего взоръ его спановишся неподвиженъ, когда начинаю съ нимъ говорить? Опъ чего голосъ его дѣлается нѣжнѣе—когда произносишь онъ мое имя? ... Не долженъ ли онъ опшавишь скоро Ленць—и сама я долго ли проживу здѣсь?—Ипакъ буду весши себя съ нимъ попрежнему. Не правда, ли что это лучше?...Прощай, Луиза!

Письмо V.

Ленинб.

Цѣлый мѣсяць не писала я къ тебѣ, милая Луиза, и съ тѣхъ поръ сама не знаю, что со мною дѣлается. Сердце мое спѣсено—страшное беспокойство превожитъ меня поминушно. То, что почитали мы ребячесвомъ—начинаетъ меня мучить.

Кузины, вѣтренныя, какъ обыкновенно бывають дѣвушки въ пятнадцать лѣтъ — смѣются и увѣряють меня, что Сежеръ мною занятъ. Догадки ихъ неосновательны. Правда, что Сежеръ съ восхищеніемъ слушаетъ мои пѣсни, смотритъ на меня съ особенною нѣжностью, но...но какое заблужденіе, Луиза! Сказалъ ли онъ мнѣ чтонибудь такое, чего не услышала бы я въ обществѣ оцъ чловѣка совершенно равнодушнаго? Кузины не раздѣляютъ ли со мной его ласкъ? Спросилъ ли онъ даже: кто мой отецъ и откуда я? — А онъ знаетъ, что я здѣсь только гостю.

«Однакожь непременно надобно, чтобъ онъ кощоруюнибудь изъ насъ полюбилъ — говоритъ Амелія—и слабое мое сердце шихо повспоритъ: «надобно, чтобъ это была ты, Мина, если хочешь вѣрнѣе въ счастье.» — О Луиза! признаніе это невольно вырвалось! я люблю Сежера! люблю — и съ горестью

увѣряюсь въ помѣ, попому что не имѣю никакой надежды. Но я не измѣню себѣ и ни одинъ нескромный вздохъ не обнаружитъ моего стыда. Ахъ! если онъ только для эшого такъ любезенъ?...Если забавляешься только надъ неопытнымъ сердцемъ, чтобъ похвалишься попомъ своею побѣдой?—Ошибается онъ, Луиза! Гордость поддержишь меня—онъ увидитъ мою швердосшь. Сежеръ могъ поколебать—но не покоритъ мое сердце.—Луиза! длячего не внимала я гласу священной швоей дружбы?...Совѣшны швои были спасительны; предосторожность — благоразумна; я смѣялась — и шеперь наказываюсь. Прощай! пожалѣй несчастную Мину!

Письмо VI.

Леницъ.

Онъ уѣхалъ!...и слезы безнадежной любви невольно капающа изъ глазъ моихъ!..Онъ уѣхалъ...О Луиза!...мученія, жесточайшія мученія!!!

Сежеръ пришелъ сегодня поупру къ дядюшкѣ и съ равнодушіемъ, которое никогда его не оставяешь — сказалъ, что по одному важному дѣлу долженъ онъ чрезъ часъ выѣхать изъ Ленца...“Черезъ часъ!..—вскричали мы—я почувствовала, что блѣднѣю.—Прощайше, Мина — сказалъ онъ шихимъ го-

лосомъ, обращался ко мнѣ—и началъ попомъ раскланиваться ... “Но мы вѣрно увидимся еще когда нибудь?”, спросилъ его дядюшка. Сежеръ пробормошалъ нѣсколько словъ, которыхъ я не разслышала. Всѣ пошли провожать его—я не могла идти. Ноги мои пряслись—я оперлась на креслы ... Вдругъ слышу—спухъ кареты, выѣзжающей со двора ... подобно ужасному громовому удару—этошъ глухой спухъ оледенилъ всѣ мои члены. Съ прудомъ дошацилась я до своей комнашы. Тамъ слезы...ручы слезъ облегчили нѣсколько беззащитное мое сердце. О Луиза! какъ спыжусь я своей слабости! ... Но я думала, что онъ меня любишь!

Письмо VII.

В***

Дни моего счастья пролетѣли быспро!— Я просилась съ Ленцомъ и должна опять жить съ мачихой. Ты знаешь, что меня здѣсь ожидаетъ; но лишенная сладоспнѣйшихъ надеждъ, легко могу перенести всѣ неприятности.

Когда вошла я въ заль, шо первыя слова бапюшки были: “Ахъ! какъ ты блѣдна, милая Мина: я думалъ, что деревенской воздухъ шебя поправишь....”,

— Блѣдна!—подхватила мачиха съ обык-

новѣнною своею насмѣшкою — скажи лучше, что она совсемъ мерзвая. Какая разница съ моею Розаліей!

“Можно ли сравнивать челоѣка больного со здоровымъ—сказаль бапюшка. Ты вѣрно хворала, Мина?,—

—Развѣ не видишь пы, перебила мачиха, что она такова же, какою и поѣхала опъ насъ. —

Бапюшка вздохнулъ, и обнялъ меня съ величайшею нѣжностію. Я опустила голову на его грудь и дала волю слезамъ... “*Сентиментальная дотка!*”, сказала презрительно мачиха. Я подошла къ ней поздороваться — она подала и пошчасъ опдернула свою руку. Съ дочерью ея, съ милою Розаліей, поцѣловались мы дружески.

Я успокоила бапюшку на счетъ своего здоровья; рассказала, какъ проводила время въ Ленцѣ—разумѣеся не все—и пошла съ Розаліей въ ея комнату. Мы съ ней очень дружны. Она любезна, опкровенна .. и представъ: лишь полѣко остались однѣ въ комнашѣ, въ шужь минушю объявила, что... любишь. Принялась было за подробности; но вошла мачиха и помѣшала разговорю.

“Знаешь ли, Мина—сказала она—Розалія боялась твоего приѣзда... Но, слава Богу! пы такъ худа и желша, что не опобѣешь у нее жениха.,,

—Сестрицѣ нѣчего опасаться—опивчала я, обнявъ Розалію.

“Почему знашь! — подхватила мачиха — Молодой человекъ прекрасенъ собой, богатъ любезенъ—однимъ словомъ: я самая счастливейшая мать и Розалія счастливейшая невеста.,,

—Невеста!..сказала смѣючись Розалія — пока еще нѣтъ. Вы говорите объ этомъ, маминька, такъ, какъ будто ужь дѣло сдѣлано.—

“Я знаю что говорю. Зачемъ ему ѣздить къ намъ такъ часто?.. —

—Онъ, маминька, ѣздитъ ко всѣмъ. — Ошличной молодой человекъ, правда—но...

“Но!...Что значишь это: но?..Я не слѣпа. Надѣюсь и имѣю причины надѣяться.—Такъ, Мина, я объявляю тебѣ, что Розалія невеста молодаго Вьелерша?.,

—Хорошо, сказала Розалія съ улыбкою, которая дѣлаетъ ее еще милѣе: дай Богъ, чтобъ вы не ошиблись, маминька, потому, что онъ въ самомъ дѣлѣ прекрасный мужчина. —

Мачиха вышла. Тутъ узнала я отъ Розаліи, что Совѣтникъ Вьелершъ, который часто къ намъ ѣздитъ, вовсе не думалъ свататься; но что маминька ей говоритъ объ этомъ такъ открыто и утвердительно, что можетъ быть, принудить его объяснить.

Боюсь, чѣшбъ она не спала подозрѣвать меня въ намѣреніи опбидѣ у Розаліи назначеннаго ею жениха. Способна ли я къ этому? О Луиза! сердце мое мершво уже для любви!—

Башюшка не принимаетъ никакого участія въ шомъ, что происходитъ. Онъ улыбаешся шолько, когда заговоряшъ о свадьбѣ Розаліи. Все время проводяшъ онъ въ кабинетѣ. Занимаешся много, задумываешся, что меня очень беспокояшъ. Ты знаешъ, Луиза, что онъ прежде былъ не шаковъ. — Я это замѣшила ему—онъ посмошрѣлъ на меня съ видомъ печальнымъ и въ сильномъ волненіи сказалъ: “Боже мой! если я умру... что будешъ съ шобою, милое дшя!”,—

Сшрашусь опшкрышъ шобѣ мои опасенія. Кажешся, что сосшояніе башюшки разстроилось. Ты знаешъ, какъ мало дорожилъ онъ деньгами и какъ вель свои счешы. Эша небрежность погубила его. Къ шомужь мачиха удвоила почши расходы въ домѣ. По словамъ дяшюшки, я и прежде объ этомъ думала: но шеперь уже не сомнѣваюсь, видя какъ башюшка во всемъ шобѣ опказываешъ, Онъ не покупаешъ больше старинныхъ медалей; а Розалія сказывала мнѣ, что хочешъ даже и кабинетъ свой продашъ. Мачиха все примѣчаешъ; но слишкомъ далека опъ шого, чшобъ перемѣнишъ образъ

жизни. “Особенно шеперь — говоришь она — когда дѣло идетъ о будущемъ счастіи моей дочери. Уменьшишь издержки, что бы обезславишь себя!.. Кто знаетъ, можешь быть, Совѣтникъ почиаетъ насъ первыми богачами въ городѣ — шемъ лучше!.. — Бапюшка покраснѣешь отъ досады и замолчишь.

Луиза! уже ли еще новое бѣдствіе поразитъ меня?..

Письмо VIII.

В***

Я не видала еще того Офицера, копорымъ заняла Розалія. Онъ уѣзжалъ въ деревню къ своимъ родственникамъ и только недавно возвратился. Между шемъ у насъ въ домѣ новый знакомой. Весельчакъ, какого я въ жизнь мою не встрѣчала и чудака! Представъ себѣ: ему шездцать лѣтъ; но онъ пакъ развязенъ, ловокъ — живъ, какъ молодой мужчина лѣтъ въ двадцать. Радъ смѣяться цѣлый день — и въ шужь минушю плакашь отъ самой бездѣлицы. Особенно ласки дѣшей чрезвычайно его прогаюшъ. Онъ споритъ съ кемъ угодно — сердитъ, кричишь...и шопчасъ опяшь соглашаешь. Мачиха искоса на него посмаприваетъ, пошому что ей не нравяшя рѣзкія иногда замѣчанія его на счетъ — женскихъ обязанностей,

но бапюшка почипаешъ его — сшарый Сигизмондъ помогъ ему въ одномъ важномъ дѣлѣ. Онъ играешъ у насъ въ домѣ роль благодѣшеля сѣмейсшва, и пользуется своими правами.

Съ первыхъ дней знакомсшва началъ онъ шупишь надъ блѣдносшю моего лица. Бапюшка пожалъ плечами—“Эшо ничего, сказалъ чудакъ: меньше, нежели ничего . . . можешъ бышь, слѣдсшвие какой нибудь осирошѣвшей спрасши-шемъ лучше! молодая дѣвушка сдѣлаешся основашельнѣе, разборчивѣе къ женихамъ., Я не обидѣлась шакою откровенносшю, хошя она меня и уколола, но, признаюеш, нехошя покраснѣла.

Съ мѣсяцъ уже какъ Сигизмондъ не ошходишь прочь ошъ меня. Я сражаюешъ съ нимъ въ шахматы, часшо засшавляешъ онъ меня пѣшъ, играешъ на арфѣ, чипашъ списхи — все эшо мнѣ прияшно и вмѣсшѣ полезно. Ты не можешъ вообразишь, какой вкусъ у эшого сшарика и какъ шонко обо всемъ онъ судишь. Иногда заводишь онъ со мной философскіе споры: опровергаешъ, доказываешъ—и я весьма ему благодарна. Одно шолько не нравишся мнѣ: ошшавляя меня, онъ всегда ударишь себя по лбу и вскричишь: “чоршъ меня возьми! Зачемъ я не моложе шридцашью годами!., Ты повѣришь, Луиза, чшо эши слова, повшоряемыя каждый день, начинаюшъ

меня беспокоишь. Ну, если онъ вообразишь, что *сугубья* его—придцашъ лѣшъ ничего не значашъ? Замѣшь, что онъ беспрестанно расхваливаетъ меня; но не въ глаза—а бапюшкѣ, Розаліи, мачихѣ.... такъ, что послѣдняя сказала мнѣ вчера: “Сигизмондъ богатъ, очень богатъ...подумай объ эпомъ, Мина! Тебѣ девятнадцашъ лѣшъ—личико же швое теперь не завидно..”

Не жестоко ли это, Луиза?... всего должна я спрашиться...Луиза! не оставь меня.

Письмо IX.

В***.

Великій Боже!—предчувствія мои сбылись!... эпощъ Вьелершъ, избранный женихъ Розаліи...самъ Сежеръ. Ахъ! чего онъ хочешъ здѣсь?..Или сестра моя должна бышь другою — жершвою эпощо непоспужимаго челоувѣка!..

Мы однѣ съ Розаліей оставались дома. Вдругъ отворяющія двери, слуга докладываетъ о приѣздѣ Совѣтника Вьелерша—и я вижу....Сежера! Я вскричала отъ удивленія. Розалія съ беспокойствомъ взглянула на меня и пошомъ на Совѣтника.—“Какъ счастливъ я, что нахожу васъ здѣсь!..” — сказалъ мнѣ Вьелершъ, подходя къ рукѣ.

—Вы мнѣ извѣстны только подь име-

жемъ Сежера — ошвѣчала я холодно и опдернула руку.

“Я и шеперь Сежеръ-продолжалъ онъ — а Вьелершомъ называюсь попому, что получилъ наслѣдство опъ дядюшки и съ шемъ вмѣстѣ долженъ былъ принять его имя.,,

— Какъ! вы уже знакомы!... вскричалъ старый Сигизмондъ, кошорый вошелъ вмѣстѣ съ Вьелершомъ — Мина знаетъ прежнее ваше имя? —

Совѣшникъ разсказалъ ему и Розали о нашемъ знакомствѣ — и шакъ опкровенно, шакъ спокойно, что я начинала опяшь ему вѣришь. —

Сигизмондъ — съ жаромъ, кошорый мнѣ не понравился — продолжалъ спрашивашъ его, зачемъ онъ жилъ въ Ленцѣ, о шомъ, о другомъ — и Совѣшникъ на все ошвѣчалъ весьма просно. Онъ подошелъ попомъ ко мнѣ, и попережнему дружески завелъ разговоръ о дядюшкѣ, о кузинахъ, . . . Волшебникъ! . . . въ чепверть часа — успѣлъ онъ пробудишь во мнѣ заснувшія чувства.

Сигизмондъ ходилъ между шемъ по комнашъ и грызъ ногти. — “Боюсь — сказалъ онъ наконецъ — боюсь, Мина, что бы маминька ваша . . . вы знаете, какъ она подозрительна . . . не приняла знакомства вашего съ Совѣшникомъ въ Ленцѣ за выдумку. Не лучше ли оставишь ее въ шѣхъ мысляхъ, что види-

песь вы въ первый разъ? . . . Какъ вы объ эпомъ думаете, Розалія?,,

“Я согласна съ вами,, — отвѣчала Розалія,,

—А вы Вьелершъ?....

“Для меня все равно,,

—А вы, Мина, что скажете?—

“Пусть маминька заключишь, что ей угодно; а я никогда не рѣшусь ее обманывать,,

Сигизмондъ нахмурилъ брови, а Вьелершъ, казалось, былъ доволенъ моимъ отвѣтомъ. Вскорѣ попомъ они раскланялись и ушли.

Вечеромъ Розалія рассказала маминькѣ своей о нашемъ свиданіи и шакъ искусно вплела шуть встрѣчу мою съ Вьелершомъ въ Ленцѣ; что ша не обратила на эшо никакого вниманія.

Сегодня онъ не приѣзжалъ, и я очень рада, темъ больше, что не здаю еще какой шонъ обращенія съ нимъ приняшь. Его считаюшь будущимъ супругомъ Розаліи. Эшой причины и собшвенной гордосши довольно уже, чтобъ заглушитъ въ сердцѣ раждающійся рѣпомъ. Прощай, Луиза!

Письмо X.

В***

Луиза! пожалѣй о бѣдной пвоей Минѣ!... Онѣ обходился со мною на учшивоспяхъ — даже—холодно. Эпо не все. Вьелершѣ не дѣлаешь никакого объясненія Розалии — и ма-чиха принялась за меня. Скромное мое обхожденіе съ нимѣ называется она кокепспвомѣ и поспу разѣ на день говоришь мнѣ въ сердцахъ, что я хочу завладѣшь сокровищемѣ ея дочери. Молчу ли я при немѣ.. (на все рѣшаюсь я для избѣжанія ссорѣ)...и ма-чиха начинаешь меня бранишь, полько что онѣ уходишь. “Она понимаетъ для чего пошуп-лала я глаза и подымала ихъ поспомѣ къ небу — чтообѣ показаться саншименпальнойю. Но вздохи мои напрасны; а плаксивой го-лосѣ пакже мало поможетъ, какѣ и пом-ные взгляды.,,

Клянусь тебѣ, Луиза, что все эпо не правда. Я спрого наблюдаю за собой. Когда Вьелершѣ у насѣ—я сажусь за работу, смошрю на свой узорѣ, а чаще ухожу въ свою комнапу. Ничпо однакожь не уменьшаетъ подозрѣній, или лучше ненависпи моей ма-чихи.

А онѣ?.. спросишь пы. Онѣ ничего не примѣчаетъ, или припворяется, будпо ни-чего не примѣчаетъ. Ведешь себя попрерж-

нему: со мной и съ Розаліей одинаковъ . . . .
 Но что значить это непонятное обращеніе?
 Съ какою цѣлію?..—Не поспигаю!

Впрочемъ, если я нѣсколько принужден-
 на съ нимъ—то виновата въ этомъ мачи-
 ха. О Луиза! ты не можешь вообразить, что
 происходишь во мнѣ, когда она съ ѣдкими
 насмѣшками, съ презрѣніемъ начинаетъ по-
 прекашь меня кокетствомъ, и въ то же вре-
 мя дѣлаетъ невыгодныя сравненія со своей
 дочерью. Тогда вдругъ пробуждается въ ду-
 шѣ моей невольное чувство мщенія — самое
 желаніе доказать ей, какъ она ошибается,
 унижая меня; что я могу...это мнѣ ничего
 не стоить...сестрица имъ не заняла . . . и
 пышныя надежды мачихи въ минушу . . . .
 Но я вижу мою Розалію—она подходитъ ко
 мнѣ съ ласкою, улыбка ея меня развлекаетъ...
 Я слышу голосъ бабюшки!...успокоиваюсь...
 и отдаю себя на произволь гнѣвной судь-
 бы. Терпѣніе и дѣвическая гордость: вопъ
 шоржество мое!...

Луиза! слезы, копорыя кропятъ эту
 бумагу — заключають въ себѣ мою клятву:
 чтобъ ни судило Небо—быть вѣчно доброю
 дочерью, вѣжною сестрою и вѣрною подру-
 гою.—

Письмо XI.

В* * *.

Справедливы ли опасенія моей мачихи? Любишь ли меня Вьелершъ?...Малыя и вмѣстѣ гореспныя надежды!...О Боже! или мало спрадало бѣдное сердце мое? Уже ли слезы Розаліи должны умножитъ еще мой мученія?.. Я писала къ тебѣ, что она любитъ другаго. Розалія уважаетъ Вьелерша за его достоинства, но для нее многого будетъ стоить выдти за него замужъ. “Припомъ же говоришь она—Вьелершъ ни слова не сказалъ мнѣ о любви — ты, милая Мина, ты владѣешь его сердцемъ. Я часпо замѣчала, какъ иногда украдкою бросалъ онъ на себя спрашныя взгляды; какъ спановилса печалень, когда ты уходила изъ комнаы—я нѣсколькo разъ слышала его вздохи...о повѣрь мнѣ, что онъ тебя любитъ.,,

Луиза! эти слова, эти сладкія слова—еще болѣе перзаютъ меня. Хочу вѣришь, вѣрю и спрашусь вѣришь, воображая себѣ гнѣвъ мачихи, если желаемый ею бракъ Вьелерша съ Розаліей не состоится.

Она уже начала свои дѣйствія. Вьелершъ любилъ слушать, когда я пою—и нашъ Докторъ—близкой ея родспвенникъ—запрешилъ мнѣ пѣть—потому, что у меня слаба грудь. Я внушренно смѣюсь — но повинуюсь.

Съ этого дня ни одной ноты не сыграла я при гостяхъ; за то каждое утро играла въ своей комнаѣ .... Вчера пришла въ нее — и нашла мою арфу, разбишюю въ дребезги. Розалія плакала. «Не сердись ни на кого—сказала она обнимая меня—любовь сесшры заплашишь тебѣ за шерпѣніе.»,

Фортопіано перенесено въ спальню къ моей мачихѣ, куда хожу я очень рѣдко ... И послѣдняго удовольствія лишающъ меня, Луиза! ...

Подъ предлогомъ слабато моего здоровья, мачиха сама занимается моимъ гардеробомъ.— Я одѣша нынчѣ, какъ позивальная бабушка! *Для воздуха* заспавляющъ меня прогуливашься...и большею частію тогда, когда Вьелершъ у насъ. Розалія хошѣла гуляшь вмѣстѣ со мной; но ей строго запрещено и приказано сидѣшь въ залѣ—а мнѣ въ компаньенки назначена....глупая горничная.

Вьелершъ молчишь; но старый Сигизмондъ часто оспришь мачихѣ на счетъ моихъ прогулокъ и укушыванья.

«Я очень доволенъ — сказалъ онъ мнѣ однажды при мачихѣ — очень доволенъ, что маминька запрещаетъ вамъ пѣшь и играшь на арфѣ, и что укупориваетъ васъ, какъ мушю. Я люблю васъ, Мина, опъ всего моего сердца — не за то однакожь, что плѣненъ соловьинымъ вашимъ голосомъ; не за то,

что минашюрные вами пальчики шакъ проворно бѣають по струнамъ арфы и что игрою своею приведете вы въ восторгъ и самаго дикаря—вы прелестны, какъ Нимфа; но будьте совершенно закушаны, будьте.... подвижными *любимыми*... я и тогда не переспану любивъ васъ, потому что сердце ваше прекраснѣе еще и васъ самихъ. Какъ же не благодаривъ мнѣ вашу маминьку—за то, что она *любитъ* нѣсколько молодымъ людямъ, какъ на примѣръ Велерту и прочимъ, обольщаясь наружными вашими прелестями?... Куда мнѣ съ ними шляться?—Итакъ все это дѣлается для меня...не правда ли, сударыня, что вы для меня-шарика бережете вашу Мину?....

Мачиха перепѣть не можетъ Сигизмунда за его насмѣшки; но дѣлать нѣчего — домъ нашъ много ему долженъ.

Беспокойство бапюшки умножается съ каждымъ днемъ. Розалія говоритъ, что у него съ мачихой часто выходятъ ссоры за модную и пышную жизнь. Онъ желаетъ уменьшить издержки; а мачиха и слышать объ этомъ не хочетъ. Бапюшка слабъ, чтобы употребить власть; спрашивается и доходитъ до крайности!—Узнавши нечаянно, что арфа моя разбила, онъ сказалъ: “ты очень любила этошъ инструментъ, Мина!”, — Да, папинька—ошвѣчала я—мнѣ его жаль. Онъ обѣ-

щаль мнѣ купишь другую арфу, лучше прежней; но я просила, чщобъ онъ не дѣлалъ этого. Такая издержка можешъ бышь ему въ шагосшь. — У бапюшки навернулись слезы. Молча посмопрѣль онъ на меня, и пошомъ сказалъ: “благодарю шебя, милая дочь! шы отказываешъ себѣ, шы разсудительна...шакъ.. я не могу купишь шобѣ арфы!.,

О Луиза! какво должно бышь его положеніе, когда позволяешъ онъ себѣ шакую откровенность со мной!...Чемъ все эшо кончидся?...

Письмо XII.

В***

Мы погибли, Луиза—мы совершенно раззорились!...непомѣрные расходы въ домѣ, нѣкопорые необдуманые прожекты бапюшки; его довѣрчивость, непредусмошришельность.. все соединилось къ нашему несчастію. — Опекунъ мой спрацаешъ полиціей. И непремѣнно шребуешъ обещеченія имѣнію покойной машушки. Ты знаешъ крупной нравъ эшого чедовѣка. Вшорый бракъ бапюшки ему чрезычайно былъ неприяшень—можешъ судишь, на что рѣшился онъ шеперь.

Онъ приѣхаль къ намъ вчера ввечеру. Мачиха вшпрѣшила его очень сухо; но опекунъ не обрашилъ на эшо вниманія и прошель прямо въ кабинетъ къ бапюшкѣ. Сна-

чала разговоръ былъ шихъ; но мало по малу шумъ увеличивался—наконецъ голосъ опекуна раздавался по всѣмъ комнашамъ. Мачиха вошла шуда — и крикъ удвоился. Опекунъ сердился, спрашаль...мачиха черезъ чепверть часа явилась опяшь въ заль. “Прекрасно! — сказала она мнѣ, задыхаясь опъ досады—прекрасно! . . . Не по лѣшамъ хипра!..безовѣшная!., — Я поблѣднѣла — и спросила, чшо все эпо значить?.. “Пришворство не у мѣша—опвѣчала она—развѣ я не видала, съ какою радостью вспрѣшила шы эпого спаричонка?...Пронырство швое, голубушка, извѣшно. Ты насстроила его прошивъ насъ — все по швоей милоспи!.,.,,

Она шакъ громко говорила, чшо опекунъ слышаль. Онъ вышелъ изъ кабинеша и сказалъ ей съ важнымъ видомъ: “Уже ли вы думаете, сударыня, чшо я учусь своей должности у дыяши?.. Вашъ мужъ разорился; я опекунъ его дочери — и въ правѣ шребувашъ обеспеченія на ея имѣнїе. Не хотишели вы пустишь ее по міру, чшобъ шолько имѣшь возможность помешашъ лишнихъ два, или три года?..Вы ошибаетесь, сударыня! я знаю мою обязанность и выполняю ее..Ошвѣчайше мнѣ сей же часъ продолжалъ онъ, обращаясь къ башюшкѣ., — Сдѣлайше милосшь, сказалъ башюшка, крайне разспроенный—дайше мнѣ хощъ на нѣсколько мѣсяцевъ опсрочки: мы

сдѣлаемъ, можешъ бышь, какой нибудь оборопъ..“

“Какой оборопъ!..вскричалъ опекунъ. Мнѣ нужно обезпеченіе. Я даю вамъ сроку на двадцать чепыре часа — вопшь все, что могу сдѣлашь! Но припомъ замѣшьше, чпобъ залогъ былъ вѣрный, а не основанный на вашихъ *воздушныхъ* планахъ. Согласны ли?..“

Башюшка пришелъ въ совершенное опчаяніе. Вы правы — сказалъ онъ послѣ минутнаго молчанія — ничпо не въ соспоянїи спаси меня..исполняйше вашу должностъ.

“Какъ!—вскричала я—дѣло идепъ о моей собспвенностп—и вы беспокоишесь!... эшо обидно для меня , башюшка. Умоляю васъ оставишь напрасный спрахъ и располагашь имѣніемъ моимъ, какъ вамъ угодно.,—Прекрасно! сказалъ опекунъ: преблагородно! Однакожь я не могу на эшо согласишься. —

“Почемужь нѣтъ ?” вскричала мачиха — все принадлежишь ей, она имѣешъ право дѣлашь, что хочешъ.,—Я опекунъ — опвѣчалъ онъ гордо.

Я бросилась къ нему на шею, со слезами спала просишь—чпо бы позволилъ мнѣ спасти башюшку опъ спыда, бышь обезславленнымъ . . . Онъ, казалось, пронудся моими просьбами, и чпобъ не измѣнишь себѣ, или какъ нибудь опъ меня опдѣлашься, сказалъ,

что дастъ мнѣ при дня сроку на размышленіе.

“Слава Богу, сказала мачиха, когда онъ ушелъ., — Я погибъ, погибъ невозвратно! вскричалъ бапюшка: еслибъ онъ и хотѣлъ, то не можешь помочь мнѣ.

Мы разошлись по своимъ комнатамъ въ глубокой печали.—Три дня сроку!....Я перелюбуюсь въ мысляхъ, ища средствъ, которыми бы могла спасти бапюшку. Одно ужасное будущее представляется мнѣ: спыдь, или смерть добраго родителя... о Луиза! помолись за насъ!...

Письмо XIII.

В***

Уже ли я съ самой колыбели обрѣчена къ несчастію?...О Луиза! я одна буду жерпвою...самою жалкою жерпвою!...Весь домъ смотритъ на меня; всѣ отъ одной меня ожидають помощи. Ахъ! пусть пребудють моего имѣнія, крови, жизни...но сердца!...Боже мой! или думаютъ они, что легко?...Онъ любитъ меня, Луиза! Въелершъ меня любитъ—не сомнѣваюсь въ томъ болѣе.

Сегодня, когда приѣхалъ онъ къ намъ, Розалія и старый Сигизмондъ разсказали ему, что я отыказывалась для бапюшки отъ своей собщвенности. Лишь только вошла я

въ залъ , онъ бросился ко мнѣ опрометью, схватилъ мою руку и поцѣловалъ ее спрассно. Въ эту минупу двѣ слезы выкапильсь изъ глазъ его и канули мнѣ на щеку . . Онъ опвернулся, чпобъ—скрышь свое замѣшательство , и сказалъ мнѣ попомъ нѣжнымъ голосомъ: “О Мина ! зачемъ не могу я предложиль вамъ всего моего имѣнїя ! Зачемъ не свободень я ! Зачемъ не блаженспую съ сей же минупы ! , . . Вдругъ онъ оспановилься—какъ будшо сказалъ , или опасался сказать , что-шо лишнее . — О мученїя ! о восторги ! Онъ меня любиль . . . и я не могу любиль его ! . . Въ одно и поже время испыпываю я все , что полько можеть очаровашъ и привести въ опчаянїе слабаго челоовѣка . Луиза ! спрадалъ ли кто шакъ , какъ я ? . .

Черезъ полчаса Вьерершъ ушелъ . Сигизмондъ , смотря ему вслѣдъ сказалъ : “ Да , Мина ! я все видѣлъ , я очень хорошо видѣлъ , какїе спрассные взгляды бросалъ на васъ Вьерершъ . Но это умножилъ полько ваши муки , попому что . . Послушайте , Мина , мнѣ шездешать лѣтъ , я это знаю—но если хопите . . бапюшку вашего можно спасши . , ,

Можно спасши ! . . вскричала я — если я хочу ? . . — о любезнѣйшїй Сигизмондъ ! . . я хочу этого , хочу всею душою ! — Онъ содрогнулся .

“ Въ самомъ дѣлѣ , Мина , вы согласны

выдпи за меня за мужъ? Я опсупила назадъ и съ ужасомъ посмогрѣла на шарика. “Вамъ угодно смѣяться надо мной?”, — сказала я—Напропивъ того, любезная Мина—опсвѣчалъ онъ. Прежде пошупилъ бы я надъ спарикомъ подобнымъ мнѣ, который бы посващался на пѣкой молодой и прелестной дѣвушкѣ, какъ вы; но ваша скромность, кротость и благородство чувствованій перемѣнили меня..случай хопя и неприятный—я говорю о несчастномъ положеніи вашего башюшки—предсавляется мнѣ, чшобъ доказать по глубочайшее почпеніе, котороекъ вамъ питаю. Сынъ шолько можешь помочь ему....Послушайте — для васъ я предлагаю—ему свое имѣніе — вамъ сердце честнаго человека. Мнѣ шесшдесять лѣтъ, это правда; но я здоровъ и свѣжъ—я богашъ, очень богашъ—смирень и неревнивъ; люблю изящное: искусство и науки, и люблю—жизнь весело. Вы найдете во мнѣ самага нѣжнаго и вѣрнаго друга: жизнь ваша со мною будетъ радость—если шолько для спасенія башюшки зажмурише вы глазки на одинъ мой недосшатокъ....шесшдесять лѣтъ.,,

Полно-ше смѣяться, Г. Сигизмондъ—пербила Розалія, кошорая шупъ же сидѣла...“Нѣтъ, нѣтъ! я говорю серьезно: подумайте, любезная Мина о моемъ предложеніи. Если скажете вы нѣтъ — шакъ и бышь...

Признаюсь, что въ сравненіи съ Вьелерпомъ я долженъ казаться молодымъ дѣвушкамъ пугаломъ, всѣ сочтуть меня сумасбродомъ... Но Всевышній, чинающій въ глубинѣ моего сердца, знаешь причину этого предложенія. Повторяю вамъ, Мина, размыслите о немъ хорошенько. — Пятьдесять тысячъ гульденовъ даю вашему бабюшкѣ въ день свадьбы. Всѣ мы будемъ счастливы—надеюсь, что и Мина тоже.,,

Онъ вышелъ, не дождавшись отвѣта. Я залилась слезами и упала на грудь Розаліи. Бабюшка съ мачихой вошли тогда въ залъ. «Нѣтъ вскричала первый, удерживая мачиху —нѣтъ, я не могу на это согласиться; не говори ей ни слова — запрещаю тебѣ говорить...»,

—Почемужь? — сказала она — Мина дочь своя и должна знать, что первѣйшая и священнѣйшая обязанность дѣтей — жертвовашь всемъ для спасенія родителей. Мина! Сигизмондъ предлагаетъ...—Я окаменѣла. Розалія, примѣня во мнѣ перемѣну, ушатила меня въ мою комнату.

Пришедъ въ чувство, взяла я перо и написала къ опекуну письмо, въ которомъ умоляла его оставить дѣло, и не пребывать оцъ бабюшки разспроеннаго моего имѣнія—Напрасно! Онъ отвѣчалъ мнѣ ласково и милосливо; но съ шемъ вмѣстѣ доказалъ, что

не можешь согласишься на мои просьбы. Башюшка прочелъ отвѣтъ. Онъ заключилъ меня въ свои объятія, прижалъ къ шрепещущему сердцу...“Мина!,, сказалъ онъ шакъ, что едва можно было разслушашъ..Вдругъ отвернулся , пошелъ скорыми шагами и заперся въ кабинетъ.

Ужъ полночь, милая Луиза! я оканчиваю письмо свое, не зная, что будешь со мною завтра. Повсюду слышатся мнѣ тяжкіе-вздохи моего родителя, мрачныя черты его лица ежеминутно меня преслѣдуютъ и...Вьелершъ любитъ меня!...Прощай, вѣрная моя Луиза!

Письмо XIV.

В * * * .

Все кончено, Луиза! . . . жертва готова! Добровольно отказалась я отъ радости, любви и счастья! Какую страшную ночь провела швоя Мина!...Долго боролась я сама съ собою, и любовь , болѣе всего владычествовавшая надъ моимъ сердцемъ, льстила мнѣ, новыми надеждами. Вьелершъ богатъ—думала я—и если меня любитъ, то конечно поможетъ башюшкѣ!—

Усталость, сильныя волненія души въ продолженіи дня, усынили мои чувства...Въ забышши, въ эшомъ полу-снѣ воображеніе рисовало прелестнымъ будущее...Я очнулась—и

призраки исчезли. Чего надѣяшься мнѣ опъ Вьерспа?—Не самъ ли онъ сказалъ, что не зависишь еще опъ себя?...

Я вспала и подошла къ окну. Солнце сіяло уже въ полномъ блескѣ, но все еще на улицѣ было тихо и спокойно. Вскорѣ показался печальный погребальный выносъ. Хоронили умершую наканунѣ въ сосѣдствѣ одну молодую дѣвушку моихъ лѣтъ. Несильщички ошановились передъ окнами: “Ахъ! зачемъ не Мина на швоемъ мѣспѣ?,, — сказала я съ шяжкимъ вздохомъ. *Но помогло ли бы это отцу твоему?...* тихо прошепшало въ глубинѣ моего сердца—О Боже! вскричала я, мгновенно рѣшась на все. — Эта жизнь какъ ни еспъ ничтожна, уже ли недостойна быть посвящена доброму родителю? Ангельмира!—продолжала я, обращая руки къ усопшей — прими кляшву мою! пренеси въ горнія селенія, эшу кляшву дочери, гошовой пожершвовашъ собою родителю. ,,

Немного успокоилась я и начала молишья Богу. Въ десятиъ часовъ одѣлась и вышла въ залъ. Сигизмондъ былъ уже шамъ. Башюшка, увидя меня, спарался приняшь веселый видъ. Мачиха сидѣла, задумавшись.

Поздоровавшись съ папинькой, подошла я къ Сигизмонду и подала ему руку. “Мина ваша!— сказала я шрепещущимъ голосомъ—окончите шшраданія башюшки — я ваша!,, —

Какъ!...вскричалъ спарикъ возможно ли?...о нѣжная, великодушная дочь!...слава Богу!—

Долго продолжалось молчаніе. Я не могла удерживать слезъ. Башюшка подошелъ, посмотрѣлъ на меня, поцѣловалъ и вышелъ, рыдая какъ ребенокъ. Мачиха также плакала; она казалось была побѣждена. “О дочь моя! о Мина!...сказала она, обнимая меня съ чистымъ раскаяніемъ: какъ часто я тебя обижала!...Но съ этой минутой клянусь бытъ тебѣ матерью.,, Она вышла за башюшкой.

Какъ это вы рѣшились такъ скоро?,, спросилъ меня Сигизмондъ съ примѣшнымъ беспокойствомъ. “Теперь не должно мнѣ скрывать отъ васъ ничего,, отвѣчала я, и шутъ же ошкровенно призналась ему, какихъ мученій стоило мнѣ это пагубное согласіе. Сигизмондъ слушалъ меня съ особеннымъ участіемъ и опиралъ кашающіяся по щекамъ моимъ слезы. Милое и любезное дитя! рѣдкая, единственная дѣвушка! И ты, обладая такимъ великимъ сердцемъ, опасалась вѣрнѣ въ счастіе!,, Знай, Мина: Небо сотворило для тебя чудо! оно наградило твою безпримѣрную привязанность къ родинѣ! Сказавъ слова сіи, онъ меня оставилъ.

Итакъ, Луиза, все рѣшено: Завтра назначенъ сговоръ...Прощай, Луиза! ...

Письмо XV и послѣднее.

В * * * .

О всемогущее Небо! ... Луиза! ... что ты узнаешь! Я даже не вѣрю сама себя и думаю, что все это обманчивый сон!

Фоковой день былъ назначенъ. Велершъ сидѣлъ у насъ, а пошому ли не выходила я изъ своей комнаты. Розалія съ заплаканными глазами, часно приходила упѣшать меня. Ея слезы, ея искреннее соспраданіе перзало мое сердце, но не лишало меня швердоспи. Къ вечеру мапущка вошла ко мнѣ и начала меня наряжать. “О дочь моя! сказала она, когда была уже я готова: какъ унижаетъ меня благородный швой пошпукъ! Ахъ! еслибъ знала я напередъ, что ты будешь жершвою моихъ заблуждений. Но; Мина, я не останусь у тебя въ долгу: швоя швердосшь и великодущіе налагають на меня новыя обязанности, и я ихъ выполняю,,

Луиза! эта одна минута съ избыткомъ заплашила мнѣ за всѣ. Я оперла слезы и вошла въ залъ съ примирившеюся мапущкой.

Никого не приглашали на сговоръ, кромѣ опекуна. Сигизмондъ встрѣпилъ меня у дверей зала. “Ангельская дѣвушка! сказалъ онъ: ты дѣлаешь меня благополучнѣйшимъ изъ смершныхъ!,—Ахъ, ошвѣчала, я вздохнувши:

съ помощію Бога надѣюсь соспавитъ ваше счастье и не заспавитъ раскаяваться въ выборѣ. Мы подошли къ Паспору; онъ открылъ уже свою книгу и спрашная минуша наступала. Вдругъ дверь отворилась и входилъ Вьелершъ! Я обмерла. Сизизмондъ держалъ еще мою руку. “Нѣтъ, нѣтъ, батюшка! вскричала Вьелершъ, бросающъ къ намъ: ни минуши больше! испытаніе слишкомъ жестоко!”, Сказавъ сіи слова, упалъ онъ передо мной на колѣни. “Мина! продолжалъ Вьелершъ: простишь ли мнѣ эшоу невольный обманъ? Я люблю тебя съ перваго свиданія; но далъ кляшву батюшкѣ: не открываешься ни одной дѣвушкѣ безъ его согласія. Я писалъ къ нему о тебѣ, о твоихъ достоинствахъ, о любви моей; онъ самъ приѣхалъ и подъ именемъ Сигизмонда испытывалъ тебя, тебя, благороднѣйшая и великодушнѣйшая изъ всѣхъ женщинъ! О Мина! прости, если испытаніе было ужасно! Я зналъ свое сердце; но батюшка хотѣлъ самъ увѣриться..”

Нужно ли говорить, Луиза, какъ подѣйствовало на меня эша рѣчь? Нечаянная радость, неожиданность лишили меня чувствъ. Безъ памяти упала я на руки Вьелерша. Батюшка, машушка благословили насъ. Розалія была внѣ себя отъ восхищенія.

“Что, Мина, сказалъ отецъ Вьелерша: сбылось ли мое предсказаніе? Наградило ли

тебя Небо? Если ты забыла, то я повторю слова спараго Сигизмонда: *сынъ только можетъ помочь отцу своему.* И вопшь онъ весь къ вашимъ услугамъ. Благодаря моему сссполянiю, никшо изъ насъ не будешъ нуждашся. Мина! шеперь въ полной мърѣ знаемъ мы великiя качества души швоей; но комужь, какъ не мнѣ, всѣ эшимъ обязаны? Если въ сiю шоржесшвенную минушу сынъ мой споишъ передъ шобою на колѣняхъ и не знаетъ: любовь, или какое-шо особенное благоговѣнiе повергаетъ его, шо онъ обязанъ эшимъ мнѣ. Если удивленная мачиха пишашъ къ шебѣ шеперь истинныя машеринскiя чувспвованiя; если счастливый отецъ гордишся такою дочерью, Розалiя такою сесшпрою; если наконецъ ты сама, ощушая неизьясшное удовольспвiе, невольню почишашъ себя въ опношенiи къ намъ вышшимъ, лучшимъ сущесшвомъ: шо и ты, и всѣ обязаны эшимъ мнѣ спарику. Не сердишесь же на мое испытанiе, попому чшо оно ведешъ насъ къ общему сшасшiю, а чшо еще болѣе, къ добродѣтели.,,

О Луиза! нѣшъ словъ, чшобъ описашъ шебѣ мое блаженсшво! Приѣзжай, приѣзжай поскорѣ раздѣлишъ воспорги сшасшливой швоей Мины.

СѢ Франц. А. Р—ѣ.

НОВАЯ ШКОЛА СЛОВЕСНОСТИ *).

(Отрывокъ изъ моего Журнала.)

Сей часъ возвратился я опть сосѣда моего, молодаго Поэта, недавно приѣхавшаго изъ Лондона. Я заспаль у него болѣе десяти знакомыхъ мнѣ стихотворцевъ и прозаиковъ. Они сидѣли вокругъ спола и занимались чтеніемъ. — “Извѣстите, если помѣшаль вамъ., — сказала я хозяину. — Ни мало! Я очень радъ, что вы пожаловали. Мы слушаемъ разсужденіе Господина *N.* о *новой школѣ Словесности*, весьма интересное. Жаль, что вы не заспали начала, гдѣ онъ такъ прекрасно доказаль смѣшное приспособіе къ старымъ, заржавленнымъ правиламъ школьной Словесности. — Я взаимно изъявилъ свое сожалѣніе, придвинуль креслы къ сполу и просиль Г. *N.* продолжаль чтеніе. — Онъ началъ и вошь вѣрный списокъ того, что я слышаль.

---

*) Читано въ собраніи Общества любителей Словесности, Наукъ и Художествъ 8 Марта.

“Послѣ всего, доселѣ сказаннаго, кому не покажется спраннымъ основаніе старой школы: *подражай изящной природѣ*, какъ будто природа имѣешь что нибудь низкое, недоспойное нашего вниманія? какъ будто поэмы должны говорить для слѣпой, глупой толпы педаншовъ, безпрестанно твердящихъ о правильности, ясности и приличии? — Поэшь не знаешь предѣловъ, пламенное воображеніе его объемлеть всю вселенную, его гений—деспотъ, располагающій все по своему произволению; вкусъ его опличень опъ другихъ, образъ выраженія особенный, если хочите спранный, и даже иногда неудобопонятный: ибо самая темнота имѣешь свою прелестъ; въ швореніи его видна *гениальная* небрежность, и опъ сего-то оно не имѣешь опредѣленнаго цвѣща, но сливаетъ въ себѣ, такъ сказать, всѣ цвѣщы.

Для лучшаго объясненія духа новой школы, я обращаю вниманіе ваще на нѣ качества произведеній, кошорья соспавляють особенную красоту и привлекаемость оныхъ и кошорья суть: *тайнственное, или глубокое; дивное, или*

неиллювѣрное; и наивное, или пѣтитеская нагота.

О таинственномъ, или глубокомъ.

Таинственность въ произведеніяхъ словесности есть особенный родъ умственнаго шума, или мглы, скрывающей ошь чипапеля смыслъ сочиненія; по сему-шо желающій бытъ таинственнымъ, или глубокимъ писателемъ, долженъ сколько можно избѣгать ясности, ненавидѣть и спрашиваться опаснаго врага таинственности, разрушителя прекраснѣйшихъ фигуръ и описаній, врага извѣснаго — не скажу всѣмъ — подъ именемъ: здраваго смысла. Таинственности, или глубокаго, можно достигнуть:

1) Не наблюдая связи въ понятіяхъ перескакивая ошь одного предмета къ другому, не договаривая началаго и вообще предлагая мысли свои, какъ бы подъ завѣсой. Вошь превосходный примѣръ въ семъ родѣ. Поэшь, сѣдя на покатѣ въ правѣ,

*Тутъ, едѣ скала, свѣлей поросшая липъ вѣт-
ночныхъ,*

Быстрый лазурный пошокъ одѣваетъ вѣт-
вей пеленою,

восклицаешь:

Вдруг *изумленный* мой *гласъ* увлекается
 Бельшомъ *всемогущимъ*;
 Полная *скачущихъ* *волнъ* лазурная *бездна* и
 ; *солнце*
 И *небосклонъ* въ *его* *синихъ* *кристаллахъ* пы-
 ляютъ!

Послѣдніе два стиха прелестны!
 Они чудеснымъ образомъ представляющъ
 возмущеніе моря, въ *кристаллахъ* копо-
 раго, *ш. е.* въ *волнахъ*, не только пыла-
 ютъ: *солнце*, *небосклонъ*, но даже *безд-
 на*, *полная волнъ*.

Водныхъ, *гигантовъ* *шолпы* на поверхности
 носятся быстро.
 Тамъ на *горахъ* *орудія* *смерти*, изъ *зѣвовъ*
 мѣдяныхъ
Огненные облака *вылешаютъ*, *гремятъ* и *кру-
 шатся*.
Страшные груды *избавленныхъ* (?) *песокъ*
 покрываютъ, и *прот.*

2) Опушывая посредствомъ плодо-
 вишаго разсказа понятія просныя и
 обыкновенныя споль искусно, что бы
 заспавишь чшашеля угадывань чтоб

хотѣлъ сказашь сочинилъ. Вопшь при-
мѣрь:

Я получилъ сей даръ, наперсникъ Апол-
лона,
Другъ вкуса, вѣрный спражъ Парнасского
закона!

Вниманья швоего сей драгоценный даръ
Онъ пробудилъ во мнѣ охолодѣвшій жаръ,
И въ сердцѣ пасмурноилъ, добычѣ мертвой
скуки,

Поэзіи швоей плѣнительные звуки
Раздавшись, дозволились отвѣта бытія;
Поэшь напомнилъ мнѣ, что былъ поэтомъ я,
Но на чужихъ брегахъ, среди толпы холодной,
Гдѣ жадная душа души не зритъ ей сродной,
Гдѣ жизнь издержка дней и съ временемъ
расчешь,

Гдѣ равнодушіе, какъ всемершвящій ледъ,
Сжимае тѣ и тѣснитъ къ изящному усилю,
Что мыслямъ смѣлосшь даспъ, а вдохно-
венью крылья?

Какіе прелестные спшишки! Сколько
здѣсь красосъ Поэзіи! Сколько глубока-
го! О! сегобъ не хитрому уму не выду-
мать и въ вѣкѣ! Въ осьмомъ спихѣ еспъ
еще особенная красота, происходящая
ошь искренности, или просшодущія:

Поэшь напомнилъ мнѣ, что *былъ Поэтомъ я.*

Здѣсь видно вмѣстѣ и уваженіе къ своимъ паланшамъ и признаніе потери ихъ. “Я *былъ* поэтомъ..”, Какъ это мило! Кажется, сочинитель невольно проговорился. Это похоже на ту пѣсенку, въ кошорой пашухъ, мечшая, какъ онъ будешь говоришь съ милою пашушкой — прибавляешь: *Ахъ! и промолвлюсь, молвлю: люблю!* — Слѣдующіе стихи могушь также служить примѣромъ:

Гдѣ ты *младаго* дня плѣнищельный *разсвѣтъ*?
Гдѣ ты, *живое сладострастье*?

то есть: *гдѣ ты, протекающая юность?* —
Но съ чемъ сравнишь слѣдующій стихъ:

Развалины людей, дрожащи надъ могилой.

Это настоящая шарада: какое удовольствие угадашь, что сочинитель говоришь о шарости. Поэмы новой школы весьма искусны въ семь родѣ загадокъ; никогда не скажутъ они просто: земля, разцвѣтшая роза, человекъ и пр.; но говоряшь: *пружина жизни, роза вспыхнула, скидокъ бытія, и ш. ц.*

3) Ушончая какъ можно болѣе свои мысли, не дорожа Грамматикою, поспавляя прилагательныя безъ существительныхъ, періоды безъ глаголовъ, и смѣлою, шворческою рукою опливая словочиненія въ новыхъ, необыкновенныхъ формахъ, на примѣръ:

Съ лица ея *привѣтное* слезѣло,
 Въ глазахъ ея *узнанья* не найдешь,
 И *въ руку* ей рукой окоспенѣлой
 Ошвѣшнаго *движенья* не возмешь.

или:

Покрыша *мрачная* лазурь
 Надъ нимъ *нѣмыми* облаками,
 Онъ спрашенъ *дикими* мечпами,
 Онъ пѣсней въ душу *льетъ* печаль,
 Онъ *душу* погружаетъ *въ даль*
 Пространствъ *чуждыхъ, замогильныхъ*.

Вопъ испинно прелесть ужаса!
 Чипая послѣдніе два стиха, кажешся,
 погружаешься во шьму кромѣшную.

О *дивномъ, или неимовѣрномъ*.

Дивное, или неимовѣрное есть не
 иное что какъ разладъ, или приашный

беспорядокъ въ изображеніяхъ и мысляхъ. Оно происходитъ:

а) Иногда ошь поняшій, прошиворѣчащихъ пакъ называемой *истинѣ*, чего богатымъ источникомъ могутъ быть рассказы старыхъ нянюшекъ и мамушекъ.

б) Иногда ошь нѣкоей, пакъ сѣзашь, *противуестественности* изображеній; приапно изумляющихъ чашашеля, на примѣръ:

Душа спѣснилася тоскою,
Я грустно онѣмѣль,
Оперся на руку главою,
Въ окно не зря глядѣлѣ.
Очнулся я, румянь и свѣшель—
Ужь новый день сіялѣ,
И звучной пѣснью грохкій пѣшель
Мнѣ утро возвѣщалѣ.

Иногда наконецъ с) ошь необыкновеннаго смѣшенія различныхъ и — если можно — прошивуположенныхъ предметовъ въ одномъ и шомъ же изображеніи, на примѣръ:

На языкѣ его кровь ближняго куришся,
Гнѣздяшся *Фуріи* на мшпшительномъ чель,

Шипящій ползають эхидны на главѣ,
Въ глазахъ злость адская гезену раздуваетъ.

Не помню, кто-то сказалъ, что *перо слилѣ кисти*. Подливо, едва ли какой живописецъ рѣшился бы представить на картинѣ такое изображеніе.

Социнишель, желающій блиспасть красотами *дивнаго*, или *неимовернаго*, долженъ поступать подобно живописцу гротесковъ—копорый съ умысломъ опсупааетъ ошъ природы и нарушаетъ единство рисунка; все видимое и невидимое, все истинное и ложное должно бытъ помѣщено въ его произведеніи. Онъ долженъ располагать предметы какъ можно спраннѣе, переспанавливать и смѣшивать ихъ часпи какъ можно прошивуположнѣе, словомъ: онъ можетъ все-позволить себѣ для того, что бы изумишь чипашеля. Голуби могутъ у него бытъ съ *зубами*, яблоки съ *ушами*, звѣзды съ *глазами*, а предестныя дѣвушки съ *воздушными перстами*.

О *питтической наготѣ*, или *наивности*.

Благодаря просвѣщенію, многіе изъ нашихъ молодыхъ писателей разорвали наконецъ цѣпи школьныхъ, педантическихъ правилъ, убивающихъ таланты, и смѣлою рукою двинули *ржавыя колеса* нашей Словесности. Не только то, что они видяшъ, слышашъ, вкушаюшъ и постигаюшъ; но вообще *все*, подверженное физическимъ чувствамъ, постигаемое и непостигаемое умомъ, сдѣлалось предметомъ ихъ поэзіи. Теперь можно говорить и писать все, не заботясь, принадлежишь ли предметъ вашъ, или не принадлежишь къ изящной природѣ. Одной свободы недоспашочно однако же для того, чтобы сдѣлалась *наивнымъ* поэтомъ. Для сего должно приобрести навыкъ, при первомъ взглядѣ на предметъ представляшь себѣ оный во всей, такъ сказать, *питтической наготѣ*. Сей родъ краснорѣчія, извѣстный въ старой школѣ подъ именемъ: *неблагопристойности*, несмотря на ненависть къ нему всѣхъ, одержимыхъ предразсудкомъ *нравственно-*

сти, весьма употребительна и составляешь щегольство многих новых поэтов. Желаящий оплечаться в семь родъ, долженъ въ особенноти избѣгать спранныстей такъ называемаго *прилигя*, не спѣснятъ себя выборомъ обстоятельствъ и положеній предмета; но представлятъ его со всѣхъ споронъ, со всѣми мѣлочами. Развертывая такимъ образомъ всѣ изгибы и не оставляя ничего воображенію чинашеля, онъ откроешь обширное поле для описаній и будетъ имѣть случай блеснуть дарованіемъ. Коротко скажемъ, воображеніе опышнаго писателя должно походить на микроскопъ, открывающій предметы, незамѣтные простому глазу.—Приведемъ примѣры *наивности*.

О страшный видъ! волшебникъ хилой, и прот.

Это опривокъ изъ Поэмы, посвященной *дѣвицалѣ*! Желалъ бы знать что скажешь объ немъ Писшы старой школы и всѣ поклонники патриархальной нравственности? Но оставимъ ихъ въ грубой корѣ обвешшальныхъ предразсудковъ и приведемъ еще примѣръ.

Свершилось! Никагоръ и пламенный Эропъ,
и прот.

Сколько живоспи чувспвованій и мыслей! Прочитавъ сіе чешвероспишіе, невольно скажешь: *чувствительна душа и вгужѣ веселится!*

Изъ сего крашкаго разсужденія очевидно, что *питицеская нагота* (по старой школь *неблагопристойное*), *дивное* (по сп. шк. *вздорное*) и *таинственное* (по сп. шк. *безтолковое*) составляютъ главнѣйшія красоты поэровъ новой школы. Подлинно, когда слышимъ въ Комедіяхъ и Водевиляхъ опъ любовниковъ и даже скромныхъ дѣвушекъ подобныя *наивности*; когда въ Оперѣ, Поэмѣ и даже Трагедіи видимъ привидѣнія и чудовища; когда въ Балладахъ и въ Посланіяхъ находимъ душу, *отлугенную отъ жизни, слушающую лепетъ истогника—коня, взвивающагося надъ могилой*, и пр. и пр.—сколько рукоплесканій, сколько восклицаній распочаемъ въ похвалу автора!—Не доказываешь ли все сіе, что одно послѣдованіе новой школь можеть сдѣлать сочиненіе занимашельнымъ, и что шакъ называемые *классическіе пи-*

сашели не имѣли истиннаго понятія о красотахъ Поэзіи.,,

По окончаніи чтенія, Господинъ М. съ важностію положилъ шепрадъ и взглянулъ на всѣхъ, какъ бы желая прочиташь въ глазахъ слушающей мысли ихъ о разсужденіи. — Не нужно сказывать, что похвалы и восклицанія пошъ же часъ посыпались со всѣхъ споронъ. Можно ли было не восхищашься такимъ основательнымъ разсужденіемъ? Я самъ хвалилъ его, хотя можешъ бышь оно нравилось мнѣ совсемъ по другимъ причинамъ. — Авпоръ и хозяинъ, зная приспращіе мое къ спаринъ, чрезвычайно тому удивились, и послѣдній, прощаясь со мною и пожимая мнѣ руку, сказалъ: *вѣкѣ живи, вѣкѣ, угись!* — *А все таки учрешь дуракомѣ, думаль я, раскланиваясь.*

Житель Васильевскаго Острова.

ПРИТЧИ КРУММАХЕРА.

1. Газайль.

Газайль сынъ Восточнаго Царя, былъ воспишанъ въ долину мудрыхъ Браминовъ. Когда достигъ онъ юношескаго возраста, отецъ отправилъ его въ Персію, дабы усовершенствовалъ свое образование и наблюдалъ нравы и обычаи чуждыхъ народовъ. Юнощѣ дана была совершенная свобода, но тайно смотрѣлъ за его поведеніемъ Зеруя, бывший наставникъ младаго наследника престола.

Прибывъ въ Персію, Газайль прельстился веселостями столицы и блескомъ роскошной жизни. Забывъ свое назначеніе и царское достоинство, легкомысленно предался онъ распутству и постыднымъ вождельніямъ.

Однажды, когда онъ прогуливался въ увеселительныхъ садахъ Испагана, шель мимо его Зеруя, въ одеждѣ странника, съ посохомъ въ десницѣ.

Газайль, узнавъ его, спросилъ: ошкуда ты шествуешь, и куда ведешь шебя дорога?—

«Не знаю!»,—опвѣчалъ ему Зеруя.

—Какъ? — ты оставилъ опчизну, и не знаешь куда шесшвуешь?—спросилъ юноша съ удивленіемъ.

«Я забылъ, куда мнѣ идти»,—опвѣчалъ спарець — «Теперь брожу шуда и сюда, и кошорая дорога мнѣ кажется шире и прияшнѣе, шу я и выбираю.»

—И куда же доведеть шебя шакое спраншвованіе безъ цѣли и намѣренія?—спросилъ изумленный юноша.

«Не знаю!»,—опвѣчалъ Зеруя. — «Какая мнѣ до шого нужда!»,

—Человѣкъ сей былъ наспавникомъ моей юности, сказалъ Газаиль, обращясь къ споявшимъ близъ него: но шеперь—вы видите—онъ лишился разума. Прежде онъ исполненъ былъ высокой мудрости; но шеперь, увы! какъ перемѣнился! —

Туть Зеруя подошелъ къ юношѣ, и бросивъ на землю спранническую суму и посохъ, сказалъ: «Правду вѣщаль ты, Газаиль! — я перемѣнился, какъ и ты. Прежде былъ я швоимъ наспавникомъ и пушеводитшелемъ, и ты слѣдовалъ за мною по спезѣ, кошорую я шебѣ пока-

зываетъ. Но съ шѣхъ поръ, какъ переспалъ бышь пвоимъ руководителемъ, я рѣшился слѣдовать за тобою. Спранспованія, въ которомъ не знаю ни дороги, ни цѣли, есть пвое спранспованіе, и какъ опъ меня, шакъ и опъ себя удалился Духъ Вседержителя. Кто же изъ насъ болъшій безумецъ: ты или я, и кто шеспвуетъ по спезѣ оцаснѣйшей?,,

Такъ вѣщала Зеруя. Газаилъ разскался въ своихъ прослупкахъ и возвратился на пушь испины, ему назначенный мудрымъ наставникомъ.

2. Храмъ Мемфискій.

Когда Пифагоръ, мудрецъ Самоса, находился въ Египтѣ, дабы изъ древняго, священнаго источника почерпнуть мудрость, жрецы повели его въ храмъ Мемфискій. Спокойно и величественно, какъ гора, возвышалось дивное зданіе въ сумракѣ ушра.

—Какъ могли человѣческія руки поднять сіи громады скаль?—воскликнулъ изумленный Грекъ.

“Соединенныя силы,, — отвѣчалъ жрецъ—“все возмогушь, когда умъ правишь ими.,,

Огромныя врапа храма опверзлись, какъ врапа подземнаго царства. Они вошли и шеспвовали безмолвно между величественными столпами, и шаинспвенное шешпаніе, какъ гласы Духовъ, провѣвало по черпогамъ неизмѣримымъ.

Трепешъ объялъ младаго мудреца Самоса: онъ прислонился къ стѣнѣ и слезы невольнo полились изъ очей его.

“О чемъ ты плачешь?,, спросилъ его жрецъ.

Пиеагоръ хранилъ молчаніе, но черезъ нѣсколько времени сказалъ: увы! оставь меня! Здѣсь я чувствую себя въ ужасной близи того Существа, котораго имени не дерзаю произнести!—

“Хвала тебѣ, сыну смиренія!,,—вѣщаль жрецъ—оно ведетъ тебя къ Божеству, для котораго создано сіе святилище. Такъ! величественный образъ сего зданія да примиришь тебя съ человѣчствомъ!

Помысли, что храмъ сей былъ уже сооруженъ въ груди человѣка прежде

нежели онъ возникъ изъ утеса. Осуши
твои слезы и шепнуй радостно.

Съ Нѣмец. В. Тило.

ДУМБУРГЪ.

(Народная Нѣмецкая Сказка.)

Со страхомъ приближается странникъ къ развалинамъ Думбурга. Ужась его объемлешь, если ночь заспигаешь его въ семь мѣстѣ. Когда зайдетъ солнце, и онъ вступитъ на землю замка, слышитъ подземный, глухой стонъ и звукъ цѣпей. Въ полночь онъ видитъ, при лунномъ свѣтѣ, тѣни древнихъ рыцарей, копорые жезломъ желѣзнымъ повелѣвали надъ окрестною спраною. Изъ развалинъ возстають двѣнадцать длинныхъ, въ бѣлыхъ саванахъ, привидѣній, вносятъ открытый гробъ на вершину горы, и исчезають. Подъ горою разбросанные черепы часто движущся и спучашъ.

Долго жили въ Думбургѣ разбойники, убивали путешественниковъ и купцовъ, копорые опаздывали на дорогъ изъ Лейпцига въ Брауншвейгъ, накопляли

богатства ограбленныхъ церквей и со-
сѣдственныхъ селеній, и сохранили ихъ
въ подземныхъ пещерахъ. Глубокіе ко-
лодцы были наполнены убитыми; въ
ужасныхъ темницахъ умирали несча-
стные, часто голодною смертію. Мно-
го лѣтъ не могли открыть гнѣзда раз-
бойниковъ, наконецъ мщеніе соединив-
шихся Князей поразило ихъ.

Награбленные богатства, и золото
и серебро и драгоценные каменья ле-
жашъ еще и нынѣ кучами въ погребахъ
и подъ сводами. Однакожь рѣдко удаеш-
ся спраннику найти ведущія къ нимъ
двери, хошя онъ и вспрѣчаетъ тамъ и
сямъ разваливающіеся входы. Одни поль-
ко духи, въ видѣ пустынниковъ, на-
ходяшъ эти волшебныя двери.

Однажды бѣдной дровосѣкъ, копорой
позади замка хошѣлъ срубить буковое
дерево, увидѣлъ пустынника: онъ шель
шихо по лѣсу. Дровосѣкъ спряпался за
дерево. Пустынникъ прошелъ мимо,
на гору. Дровосѣкъ украдкою слѣдовалъ
за нимъ, и увидѣлъ, что пустынникъ
остановился у маленькой двери, о ко-
порой никшо не зналъ въ деревнѣ. Пу-

ешынникъ шико постучался и вскричалъ: “дверца, отворись!”, и дверь отворилась. “Дверца, затворись!”, раздалось за нею и дверь затворилась. Трепеща всею шѣломъ, дровосѣкъ замѣпилъ, вѣшьями и камнями, извивающуюся дорожку. Съ сего времени не могъ онъ ни спашь, ни ѡспь: шакъ мучило его любопытство узнать, что находишся въ погребѣ, за чудесною дверью.

Въ слѣдующую субботу онъ поспился, и въ воскресенье, при восходѣ солнечномъ, пошелъ на гору. Вошъ онъ споялъ уже передъ дверью, и спучалъ отъ спраха зубами: онъ все ожидалъ духа въ видѣ пуспынника. Но ни одинъ духъ не являлся. Трясучись, приблизилъ онъ къ двери, слушалъ долго и не слышалъ ничего. Наконецъ, въ шоскѣ сердечной, онъ помолился всему свяшымъ, и пошомъ, почти безъ памяши, скоро постучался въ дверь. “Дверца, отворись!”, сказалъ онъ слабымъ, шрепещущимъ голосомъ. Дверь отворилась, и онъ увидѣлъ передъ собою узкій, сумрачный ходъ. Вошелъ въ него, и скоро очутился подъ шроспраннымъ, слабо

освѣщеннымъ сводомъ. “Дверца, зашворись!”, сказалъ онъ невольно. И дверь за нимъ зашворилась.

Въ прѣпещѣ шель онъ далѣе, и увидѣлъ множество опкрытыхъ боченковъ и развязанныхъ мѣшковъ со старинными шалерами, гульденами, тяжелыми золошыми монетами; ларцы съ драгоценными камнями и жемчугомъ; золошые сосуды и разныя драгоценныя вещи спояли и лежали на серебряныхъ сполахъ, по угламъ пещеры.

Дровосѣкъ креспился, желалъ бытъ за тысячу верстъ опъ сего обвороженаго мѣсна, и однакожь не могъ удержаться, что бы не взять чего либо изъ сокровищъ: онъ хотѣлъ одѣтъ свою жену и осмерыхъ дѣшей, копорыя давно уже ходили въ лахмошьяхъ.

Трясучись, съ закрытыми глазами, пропаянуль онъ руку къ мѣшку, копорой споялъ подлѣ него, и вынулъ нѣсколько гульденовъ. Схватилъ себя за голову, и нашель, что она на своемъ мѣстѣ. Уже съ меньшимъ прѣцепомъ и смопря сквозь рѣсеницы, онъ взялъ еще нѣсколько шалеровъ, двѣ горщи мѣлкихъ, бле-

спящихъ монеть, и побѣжалъ, крѣпя-
ся, къ двери. “Приходи опять!”, закри-
чалъ ему глухой голосъ изъ глубины
пещеры. Едва онъ могъ, ибо все вокругъ
его вертѣлось, пролепетать: “дверца,
отворись!”, Дверь отворилась. Весело
и громко закричалъ онъ: “дверца, зашво-
рись!”, и дверь зашворилась.

Онъ спѣшилъ домой, скоро, какъ
только могли нести его ноги; не ска-
залъ ничего о найденномъ сокровищѣ,
пошелъ въ монашырскую церковь и
отдалъ двѣ десятины изъ всего,
что взялъ въ пещерѣ, на церковь и бѣд-
нымъ. Въ слѣдующій день отправился
въ городъ, и купилъ для жены и дѣтей
плащя, въ кошорыхъ онъ нуждались.
Онъ сказывалъ, что нашелъ ржавый па-
леръ и два гульдена подъ корнемъ буко-
ваго дерева, кошорое срубилъ.

На другое воскресенье пошелъ онъ
швердымъ шагомъ на гору, къ двери;
сдѣлалъ, что и въ первый разъ, и набилъ
карманы шуже, однакожь умѣренно.
“Приходи опять!”, закричалъ ему глухой
голосъ. И онъ пришелъ въ шретье вос-
кресенье, и набилъ свои карманы по-
прежнему.

Теперь казался онъ самому себѣ богатымъ человекомъ. Но что дѣлать ему съ богатствомъ? Онъ опдалъ въ церковь и бѣднымъ двѣ десятыя части опъ своего имѣнія; а прочее хопѣлъ зарыть въ своемъ погребѣ, что бы брать по временамъ для нуждъ домашнихъ. Но ему очень хопѣлось вымѣришь свои деньги; считашъ онъ никогда не учился.

Онъ пошелъ къ сосѣду, человеку богатому и весьма богатому, которой, однакожь, при своемъ богатствѣ, голодалъ, умножалъ свои жилищицы, не доплачивалъ работникамъ, разорялъ вдовъ и сиротъ, опдавалъ въ ростъ деньги и не имѣлъ дѣшей. У сего-то человека выпросилъ онъ мѣру, вымѣрилъ свои деньги, зарылъ, и опнесъ мѣру назадъ.

Но въ мѣрѣ были щели, кѣторыя богачъ не задѣлывалъ для того, что бы при продажѣ хлѣба бѣднымъ работникамъ, опъ шряски, опъ спуканья выпало всегда понѣскольку зеренъ опашъ въ его сусѣки. Въ сихъ щеляхъ завязло нѣскольку мѣлкихъ монешъ, кѣторыхъ дровосѣкъ, высыпая деньги, не примѣнилъ.

Но не укрылись онъ опьяспребиныхъ глазъ сосѣда. Онъ нашель дровосѣка въ лѣсу, и спросиль, что онъ мѣрилъ. “Гречу, овесь и другія сѣмена, — опшвѣчалъ сей запинаясь. Но богачь, качая головою, показаль ему мѣлкія монеты, грозиль судомъ и пыткою, и попомъ опяшь обѣщаль все, чего только могъ желать дровосѣкъ. Такимъ образомъ вымучиль изъ него шайну и узналь страшныя слова.

Во всю недѣлю богачь дѣлаль планы, какимъ бы образомъ вдругъ похипись всѣ сокровища изъ пещеры, и шѣ, кошорья должны были, по его мнѣнію, скриваться въ близъ лежащихъ и подъ землею. Если бы удалось ему вырышь ихъ, расчишываль онъ уже напередъ, шо онъ началъ бы скупать десятину за десятиной, учаспокъ за учаскомъ опъ своихъ сосѣдей, за дешевую цѣну, или опнимаешь шяжбою и коварствомъ. Онъ надѣялся сдѣлаться господиномъ всей деревни и, можеть бышь, многихъ сосѣдспвенныхъ, попомъ дворяниномъ и, подобно древнимъ хищнымъ рыцарямъ, овладѣшь всею спраною.

Дровосѣку не нравилось, что злой

его сосѣдъ хочеть идти на гору. Онъ уи́рашиваль его оставишь это намѣре́нiе, рассказываль ему тысячу повѣстей о несчастныхъ кладокопателяхъ. Но кшо удержишь скрягу ошъ раскрышаго мѣшка съ золотомъ?

Наконецъ угрозами и просьбами уговориль онъ дровосѣка сходишь одинъ только разъ къ двери; богачъ хопѣл самъ выносишь все изъ пещеры, а дровосѣкъ долженъ былъ принимашъ мѣшки и пряшашъ въ кустарникъ. За то онъ получаль половину сокровища, церковь десяшую часть, всѣ бѣдные въ деревнѣ новыя плашья. Такъ говорилъ скупецъ. Но въ сердцѣ своемъ рѣшилъ, когда не нужна будетъ ему помощь дровосѣка, сполкнушь его въ глубокой на горѣ колодязь, не дашь ничего бѣднымъ, а церкви только нѣсколько мѣлкихъ монешъ, для чего онъ назначаль самыя легчайшiя.

Въ слѣдующее воскресеньѣ, еще до восхода солнечнаго, пошель скупецъ съ дровосѣкомъ на гору. На плечахъ у него висѣли: большой мѣшокъ, въ которомъ лежали еще двадцать поменьше, лопаша

и широкой заспуть. Дровосѣкъ съ важностию еще разъ уговариваль его оставить алчность къ богатству; но щещно. Совѣшоваль ему молишься, также щещно. Скупецъ скрежесаль зубами, и шель впередъ.

Вошь они уже у двери. Дровосѣкъ, у кошораго было шяжко на сердце, но удерживаемый страхомъ пышки, спаль въ опдаленіи, что бы принимашь мѣшки.

“Дверца, опворись!”, закричаль скупецъ скоро и шрепеща отъ желанія. Дверь опворилась, и онъ вошелъ. “Дверца, зашворись!”, И дверь за нимъ зашворилась.

Едва спунилъ онъ подъ сводъ, и увидѣль и бочки и мѣшки и ларцы съ серебромъ, драгоценными каменьями, жемчугомъ, блисшающимъ золопомъ; онъ пожираль все глазами, выхвапиль шрепещущею рукою двадцашь мѣшковъ изъ большаго мѣшка, и спѣшилъ ихъ набивашь.

Вдругъ изъ глубины пещеры, шихими шагами вышла большая, черная собока, со сверкающими глазами, и нача-

ла ложиться по на шопъ , по на другой набишой мѣшокъ и на всѣ деньги.

“Прочь , скрыга! , заревѣла большая черная собака. Въ шрепешѣ упалъ онъ на землю , и поползъ , на рукахъ и на ногахъ , къ двери. Но , въ страхѣ , вмѣсто : “дверца , отворись! , , кричалъ нѣсколько разъ : “дверца , зашворись! , , и дверь не ошворялась.

Долго ждалъ дровосѣкъ съ шрепещущимъ сердцемъ. Ему казалось , что онъ слышалъ и рыданія и визгъ и глухой вой собаки—но все скоро утихло.

Начали благовѣстить къ обѣдни въ монастырѣ. Дровосѣкъ помолился , и попомъ тихо постучалъ въ дверь : “дверца , ошворись! , , Она ошворилась ; но — о ужась! — окровавленное шѣло злобнаго соседа лежало на мѣшкахъ , а боченки , ларцы съ золопомъ и серебромъ и драгоценными каменьями и жемчугомъ , передъ его глазами , опускались въ землю , глубже и глубже.

(Сообщено.)

Примѣтательные феномены въ Лифляндіи и на островѣ Аландѣ.

Нашъ вѣкъ, столь достопамятный по чрезвычайнымъ политическимъ переворотамъ, богатъ и необыкновенными явленіями въ самой природѣ. Спокойный и спокойный Сѣверъ, вышелъ наконецъ изъ долговременнаго бездѣйствія своего, и началъ изумлять насъ феноменами своими. Вотъ новыя тому доказательства:

О значительномъ землетрясеніи, бывшемъ въ Лифляндіи, въ Февраль мѣсяцъ 1821 года, возвѣщено уже было въ *Благонамбреномб*. Въ нынѣшнемъ 1823 году, въ 12 часовъ ночи, съ 24 на 25 Января, въ той же странѣ на почтовой станціи *Кукатицѣ* ощущенъ подземный ударъ, столь сильный, что былъ слышимъ жишелями всѣхъ окрестныхъ домовъ.

Въ ночи съ 26 на 27 число Января многіе ночные спражи въ Ригѣ замѣтили блисканіе молніи и слышали громовые удары.

Но самый достопримѣчательный изъ сихъ феноменовъ, есть, безъ сомнѣнія *землетрясеніе* на островѣ Аландѣ. Оно описано въ донесеніи казеннаго земскаго правителя (*Kronvogt*) къ тамошнему главному окружному начальнику (*Landeshauptmann*), отправленномъ изъ Барнсгорды въ Финсирѣмскомъ приходѣ.

Сверхъ того упоминается о немъ во многихъ частныхъ письмахъ. Вопрь всѣхъ обстоятельствъ, каковыми сопровождалось сіе рѣдкое событіе:

Въ ночи съ 29 на 30 Января нов. ст. сего 1823 года замѣчено многократное и частое блиспаніе молніи. Весь слѣдующій день былъ покрытъ тонкою мглою, сквозь которую выпадалъ снѣгъ. Между 10 и 11 часовъ предъ полуднемъ, (по нѣкоторымъ извѣстіямъ между 11 и 12) при густыхъ облакахъ ощущено стремительное громopodobное колебаніе земли, столь сильное, что дома во многихъ мѣстахъ потряслись. Сіе колебаніе сопровождалось глухимъ гуломъ въ воздухѣ. Въ тошъ же самый день, въ половинѣ 3 часа по полудни, опять раздался гулъ, за которымъ послѣдовало землетрясеніе, еще сильнѣйшее перваго. Удивительно явленіе, видѣнное рыбаками. Они, находясь въ то самое время на льду, ощутили подобное колебаніе, и изъ сдѣланныхъ ими прорубовъ, открылись на одно мгновеніе водометы, поднявшіеся до значительной высоты. Оба землетрясенія имѣли направленіе отъ Запада къ Востоку. Первое происходило при юго-восточномъ вѣтрѣ; послѣднее при чистомъ восточномъ. Барометръ стоялъ на 25, 78 дюйма; термометръ показывалъ отъ 6 до 7 градусовъ снужи.

Сіе ужасное явленіе въ природѣ, кажется, есть первое на островѣ Аландѣ. По крайней мѣрѣ, сколько извѣстно, нѣтъ ни одного преданія о происходившемъ тамъ когда либо землетрясеніи. При составленіи подробнаго описанія объ ономъ принималъ я въ соображеніе *Гельзингфорскія* и *Финскія всеобщія вѣдомости*.

По извѣстіямъ изъ Финляндіи происходило въ сіе самое время во многихъ мѣстахъ оной подобное землетрясеніе, сопровождаемое всѣми вышеописанными общепольскими. Особенно замѣчено оное въ *Ништъ*, гдѣ также ощущены въ тѣ же часы, какъ и на островѣ Аландѣ, два подземные удара, отъ которыхъ дома нѣсколько колебались, какъ будто бы отъ проѣзжающихъ мимо каретъ. Направленіе оныхъ было отъ запада къ востоку, при мрачной погодѣ и юговосточномъ вѣтрѣ.

Павелъ Яковлевъ.

ПРОЩАНИЕ НИЖЕГОРОДСКИХЪ ЖИТЕ-
ЛЕЙ *).

(Князь Пожарской, убѣжденный Мининымъ, поспѣшаетъ въ Нижній Новгородъ, принимаетъ начальство надъ ополченіемъ и назначаетъ походъ на слѣдующее утро.)

И ушро пришекло. Вдругъ громкій труб-
ный гласъ
Во градъ возвѣспилъ похода близкій часъ.
Тамъ спарець, въ подвигахъ военныхъ посѣ-
дѣлый,
Рукой дрожащею приявъ свой мечъ тяже-
лый,
Младаго юношу на брань благословлялъ.
“Сшупай, спѣши, мой сынъ!”, онъ радостно
вѣщаль:
“Вошъ мечъ—онъ спутникъ швой и славы и
побѣды!
Будь храбръ какъ швой опецъ; Славяны на-
ши дѣды!
Когда кичливая и гордая Казань
Узрѣла предъ собой опмщенья грозну брань,
Когда земля кругомъ опъ звуковъ шрепе-
пала,
Свиспали пучи спрѣль и алчна смершь зіяла,

---

*) Опрывокъ изъ новой пѣсни. Поэмы: Освобожден-
ная Москва.

Я шель — опважныхъ сонмъ спѣшилъ во
слѣдъ за мной—

Я первый ровъ прешель неробкою спопой,
И первый проложилъ пушь къ граду и—къ
побѣдѣ!

Тогда нашъ юный Царь—Князей, Вожей въ
бесѣдѣ—

Храбрѣйшимъ воиномъ изъ всѣхъ меня на-
рекъ!

О, какъ я счастливъ былъ! Но славы вѣкъ
прошекъ!

Теперь, лишенный силъ, лѣшами опягчен-
ный,

Въ шебѣ, въ шебѣ я зрю мой образъ обнов-
ленный.

Ты также крѣпокъ, бодръ; ты также твердъ
душой!

Спунай, спѣши, мой сынъ! Спасай нашъ
край родной!.,

Вѣщаль, и юноща, склонясь на мечъ главою,
Иль пасшь, иль побѣдишь, клялся опцу-ге-
рою.

А шамъ, младый сушругъ, покоя въ сладкѣй
часѣ

И упренней мечшы, призывный слыша гласъ,
Воспрянулъ опъ одра, воспоргомъ весь объ-
шый;

Уже и щипъ и мечъ и шлемъ гоповъ пер-
нашый!

Онъ съ чувшеомъ пламеннымъ на милую
взираль;

Но ни единый вздохъ ему не измѣнялъ!
 Подруга нѣжная, убишная шоскою,
 Какъ лилія, на грудь склонилася къ герою,
 “Не плачь!”, вѣщаетъ онъ: “не оскорбляй
 слезами
 Ни милой родины, шерзаемой врагами,
 Ни долга моего—онъ въ брань меня зовешъ!
 Когдажъ швой вѣрный другъ межъ храбры-
 ми падешъ,
 Мой гробъ останешся еще шебъ опрадой,
 И имя славное за смерть мою наградой!.,
 А здѣсь, машь нѣжная, непрепешной рукой
 Украсивъ сына грудь кольчугою спальной,
 “Спупай, о милый сынъ, спупай!”, ему вѣ-
 щаетъ;
 “Опмси за смерть опца; онъ, онъ къ псе-
 бѣ взываетъ!
 Когда коварный врагъ, презрѣвъ союзъ свя-
 шой,
 Возспаль на Русской край губишельной вой-
 ной,
 И рѣки пролились невинныхъ жершвъ кро-
 вавы,
 Тогда мой нѣжный другъ, защитникъ опчей
 славы,
 На брань жеспокую съ храбрѣйшими спѣ-
 шиль;
 Я всюду съ нимъ была; спрахъ насъ не раз-
 лучиль!
 Но паль, герой мой паль, пронзенный въ
 грудь спрѣлюю!

Меня же рокъ щадила; неробкою рукою
 Я роковую спаль изъ раны извлекла,
 И съ кляпвой къ небесамъ ошмщенье изре-
 кла!
 Вошь спаль сія—прими! И кровью чужезем-
 ной
 Смой кровь опца съ нее, и долгъ сверщи
 священной.,,
 И сынъ, внимательный, опъ гнѣва препе-
 шаль;
 Ошмспишь, иль умерешь; обѣпъ свяшый да-
 валь.
 Еще раздался зовъ, и всѣ пекушь полпами,
 И спали, грозные, въ рядахъ подъ знаменами.

Волковъ.

~~~~~

Жасминъ.

Прекрасенъ ты, дней Майскихъ сынъ,
 Цвѣпы раскинувъ бѣлоснѣжны,
 Благоухающій жасминъ!
 Прекраснѣй, коль въ вѣнокъ прелестный
 Вплешень ты милою моею.
 Еще ты больше взоръ плѣняешь,
 Коль грудь ея ты украшаешь
 И дышешь аромашомъ ей.

Б. Федоровъ.

~~~~~

*Надпись къ портрету покойнаго
Актера А. С. Яковлева.*

Твои черты попомсшву представляя,
Почто, о Яковлевъ, нельзя здѣсь передашь
Искусства швоего — всѣ спрасши выражашь,
Рукоплесканія и слезы испоргая.

Б. Федоровъ.

ОГЛАВЛЕНИЕ XXI ЧАСТИ.

I ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Стихотворенія.

Отрывки:

сбран.

Изъ Расиновой Трагедіи: <i>Федра</i> —разсказъ <i>Тералена</i> о смерти <i>Ипполита</i>	136.
— новой пѣсни Поэмы: <i>Освобожденная Москва</i> Прощаніе Нижегородскихъ жи- телей	460.

Гимны, Оды и прот. лирич. стих.

Торжество Искупишеля	319.
Подражаніе XXXIV Псалму	385.
Къ другу (во время грозы)	194.
Къ приятелю	325.
Къ Панасву. <i>Сонетъ</i>	324.
Славянская <i>Эклога</i>	140.
Посланіе къ <i>Н. И. Б.</i>	90.

Элегіи:

Новый годъ	284.
Пѣснь <i>Оссіана</i>	321.
Ночь. <i>Русская Быль.</i>	128.
Поздравленіе Швейцара. <i>Дума.</i>	301.
Завѣщаніе Магиспранскаго <i>Повышчика.</i> <i>Сатира.</i>	256.

Сказки:

	страниц.
Встрѣча двухъ подругъ	32.
Али Паша	93.
Паша и Дервишъ	155.
Знай время	208.
Скупой и сынъ его	277.

Басни:

Журавль и Лягушка	12.
Пшичка и Мушка	216.
Садовникъ	264.
Макарьевнина уха	355.

Смѣсь.

Къ нарваннымъ и брошеннымъ цвѣшкамъ.	72.
<i>Н. Н.</i> при посылкѣ ей <i>Тассовыхъ Мет-</i> <i>таній</i> (<i>Le Veglio di Tasso</i>)	—
Одуванчикъ	94.
Жасминъ	463.
Прогулка въ саду	127.
Дружескій совѣшъ	147.
Мой новый годъ	174.
Величіе Божіе	321.
Къ Сеспрѣ, при посылкѣ сочиненій Жуковского	326.
Дядѣ и благодарю <i>И. А. К.</i>	354.
Къ портрету Карамзина	240.
Къ портрету Актера Яковлева	464.
<i>Надгробіе</i> <i>Н. В. Смирнову</i>	263.
альбомъ <i>Надеждъ * * *</i>	240.
<i>Акrostихъ</i> <i>А. В. Л-ой</i>	291.

<i>Эпиграммы</i>	72 и 239.
<i>Шарада-Омонимъ-Анаграмма</i>	293.
<i>Анаграмма на новый ладъ</i>	—

Проза.

Повѣсти и Анекдоты:

<i>Плача пою же монешою</i>	36.
<i>Всякая ложь опасна</i>	95.
<i>Асседъ корзинщикъ, или врапа почестей</i>	183.
<i>Годъ испытанія</i>	241.
<i>Дѣпская привязанность</i>	391.
<i>Думбургъ. Народная Нѣмецкая Сказка</i>	447.

Сатирическіе отрывки, характеры, и т. п.

<i>О какъ все перемѣнилось!</i>	5.
<i>Чудакъ</i>	9.
<i>Женщины и мужчины</i>	131.
<i>Визитные билеты</i>	149.
<i>Немногое для многихъ</i>	210.
<i>Кипайское сватовство</i>	305.
<i>Объявленіе о стихотвореніяхъ моего приятеля</i>	363.
<i>Прити Круммахера</i>	443.

Философическія и нравоучительныя разсужденія:

<i>О женщинахъ. (Изъ Вейса)</i>	73.
<i>Нѣчто объ умѣ, совѣсти и чувствительности</i>	161.

II. ЛИТТЕРАТУРА, НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

	стран.
О Амплификаціи	220.
О путешествіи по Сициліи Г. Саива въ 1820 и 1821 году	265.
О школахъ живописи	327.
Взглядъ на дидактическія Русскія спи- хотворенія	334.
Новая школа Словесности	450.

III. КРИТИКА И АНТИКРИТИКА.

Замѣчанія на спашью: <i>о торговлѣ древ- нихъ и новыхъ народовъ</i> , напечатанную въ 52 книжкѣ <i>Сына Отечества</i> 1821 года	13.
Замѣчаніе на опзывъ Критика въ <i>По- лярной Звѣздѣ</i>	158.
Возраженія противъ замѣчаній на <i>Бла- гонам.</i> въ <i>Révue Encyclopédique</i> . . .	279.
Замѣчанія на нѣкопорыя спашьи жур- наловъ, и т. п.	288, 357 и 367.

IV. ТЕАТРЪ.

<i>Сидѣ</i> , Трагедія въ 5 дѣйствіяхъ, и <i>Уеди- ненный домѣ</i> , Опера въ 2 дѣйствіяхъ, представленная на Б. Т. 14 ч. Декаб- ря въ пользу <i>Каратыгина</i> б.	40.
Переписка съ дамами о Театрѣ	56.
О Пермскомъ благородномъ Театрѣ	227.
<i>Танкредѣ</i> , Трагедія въ 5 дѣйствіяхъ, предст. на М. Т. 2 Февраля	229.

V

У. СМѢСЬ.

	страниц.
Мысли и Замѣчанія	61.
Саширическая Газета	67, 150, 233 и 311.
Спашьи изъ иносшранныхъ журналовъ и газетъ	153 и 196.
Спашьи изъ модныхъ журналовъ	217.
Письмо къ Издашелю изъ Тулы о экзаменахъ въ шамощныхъ учебныхъ заведеніяхъ	145.
Краткіе Анекдоты	232 и 291.
Вопросы и Ошвѣшы	295.
Добрая Обезьяна	298.
Книжныя извѣстія	315, 378 и 382.
Извѣстіе о бѣдномъ сѣмействѣ	314.
Благошворенія	388.

О П Е Ч А Т К И.

Напечатано:

Читай:

№ I.

Стран. Сшрок.

8	1 шамъ	шакъ
20	3 Французскій	Французской
23	9 и 10 истощишся	истощишься
—	24 другомъ	другомъ
31	25 и 26 шовароми	шоварами
38	2 начашъ	начашъ
39	20 раскланялись	раскланялись
45	12 еозжигала	возжигала

Стран.   Сшрок.

45	27	добрымъ	добромъ
46	3	не знанъ	не зналъ
55	1	Валберхоса	Валберхова

№ II.

89	19	оскорбленя	оскорбленныя
110	15	пашшешомъ	пашшеша
133	12	и	я
140	3	прияшног	прияшное
141	28	весь	весь
146	30	По окончави	По окончави
155	2	Феллинскомъ	Феллинскомъ
156	8	пушь	пушь
157	15	шупишь	шупишь

№ III.

165	10	эгоизма	эгоиспа
171	3	веегда	всегда
183	10	Пера	Перы
190 \ 9	и 10	попираемых	попираемыхъ
212	10	искусшво	искусшво
214	10	въ перквѣ	въ церквѣ
227	7	№ III	1818 г. № III
228	6	декарацій	декорацій
233	17	шѣхъ	шѣхъ

№ IV.

спран.   спрок.

243	1	жвлице	жилице
249	12	рѣшились	рѣшилась
258	13	не мощна	немоцна
260	28	мірѣ	мирѣ
—	29	благолѣшии	благолѣпни
288	23	какъ какъ	какъ

№ V.

320	19	Воспока	воспорга
337	16	вспрѣчаешся	вспрѣчаешся
370	3	цѣли	цѣли
382	3	Объявленіе	объявленіе
389	15	чиновнику	чиновнику

№ VI.

339	15	сего	его
406	25	отказываешь,	отказываешь.
408	29	чшо	чшо
415	27 и 28	муию	мумію
430	9	извѣнише	извинише
433	20	спрашныя	спрашныя
445	3 и 4	спранспреванія	спрансшвованіе
—	11 и 12	раскаялся	раскаялся
461	5	нашъ	нашъ

Имена подписавшихся припечатаны будущи при концѣ XXII части, п. е. при XII N^o *Благонаименнаго* .

Если кому изъ подписавшихся на *Благонаименный* нынѣшняго 1823 года угодно будетъ получить опъ самаго Издашеля Журналь сей за прежнія пять лѣтъ, въ шакомъ случаѣ имѣеть бытъ сдѣлана весьма значительная уступка. Всѣ первыя двадцать частей, съ 1818 го по 1823 годъ, можно выписывать опъ него до 1 ч. будущаго мѣсяца Юля за 75 р. не прилагая денегъ за пересылку .

